

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Белорусский национальный технический университет

Кафедра «История, мировая и отечественная культура»

**ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
В СУДЬБАХ НАРОДОВ МИРА И БЕЛАРУСИ**

Сборник научных статей по итогам
Международной научно-теоретической конференции

Минск, 7 декабря 2017 г.

Минск
БНТУ
2017

УДК 94(47+57) «19»(06)

ББК 63.3 (46 Бей) я43

О-52

Редакционная коллегия:

Божанов В. А., доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой «История, мировая и отечественная культура»;
Боголейша С. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры
«История, мировая и отечественная культура»

Рецензенты:

Томилина Л. П., кандидат исторических наук, доцент,
зав. кафедрой гуманитарных наук Белорусской
государственной академии связи;
Зайцева Н. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры
«Экономические теории» Белорусского национального
технического университета

В книге представлены материалы, посвященные Великой Октябрьской социалистической революции в связи с ее столетней годовщиной. Раскрываются ее причины, движущие силы, государственные и национальные процессы, международные события.

Адресуется научным работникам, преподавателям, студентам, всем, кто интересуется историей Октябрьской революции.

ISBN 978-985-583-127-4

©Белорусский национальный
технический университет, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вековое измерение со дня Великой Октябрьской социалистической революции наполнено крупными мировыми событиями, которые так или иначе, хотя и по-разному, связывают с ее последствиями. Любая революция является, по К. Марксу, “повивальной бабкой” истории, творением ее коренных изменений. Что же породила третья Русская революция в первую очередь в России, затем во всем мировом пространстве? Несомненно, эхо революционного взрыва имело как ближайшие, так и отдаленные последствия. Большевики оказались единственной силой, которая перехватила власть у буржуазного Временного правительства в момент катастрофического падения страны. Был осуществлен выход из бесконечной и губительной войны, состоялась попытка реально построить “невиданное в мире государство” без помещиков и буржуазии, выстроить жизнь по меркам простого человека

Революция есть революция. Ее стихийный взрыв очень трудно подчинить каким-то нормам, “правильному ходу событий”. Участие в ней миллионов людей, которые не выдержали войны, голода, разрухи, болезней, создает бунтарское своеволие, которое выливается в непредсказуемые действия, чаще всего разрушительного, озлобленного характера. На этой волне формируется такая же власть. Именно поэтому сегодня многие политики отрекаются от революции как способа коренного изменения жизни. Однако революции возникают не по заказу или по чьей-то воле. Они являются собой взрыв терпения простых людей в отчаянной попытке убрать из власти “супостатов” и выстроить свою, народную, власть, естественно, справедливую и честную. Поэтому лучший способ уберечь страну от “тернового венца революций” – это не доводить людей до предела жизненных условий. Иначе народ вдруг “неожиданно” из абстрактной массы превращается в сердитую толпу перед резиденциями своих правителей. Ничего хорошего ни для восставших, ни для власть придержащих в этом случае не бывает. Страдают все. Октябрьская революция тому яркое доказательство, зеркало, в которое надо периодически смотреться. Как, кстати, и в зеркала других революций на планете.

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ФАКТОР РУССКОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ (размышления)

Жукоцкий В. Д., Жукоцкая З. Р.

г. Тюмень, ТюмГУ
г. Могилев, БИП

Когда мы вспоминали историческое событие столетней давности – событие Первой русской революции, прокатившейся по всей России в 1905–1907 гг., то перед нами открывалось широкое полотно радикального социально-политического действия с высшей кульминацией его в Октябре 1917 года. Это значит, что первую революцию нельзя рассматривать в отрыве от двух последующих. Это значит, что Большая русская революция начала XX века, о которой принято говорить «изменившая мир», проходила в три этапа и первым из них приходится на события 1905–1907 гг. а имела еще два по-настоящему решающих этапа – в феврале и в октябре 1917 г.

В этой связи возникает вопрос о смысле и назначении этой революции. Ради чего люди пошли на жертвы в этой ожесточенной социально-политической борьбе? Что такое русская революция для русской истории?

Ответ не лежит на поверхности, но по мере удаления от глыбы этого исторического события проступает его отчетливый контур. На самом деле – это было грандиозное событие перехода российской государственности из патриархальности в современность, от Самодержавия светского и духовного к Республике и Конституции, к подлинному Народовластию, которое лишь вначале приобрело вынужденную форму «самодержавия народа», но в дальнейшем мучительно, но верно проделывало эволюцию в сторону реальной социальной демократии.

Большевикам лишь выпала не легкая доля загрести жар этого всеисторического действия, этого тектонического сдвига пород российской цивилизации, и придать ему специфическую форму уникальной в своем роде победоносной (!) рабоче-крестьянской революции. Все или почти все крайности этого события русской революции были продиктованы крайностями тех, кто упорно не желал принимать реальность и необходимость такого перехода из патриархальности в современность, кто упорно желал «приморозить» Россию еще лет на сто. Разумеется, были и те, кто в той исторической ситуации держал золотую середину, позицию «здорового смысла». Но они были в меньшинстве и не имели шансов на успех.

Решающее большинство граждан России воспринимали народную революцию в чисто религиозных категориях – либо абсолютного добра, либо абсолютного зла при явном перевесе первого над вторым. Уж слишком реакционно-консервативным оказался романовский царизм на последней стадии своего существования. Вот почему история выбрала большевиков! Она выбрала тех, кто способен был держать щит от неимоверного разгула реакции, с одной стороны, и совершенной дикой анархии – с другой.

С этим можно не соглашаться по политическим мотивам, но в этом была судьба России. А значит, отвергая эту судьбу, вольно или невольно отвергают саму суть российской цивилизации. Это, как никто другой, понимали евразийцы, казалось бы, воевавшие на стороне белых, но вынужденные признать по итогам гражданской войны историческую правду русского коммунизма.

Для начала следует определиться в главном: революция – это хорошо или плохо? На первый взгляд, все очень просто. Революция – это скачок в развитии, быстрое и радикальное изменение чего-либо, своего рода – переворот. Однако отношение к революции может быть самое разное. Все зависит от того, на какой стороне баррикады находится оценивающий ее человек. Важно и то, в какой форме проходит революция, ибо, признавая закономерность тех или иных революционных событий, мы не всегда готовы признать их форму. Таким образом, оценочное суждение о революции опирается не только на вопрос Что происходит и во имя каких целей? Оно также задается вопросом: Как это происходит, каковы средства и методы революционной борьбы?

Все эти вопросы обретают особую остроту, когда речь заходит о социальных и политических революциях, поскольку именно в них кипят нешуточные страсти. Революция в науке или в искусстве и даже в религии, если она не затрагивает политической сферы, проходят сравнительно мирно, поскольку их бытие локализовано в пространстве отдельных видов духовной культуры. Но уже научно-техническая, промышленная или экономическая революция получают самый широкий общественный резонанс, затрагивающий основы человеческого бытия в социуме.

Наше время, как известно, не жалуется ни на понятие революции, ни тем более сам исторический факт русской революции. И это притом, что недавние события 1991–1993 гг. трудно характеризовать

иначе как революционные или контрреволюционные, во всяком случае, как имеющие отношение к коренному переустройству общества. Следовательно, революция революции рознь. И то, что хорошо в одном отношении и для одной власти, не всегда приемлемо для другой или в каком-то другом отношении. Вот почему научный подход к проблеме предполагает некоторое дистанцирование от политических страстей и пристрастий и стремится установить единый критерий оценки для всех.

Итак, первый вопрос, который здесь возникает, связан с общим определением революции как социального и политического события глобального масштаба. Заранее оговоримся, что речь не идет о банальных политических переворотах внутри одной и той же верхушки или правящей элиты. Слово переворот наиболее точно отражает ситуацию решительных разборок внутри господствующих классов. Но революция по определению затрагивает интересы не только правящей элиты и ее внутренних междоусобиц. Она обращена к широким социальным слоям, причем в вопросах, затрагивающих их самые важные жизненные интересы, сопоставимые с гамлетовским вопросом «быть или не быть?». Иначе говоря, революция – это большой переворот, а переворот – это маленькая революция.

Слово переворот здесь напрямую связано с ассоциацией переворачивания песочных часов: когда песок иссяк, и время остановилось, часы нужно перевернуть и тогда движение вновь возобновится. Именно это и делает революция. Тогда искомая формула приобретет красивый вид. На вопрос: для чего происходит революция? – мы получаем очевидный ответ. Революция возобновляет течение времени после долгого периода его остановки или застоя.

Известно, что бунты, восстания, перевороты сопровождают всю историю человечества, но термин революция возникает сравнительно недавно – в Новое время. И это отнюдь не случайно. Именно буржуазная эпоха и бурное развитие капитализма в Европе порождают качественно новое социальное явление под названием политическая революция. Речь идет о фундаментальных трансформациях в самих основах традиционного общества, которые проходят под воздействием стремительного промышленного развития и появления нового центра власти – крупного капитала. Именно перераспределение политической власти между ним и старой феодальной аристократией и составляет суть политических революций Нового времени.

Но особенность капитала в том, что он не существует сам по себе, по образному выражению К. Маркса, без своего «могильщика» – пролетариата. Консолидированный рабочий класс выступает необходимым источником роста капитала и всего мира общественного богатства. При этом сливки достаются другим, тем, кто стоит у «краника готовой продукции» и самих условий производства. Это само по себе создает социальное напряжение и консолидирует политический интерес труда по отношению к политическому интересу капитала. Эти два разнонаправленных интереса обречены на историческую конфронтацию, но в тактических вопросах борьбы за новый общественный строй они очень часто объединялись против сторонников феодального барства и монархического абсолютизма.

Как правило, пролетарии составляли необходимую социальную силу революций, ведомую под руководством буржуазии. Но бывало и наоборот, когда лидерство захватывали рабочие, видя слабость и неорганизованность буржуа перед угрозой возрастающей анархии и хаоса. Именно так это случилось в России в начале XX века.

Либеральная идеология, призванная обслуживать интересы буржуазии, перед лицом царистской реакции и его «невменяемого консерватизма» пропитывалась социальной и даже социалистической фразеологией и вовсе не помышляла о стратегическом союзе со старыми консерваторами против нарастающего социального движения. Если опыт буржуазных революций в Западной Европе использовал пролетариат по преимуществу как средство для достижения собственных целей, то в России пролетарское движение обрело самость, самостоятельное значение. Оно выступило автономным субъектом политической борьбы. Особый вопрос: почему это произошло? Пока мы констатируем лишь факт такого обособления.

Вот почему русская революция, будучи явлением тривиальным по меркам европейского и мирового капиталистического развития, в силу ряда особенностей российской цивилизации явно вышла за рамки средневропейского стандарта, и это дало повод показывать на нее пальцем. А всякий выход за рамки существующей нормы может оцениваться как с положительной, так и с отрицательной стороны. Все зависит от особых пристрастий наблюдателя. Именно в этом вопросе от ученого требуется особое мужество не погрешить против истины и не дать увлечь себя внешней корысти. Хотя бываю ситуации, когда корысть совпадает с объективностью. Напри-

мер, классики марксизма-ленинизма с известной последовательностью доказывали, что следование пролетарскому интересу совпадает с объективным интересом прогрессивного общественного развития, и связано это с особым положением этого класса в общей системе общественного производства. Впрочем, и в данном случае жизнь показала, что простые схемы в сложных общественных процессах не действуют, они лишь помогают правильно сориентироваться в этом круговороте корпоративных страстей и страстишек.

Пока ясно одно: революция – это норма общественного развития, но, как у всякой нормы, здесь возможны свои патологии, а внутри патологий действует своя закономерность, которую также не сбросишь со счетов.

Ради чего совершаются социальные революции? Что отличает их от простого народного бунта, каких было множество на Руси и в мировой истории? Песни слагали и про Стеньку Разина, и про Емельку Пугачева, однако строй и логика общественного развития оставались прежними. Что нового привносит социальная революция в логику новейшей истории?

И в более древние времена успех народным движениям сопутствовал лишь в том случае, если в нем принимали участие представители образованного класса, преследующие либо свой особый интерес, либо всерьез сочувствующие народу в его справедливой борьбе с угнетателями.

Однако история социальных революций Нового времени – особого рода. Она связана с переходом всей логики общественного развития в иную плоскость, от феодальной патриархальности к буржуазной современности, от тотального господства волевого начала в общественных делах к господству социально-экономических факторов, образующих гражданское общество и выстраивающих соответствующую ему политическую организацию на принципах конституционализма и республиканизма.

Столь радикальный шаг в самом способе организации общества и вызвал к жизни феномен социальных и политических революций, которые вошли в историю под названием буржуазных революций. Суть последних в том, что лидирующая роль в них принадлежала новому, бурно развивающемуся классу буржуазии, как классу собственников, противостоящих традиционной аристократии. Другая особенность этих революций была связана с вынужденной опорой

на обездоленный народ, лишенный в ходе раннебуржуазного развития старых феодальных покровителей и так и не нашедший новых. Именно поэтому он вынужден был перейти к активному формированию собственного политического самосознания, которое в дальнейшем получило название пролетарского или социалистического.

Заметим при этом, что буржуазные революции, как и всякие социальные революции, очень часто обретали предельную форму ожесточения, а самая великая из них – французская – и вовсе дала миру образцы беспримерного социально мотивированного кровопролития. В цепи революций 1848-49 гг. мир и вовсе получил образец чисто классово-диктатуры, названной в политологической литературе «диктатурой буржуазии» или диктатурой крупного капитала. И только при наличии органического противовеса в виде «диктатуры пролетариата» этот политический процесс постепенно приобретал вполне демократические черты, позволявшие говорить о закладке основ народовластия.

Таким образом, буржуазные революции при активном участии в них социального или социалистического элемента представляли собой важнейшую форму общественного прогресса в Новое и Новейшее время. В общемировом масштабе этот процесс вхождения в современность и в наши дни еще далеко не завершен, включая страны «золотого миллиарда».

В чем его суть? В развитии институтов гражданского общества или общественного самоуправления.

В области политической – это освоение правил и норм «парламентской говорильни» или, как принято теперь говорить, формальной демократии.

В области экономической – это цивилизованное отношение к частной собственности как институту, имеющему высшую форму общественной ответственности. Заметим, что только силой и мощью марксистской аргументации, как бы методом от противного, эта максима проходит в игольное ушко современной цивилизации.

В области социальной – это провозглашение прав и свобод личности, личного достоинства граждан, отмена сословий и юридическое закрепление принципа равенства всех граждан перед одним законом, получившее наименование буржуазного права.

В области культуры – это торжество секуляризационного процесса, освобождающего людей от тотального господства церкви.

Это бурное развитие науки, искусства, светской морали, расцвет классической и постклассической философии – все то, что мы привыкли связывать с эпохами Просвещения, модернизма и постмодернизма. Все это менее всего походит на бунт, как некий эмоциональный протест против вопиющей несправедливости. Революция отличается от бунта своей основательностью и необратимостью своих преобразований. В отличие от бунта революция несет положительный смысл, она не столько отрицает прошлое, сколько утверждает настоящее и будущее.

Революция в своей сознательно созидающей части лишь открывает плотину, запускает процесс по производству и культивированию социальной энергии и «творчества масс». Не нужно читать Ленина, чтобы понимать такие вещи. Но, читая Ленина, мы открывает историческую и политологическую конкретику этого глобального процесса. Существует множество свидетельств бурного развития капитализма в России в конце XIX века без всяких революций. Достаточно просмотреть работы Г.В. Плеханова, П.Б. Струве или В.И. Ленина 1890-х гг., чтобы убедиться, что «процесс пошел» и его уже невозможно остановить. Тогда почему революция все же полыхнула? Был ли у России шанс мирного вхождения в капитализм без буржуазных революций и тем более без их перерастания в революцию социалистическую?

Маленькая или большая буржуазная революция – вещь обязательная. Мировая история не знает исключений в этом вопросе. Большая буржуазная революция отличается от малой тем, что имеет некое всемирно-историческое значение и оказывает решительное влияние на другие страны. Кроме того, она не останавливается перед угрозой кровопролития со стороны контрреволюции и готова идти до конца в утверждении своего «правого дела».

Когда происходят такие революции? Когда они оказываются уж слишком новым явлением для мира в целом или для данной страны с ее исключительными историческими особенностями. Отсюда следует, что Россия по всем параметрам претендовала на большую буржуазную революцию с такими элементами, которых ни у кого до сих пор не наблюдалось.

Главная особенность России в плане ее общественно-политического устройства связана с историей русского самодержавия, как особой формы монархического абсолютизма, и русского православия,

о котором Вл. Соловьев не без оснований писал как о «национализированном христианстве». Эти две вертикали высшей власти в России - светской и духовной, призваны были образовывать некую «симфонию властей» в духе Византийской традиции. И когда это удавалось, возникал уникальный монолизм власти, для которой «все возможно», причем не только в практическом плане, но и в религиозном, что означало: «Новый Иерусалим» не в будущем человечества, а в настоящем Святой Руси.

Однако эта модель общественного устройства обнаруживала тем большую слабость в периоды кризисов: смены царской династии («смутного времени») или ослабления традиционной веры, что стало слишком закономерным со времен Петра Первого, превратившего церковь в «духовное министерство», лишенное исконного атрибута личной святости. Распад патриархального общества, лишенного традиций классического феодализма, и стихийное развитие капитализма в централизованной и одновременно такой разнотипной России обостряли этот формационный кризис до общего кризиса российской цивилизации. Выходом из этого исторического тупика могла быть только большая буржуазная революция, причем революция особого типа. Эта особенность сделала ее сверхбуржуазной еще до того, как она произошла. Об этом свидетельствует вся русская культура XIX-начала XX вв., антибуржуазной и антикапиталистической по духу.

У России был шанс осуществления такой небывалой социальной революции мирным способом, сверху, если бы русский царь вдруг сделался одновременно и либералом и социалистом, перехватил лозунги либеральной и революционной русской интеллигенции, сделав ее союзницей своих радикальных социально-политических преобразований. Правда, для этого ему пришлось бы еще перестать быть заядлым монархистом, верящим в святость русского самодержавия, перестать опираться на черносотенное движение, признать права народов на самоопределение, на утверждение принципов конституционализма и республиканизма, набраться мужества решить, наконец, крестьянский вопрос, а попутно обозначить хотя бы решение рабочего вопроса.

Без всех этих риторических «если» Николай II был попросту обречен. Не надо было никаких большевиков, чтобы предсказать его печальный конец. Большевики понадобились для другого. Кто-то

должен был овладеть этой стихией народного бунта, чтобы направить ее в созидательное русло победоносной социальной революции. Даже если для этого пришлось выбросить лозунг социалистической революции. Или, может быть, ради нее и случилось все это стечение исторических обстоятельств?

Характерно, что до большевиков в течение 1917 г. фортуна давала шанс «порулить» каждой из политических партий революционной России, но ни одна не справилась с заданием.

Другой вопрос: стало ли капитализма больше в России после такой социалистической революции? Разумеется, нет, но процесс внутренней подготовки к принятию «буржуазного мира», как необходимого элемента современной цивилизации, пошел. Он шел подспудно, через тотальную секуляризацию, которая для большей своей основательности обрела форму просвещенческой реформации – религиозного по форме научения истинам социального разума и светской культуры. Именно Сталину удалось подчинить этой цели философию («диалектический и исторический материализм»), искусство («социалистический реализм») и даже науку путем прямых идеологических интервенций в эту сферу, как подчинил он этому и русскую православную церковь.

Однако тема развития буржуазности в недрах советского общественного строя явно выходит за рамки данного рассмотрения. Гораздо важнее другое, что такая установка на освоение всех достижений цивилизации буржуазных стран была четко сформулирована вождем пролетарской революции В.И. Лениным в его работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» (1920). Тезис на первый взгляд чисто народнический и звучит он примерно так: мы не намерены отказываться от великих достижений буржуазного мира, но мы будем осваивать их на нашей советской основе, избирательно и по возможности избегая все мерзости классического капиталистического пути!

Итак, подведем некоторые итоги. Мы видим, что все страны мира на пути к современному состоянию общества прошли стадию буржуазных революций с большей или меньшей степенью их социализации. И лишь немногие страны, включая Россию, зачерпнули полной мерой переходность от буржуазных к социальным и социалистическим революциям. Почему? Ведь наряду с различием цивилизаций и культур должно действовать и различие политических

тактик и стратегий, различие путей для достижения одной цели – расширения действительно исторической базы для социального гуманизма? Потенциал социальных и социалистических революций присутствовал во всех без исключения странах мира. У всех по-разному разрешалась эта проблема. Ближе всего к русскому варианту событий были французы с их Парижской коммуной, а после Октябрьской революции в России – Германия в 1918 г. Следовательно, было нечто в российской ситуации такого, что перевесило чашу весов в пользу именно социалистической революции. Что же это?

При самой мрачной политической беспросветности русского самодержавия процесс вхождения в современность в области культуры и социально-экономических отношений был неудержим уже во второй половине XIX века. Народнический дух, исполненный идеей социального гуманизма, пронизывал собой все слои русской интеллигенции и культуры, даже те из них, которые по видимости противостояли народничеству как идеологии. Этот процесс нарастал как снежный ком и требовал решительных преобразований в политической сфере.

Однако мифическая святость самодержавия в России, освященного авторитетом официального православия, оставляла мало надежд на мирный исход, саму возможность мирного перехода к исторически востребованным принципам конституционализма и республиканизма. Эти надежды были ничтожными и потому, что противоположный, революционный лагерь все более тяготел к бескомпромиссной борьбе не на жизнь, а на смерть.

Тактический строй классических буржуазных революций был связан с двумя актами политической активности буржуазии: сначала с народом против монархии и аристократии, а затем с укрошенной монархией и аристократией против зашедшего слишком далеко народа. Так случилось, что в России этот алгоритм действий не сработал: слишком велика была пропасть между либералами от буржуазии и консерваторами от монархии, слишком долго они оставались по разные стороны баррикад, чтобы в одночасье выступить единым фронтом против революционных масс. В результате потенциал социально-гуманистической идеи, который в условия классического буржуазного развития реализовывался эволюционно, от эпохи к эпохе, в России 1917 года был выплеснут в пламя революции. И это произвело двойной эффект.

Во-первых, это дало колоссальный рост радикализма и связанного с ним ожесточения на обоих полюсах политического единоробства. Произошла потеря гуманистического стержня в самих способах борьбы. Не случайно, 90% всех захватов помещичьих земель крестьянами приходится на лето 1917 года, когда большевики еще находятся в глубоком подполье и скрываются от преследований Временного правительства. В этот момент победить в России мог только тот, кто первым готов был узаконить случившийся факт рабоче-крестьянской революции.

Во-вторых, именно это обстоятельство дало невиданную концентрацию социальной воли по закреплению принципов социального гуманизма – прав трудящегося и эксплуатируемого народа – на уровне конституционного права в молодой Республике Советов.

Это обстоятельство формально и вывело Россию в XX веке в духовные лидеры эпохи. Она оказалась на гребне тех политических процессов, к которым классический вариант буржуазного развития еще только подходил. Она показала миру новый вектор реализации глобализационного проекта – на базе принципов социальной демократии и социализма. Именно в этот момент истории левое социал-демократическое крыло становится нормой политических единоробств, выдержанных в демократическом поле.

Таким образом, русская революция, вынужденная пройти чистилище гражданской войны, навязанной ей контрреволюцией, обозначила новый вектор глобализационного проекта целостной гуманизации общества: она перевела идею Просвещения из политико-правовой в социально-экономическую и общедемократическую плоскость. Другое дело, что способ реализации этого вектора движения, предложенный Россией, был слишком жестким для тех стран, которые волей истории шли классическим путем развития или приближались к нему. Но он же оказался своим для очень многих стран догоняющего развития. Это по крайней мере объясняет, почему во второй половине XX века за Союзом Советских Социалистических Республик пошла добрая половина всего человечества. И если бы не фатальная установка Северо-американских штатов огнем и мечем выжигать молодую поросль цивилизации будущего, мир уже в наши дни мог стать преимущественно социалистическим. И все потому, что общий вектор мирового развития определен самой логикой истории.

В случае классического варианта исторического развития процесс гуманизации общественной жизни идет от ценностей «правового государства» к ценностям «социального правового государства». В другом – неклассическом случае, ускоренного и догоняющего развития по пути модернизации, процесс гуманизации общественной жизни идет от ценностей «социалистического государства» к ценностям «правового социального государства», как это происходило в Советском Союзе и многих других странах мира. В этом случае термин «социалистический» означает лишь вынужденную более радикальную форму глобальной социализации труда и капитала.

И в этом также есть своя логика. Ведь оба этих процесса шли навстречу друг другу в соответствии с теорией конвергенции двух систем, столь активно разрабатывавшейся академиком А.Д. Сахаровым. И только геополитические и военно-политические факторы упорно сталкивали их лбами. Последствия этого столкновения и в наши дни продолжают создавать немало проблем развитию российской цивилизации. Это прежде всего проблемы тотальной дегуманизации всей социальной и экономической сферы, отбрасывания назад великих исторических завоеваний советской цивилизации.

Причина в том, что на волне антисоветизма люди автоматически забывают исходную истину, с которой в начале все были, кажется, согласны: капитализм – это неизбежная и по настоящему необходимая ступень исторического развития, но не он есть цель. Что-то другое должно прийти ему на смену, снимая то зло, которое он несет в себе. Это зло необузданной частнособственнической наживы, попирающей любую человеческую ценность, социальную справедливость и элементарную правду жизни. Вопрос не в том вечен ли капитализм, а в том, что и каким образом сможет его обуздать, не разрушая того, что принято называть достижениями мировой цивилизации.

Русский опыт в этом вопросе бесценен. Он несет в себе и отрицательный и положительный моменты для всего человечества. И достигнут он благодаря великой русской революции, ее смелому порыву шагнуть в неизвестность абсолютно новой социальной реальности. Начало этому процессу и положила Первая русская революция 1905-1907 гг., продолжением которой стал Великий Октябрь.

ПРИЧИНЫ, ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ХАРАКТЕР ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ (РУССКОЙ) РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Космач В. А.

г. Витебск

В январе 1917 г. российского императора Николая II Романова одиннадцать раз предупреждали о готовящемся государственном перевороте. Он ничего не предпринял для своей защиты [14, с. 5]. И очень зря. Ещё в августе 1915 г. в Государственной Думе оформился Прогрессивный блок, объединивший все фракции, за исключением крайних левых и правых. Либеральная часть правительства в лице А.В. Кривошеина, С.Д. Сазонова, А.А. Поливанова (нового военного министра), И.К. Григоровича (морского министра) и других поддерживала создание блока, членами которого признали себя 235 депутатов Государственной Думы из 422 (в том числе даже такой убежденный правый, как В.В. Шульгин). К Прогрессивному блоку Думы примкнули три влиятельные фракции Государственного Совета [5, с. 336; 6, с. 55-58]. Фактическим лидером Прогрессивного блока являлся кадет П.Н. Милюков.

Прогрессивный блок требовал от императора пойти на создание «ответственного правительства», т.е. такого министерства, которое формировалось бы Государственной Думой и Государственным Советом, и было бы ответственно перед ними, а не перед царём, который превращается в монарха «царствующего, но не правящего», как в современной Великобритании или Швеции. Государь же был готов только на «кабинет общественного доверия», когда министры назначаются монархом из числа лиц, которым доверяет большинство Думы и Госсовета, но при этом министры продолжают отвечать за свои действия только перед императором. Если бы Николай II Романов согласился на «ответственное министерство» в 1916 году, революции в 1917 г. в России бы не было. Но император стоял на своем. И тогда в недрах Госдумы и Госсовета, среди членов Прогрессивного блока созрел заговор. Лидеры думского Прогрессивного блока решили вырвать власть у царя путём «дворцового переворота» и опираясь на стихийное недовольство народных масс и уставшей от войны армии [5, с. 341]. Вызвать подобное недовольство было несложно. Достаточно было небольшой провокации в столице, что и случится в феврале 1917 г. в Петрограде.

Следует отметить также, что к Прогрессивному блоку в Думе тесно примыкала и так наз. «межпартийная оппозиционная группа» депутатов в составе А.И. Гучкова, М.И. Терещенко, Н.В. Некрасова, А.И. Коновалова и А.Ф. Керенского – будущих активных членов Временного правительства. Обсуждались планы опять же «дворцового переворота», способного предотвратить кризис всей системы государственной власти и обеспечить победу России в войне. Предполагалось передать престол цесаревичу Алексею при регентстве великого князя Михаила Александровича и управлении министерства, ответственного перед Думой [5, с. 339 – 340].

Как отмечает в своей книге Святослав Рыбас «Заговор верхов, или Тотальный переворот» (М.: Молодая гвардия, 2016. – 365 с.), заговор распространялся все шире и шире. К нему присоединился дворцового переворота председатель земского Союза князь Георгий Евгеньевич Львов, будущий председатель первого состава Временного правительства. По его плану монархом должен был стать великий князь Николай Николаевич. Посвящая в заговор своих соратников-земцев, среди которых были московский городской голова М.В. Челноков и тифлисский – А.И. Хатисов (по данным Н. Берберовой, оба масоны), Львов сказал, что заговор поддерживали 29 председателей земских управ и городских голов, что великий князь Николай Николаевич оповещен и что сам Львов возглавит будущее правительство [14, с. 267 – 268].

А.И. Хатисов отправился на встречу с Николаем Николаевичем, которого хорошо знал. Перед Тифлисом он заехал в Петроград обсудить план с Милюковым и депутатом ГД, социал-демократом Чхеидзе. Однако Милюков заговор не поддержал, сказав, что в ближайшее время произойдет революция, а Чхеидзе вообще заявил, что царский режим нельзя свергнуть. 30 декабря 1916 г. Хатисов встретился с Николаем Николаевичем и предложил план Львова, а также сообщил, что начальник ГАУ генерал Маниковский готов всячески содействовать замыслу. Великий князь попросил два дня на размышление.

Накануне их встречи Николай Николаевич виделся с приехавшим рано утром великим князем Николаем Михайловичем, который сообщил, что 16 великих князей договорились устранить Николая II от трона. Николай Михайлович пользовался большим авторитетом в семье, он был членом Французской академии наук, истори-

ком, масоном, открыто высказывался против “темных сил” в окружении Александры Федоровны, за что был выслан из Петрограда. Кроме того, у него на Кавказе был собственный бизнес, он владел источниками минеральной воды “боржоми”.

Спустя два дня Николай Николаевич снова принял Хатисова и сказал, что решил не участвовать в заговоре. Таким образом, план Львова с опорой на великого князя не был осуществлен, остался гучковский – с регентством великого князя Михаила Александровича. Однако то, что великий князь, главнокомандующий Кавказским фронтом не арестовал посланца заговорщиков, говорило о наступлении последних времен. Н. Берберова встречалась в 1929 году в Париже с самим Хатисовым, и тот полностью подтвердил эту историю [14, с. 268].

По В. Никонову, решение приступить к свержению Николая II Романова принималось не один раз. А.И. Гучков, которого, безусловно, можно считать ведущим авторитетом в этом вопросе, в качестве ключевого момента называет встречу, состоявшуюся в октябре 1916 года в конторе депутата Думы и масона Михаила Федорова. Присутствовали около 15 человек: Милюков, Шингарев, Некрасов, Гучков, Коновалов, Маклаков, Терещенко, Годнев, Шидловский, Вл. Львов, некоторые источники называют также князя Львова и Родзянко. Обсуждали, что делать дальше. Согласились на том, что Николай не может больше царствовать – он является источником недовольства в стране, попытки его образумить ни к чему не привели, власть не в состоянии предотвратить победу улицы. Необходимо добиться отречения императора. [9, с. 474].

1 ноября 1916 г. в Государственной Думе с обвинениями в адрес государственной власти в измене резко выступил лидер Прогрессивного блока и кадетской партии П.Н. Милюков. Задавая перед депутатами государственной думы риторический вопрос «Что это? Измена или глупость?» лидер партии конституционных демократов назвал правительство Николая II главным виновником развала в стране, как на фронте, так и в тылу [4, стб. 55-57]. По В. Никонову, «именно выступление Милюкова 1 ноября 1916 г. с полным основанием можно считать сигналом к началу революции или даже её началом» [9, с. 475]. На наш взгляд, выступление П.Н. Милюкова было подобно событиям 5-6 мая 1789 г. во Франции. Это было преддверие к революции, сигнал «третьего сословия» и Фронды,

что революция будет. Она неизбежна [7, с. 61-62; 1, с. 181-182; 12, с. 64-65]. Так было во Франции, так случится и в России в 1917 году. По словам П.Н. Милюкова, за его речью в Государственной Думе 1 ноября 1916 г. «установилась репутация штурмового сигнала к революции» [8, с. 445].

Международный женский день 8 марта (по ст. стилю 23 февраля) 1917 г. выпал на четверг. В центре Петрограда с утра было тихо, а на окраинах бурлило. Застрельщиками во многих местах были женщины. Бастовали почти все предприятия Выборгской стороны. Около 130 тыс. человек вышли на улицы с лозунгами «Хлеба!» и «Долой войну!». То, что началась именно революция, стало проявляться уже на следующий день, когда стачка охватила почти весь город и на улицы вышли до 200 тыс. человек (население Петрограда тогда – 2,3 млн чел., 400 тыс. из них – рабочие).

24 февраля бастующие прибавили лозунги «Долой монархию!», «Долой царское правительство!», они пытались прорваться на Невский сквозь военно-полицейские заслоны. Появились первые жертвы. Как отмечает профессор Олег Волобуев, среди народной массы были отдельные представители разных революционных партий, но Февральская революция протекала без значимого их участия – она носила стихийный характер [3, с. 10].

25-го на улицы вышли уже 300 тыс. человек. Началась всеобщая политическая стачка. Войскам раздали патроны. Но многие солдаты отказывались стрелять. Так, в этот день, в четвертом часу дня, со стороны Гончарной улицы на митингующих двинулся наряд конной полиции. На него вдруг понеслись казаки с шашками наголо – это молодой казачий офицер послал свой отряд (еще недавно самые надежные войска для власти) в помощь восставшим.

26-го по городу развешаны объявления: «Всеякие скопления людей воспрещаются. Предупреждаю население, что возобновил войскам разрешение употребить для поддержания порядка оружие, ни перед чем не останавливаясь». Подпись главы МВД Александра Протопопова. В этот день и впрямь стреляли гораздо больше.

27-го большая часть (67 тыс.) солдат столичного гарнизона присоединились к восставшим. К 16:00 город был в их руках. Появились обращения от революционных партий. В одном из них – призыв избирать в Петроградский совет (Советы появились в революцию 1905 г.). В тот же день был избран и Временный комитет

Госдумы, предвестник создания Временного правительства. Так и получилось, что одновременно были созданы две ветви власти победившей революции. Их даже создавали в одном месте – в Таврическом дворце (Совет – в левой его половине, а комитет – в правой).

Так начиналась Великая Российская (Русская) революция 1917 года, с февральско-мартовских событий в Петрограде, которые можно и нужно называть Февральской, точнее Февральско-мартовской революцией 1917 г., которая стала первым, буржуазно-демократическим, этапом Великой Российской (Русской) революции 1917 г. У неё, как и на подобном этапе Великой Французской буржуазной революции последней четверти XVIII в. также были свои герои. Они хорошо известны – от князя Г.Е. Львова, М.В. Родзянко и П.Н. Милюкова и до А.Ф. Керенского, Н.С. Чхеидзе и И.Г. Церетели. По И.Солоневичу, в феврале 1917 года в России был составлен заговор. «Заговор был организован: а) земельной знатью, при участии или согласия некоторых членов династии – тут главную роль сыграл Родзянко; б) денежной знатью – А. Гучков, и в) военной знатью – ген. М. Алексеев. У каждой из этих групп были совершенно определенные интересы» [15, с. 16]. Как стало известно гораздо позднее, отмечает современный российский историк Борис Романов, даже и те первые «стихийные» демонстрации и беспорядки первых дней Февральской революции (23-26 февраля) были организованы заговорщиками – об этом рассказал П.Н. Милюков в 1922 году [13, с. 519].

Весьма важно и поучительно разобраться в причинах Великой Российской (Русской) революции 1917 г. Выделим главные из них. Во-первых, это раскол правящей элиты страны на «правительственную» и «думскую», что активизировало внесистемную оппозицию (контрэлиту в лице российских меньшевиков, большевиков, эсеров; различных мастей сепаратистов и националистов). Даже императорский дом Романовых не был един. В начале января 1917 года Николай II вынужден был выслать из Петербурга четырёх великих князей, подозревая их в заговоре. А великий князь Николай Николаевич сам не против был занять монарший престол и прямо участвовал в организации дворцового переворота в 1915-1917 годах [15, с. 21-22]. Во-вторых, Русскую (Российскую) революцию 1917 г. вызвала нарастающая неэффективность и бюрократическая закостенелость правительственной власти. Отсюда – неразрешимость острейших для России первой четверти XX в. аграрного, национального, рабочего, консти-

туционного, финансового, религиозного, династического, социального, еврейского и других вопросов. В-третьих, революцию 1917 г. в России во многом «подготовили» буржуазные реформы второй половины XIX в. и политическая модернизация начала XIX в. в ходе Первой русской революции 1905-1907 гг. На смену «старой» России шла «новая» – буржуазная и земско-чиновничья, абсолютная монархия сменилась ограниченной, конституционной. На первое место в экономике, в сфере государственного управления и политике выходили всё более активно новые «деловые люди», доходы и богатство которых, как и занимаемое социальное положение, были во многом сомнительны, нажитыми с нарушениями известного принципа «равенства возможностей», и по владению собственностью и по доступу к власти. И чем больше становилось подобных дельцов, тем сильнее накапливалось недовольство среди трудовых сословий – рабочих, крестьян, разночинной интеллигенции.

Несомненно, и это, в-четвертых, Российскую империю, сильную и процветающую экономически, влиятельную в мировой геополитике ослабила Первая мировая война, тяготы и лишения которой затронули миллионы российских семей. В-пятых, Русская революция 1917 г. во многом была подготовлена и вызвана атакой на Россию извне и изнутри как минимум тремя объединившимися против Российской империи, правящей династии Романовых в лице императора Николая II и его правительства мощными силами – масонами, революционерами и сепаратистами. Именно их в войне с Россией использовали Германия, Великобритания, Франция, Япония и США в ходе Великой Русской революции 1917 г. и задолго до её начала. В-шестых, «великое потрясение» 1917 г. в России связано с личностью самого государя, императора Николая II Романова. В январе 1917 г. российского императора Николая II, как уже было отмечено, одиннадцать раз предупреждали о готовящемся государственном перевороте. Но он ничего не предпринял для своей защиты и сохранения Российской империи, доставшейся ему от своего знаменитого отца – императора Александра III [14, с. 5]. В седьмых, важной причиной крушения империи и начала Великой Русской революции 1917 г. стали противоречия между русскими и иностранными финансово-промышленными группами [14, с. 49-50]. В восьмых, революцию в целом ряде стран, начиная с XVI века, вызывали бездушные и хамство чиновников разных уровней в отноше-

нии своих же собственных граждан, что вызывало справедливое возмущение и гнев населения. И Россия начала XX века в этом плане не исключение.

Важной причиной Великой революции 1917 г. в России, и, это в девярых, стала утеря российским самодержавием своей традиционной социальной базы в лице дворянства и духовенства. За 1861-1912 гг. «первое сословие» (российское дворянство) претерпело резкие социальные изменения. Накануне отмены крепостного права в 1861 г. 80% всех дворян принадлежали к семьям землевладельцев, лишь 20% или меньше были горожанами. Накануне Первой мировой войны к семьям землевладельцев принадлежало менее 40%, тогда как от 60 до 80% этой группы числилась уже городскими жителями [2, с. 46].

Дворянские землевладельцы, 1861–1912

Год	Число дворянских семей землевладельцев	% дворян, принадлежавших к семьям землевладельцев
1861	114,5–115,5	78–81
1877	98,0–100,0	69–74
1895	103,0–104,5	54–55
1905	86,5–88,0	38–39
1912	94,5–96,5	36–37

Превращение дворян-землевладельцев в меньшинство первого сословия, потеря дворянством более половины земель, которыми оно владело накануне освобождения крестьян, и трансформация дворянства из преимущественно сельской группы населения в преимущественно городскую – все это признаки драматических изменений, пережитых дворянством за первые полстолетия после Великих реформ. «Второе сословие» в лице православного духовенства давно выражало недовольство синодальной системой, установившейся в Российской империи со времен Петра I Велико-го. Большинство православных архиереев требовало восстановления Патриаршества и проведения реформ, направленных на освобождение Церкви от государственной зависимости [10, с. 26-40; 16, с. 13-29].

Как отметил в своей книге американский историк Сеймур Беккер, «крушение 1917 г. привело к гибели как монархии, так и дворянства... Ответственность за катастрофу 1917 г., среди жертв которой оказались не только монархия и дворянство, но и, много печальнее, большинство населения Российской империи, лежит главным образом не на дворянстве и даже не на остатках ее землевладельческого класса, а на самодержавии. Именно самодержавие, а не дворянство так и не смогло освободиться из плена прошлого и приспособиться к современному миру» [2, с. 317]. По Б.А. Филиппову, «к началу XX в. Россия обладала тремя национальными институтами: монархией, Православной Церковью и армией. Тесно связанные между собой и с народом, эти институты олицетворяли Российскую империю. Ослабление взаимосвязи и взаимопонимания между ними при первом же серьёзном испытании (Первая мировая война) способствовало разрушению империи» [16, с. 13]. Таковы в самом сжатом виде основные причины «великих потрясений» в России в 1917 и далее годах.

Великая Российская (Русская) революция 1917 г. продолжалась достаточно долго, с нашей точки зрения, 22 года, с 1917 по 1939 гг. В своём развитии по нарастающей, а затем по нисходящей линиям она, как и Великая Французская буржуазная революция последней четверти XVIII в., по нашему мнению, прошла четыре этапа.

1. Буржуазный (февраль/март – октябрь/ноябрь 1917 г.), который в свою очередь делился на два периода – буржуазно-либеральный (весна-лето 1917 г.) и буржуазно-демократический (лето-осень 1917г.).

2. Радикально-демократический или «якобинский» (октябрь/ноябрь 1917 – март 1921 гг.). Это было время политики «военного коммунизма», красного террора и гражданской войны, сопровождаемой иностранной военной интервенцией. В революцию включились огромные массы мелкой буржуазии города и деревни.

3. Народно-демократический или «нэповский» (весна 1921–1928 гг.). Это был этап завершения гражданской войны и иностранной военной интервенции, поправления большевизма и отказа от политики «военного коммунизма», время образования СССР (т.е. почти полностью восстановления границ бывшей Российской империи) и новой экономической политики (нэпа).

4. Государственно-социалистический или «реставрационный», «советский термидор» (1929-1939 гг.). В результате ускоренной

и во многом силовой модернизации в СССР был построен государственный социализм в виде сильной, современной державы. Именно этому были подчинены сталинские индустриализация, коллективизация и культурная революция. В результате в конце 1930-х гг. была построена супердержава в своих прежних границах. В 1939-1940 гг. были окончательно восстановлены границы исторической Руси и Российской империи. В этом огромная историческая заслуга советского большевизма и лично И.В. Сталина, который, по словам У. Черчилля, принял Россию с сохой, а оставил с ядерной ракетой. В 1936-1939 гг. в СССР была осуществлена «номенклатурная революция» и устранена угроза военно-политического государственного переворота со стороны старой «ленинской гвардии» и группы советских военных во главе с маршалом М.Н. Тухачевским, тесно связанных с Великобританией, США и Германией. Победу «государственного социализма» в СССР, который мы привычно называем «административно-командной системой» или «сталинизмом», де-юре закрепила Конституция СССР 1936 г. [5, с. 955 – 974; 17, с. 36 – 52; 11, с. 322 – 324].

Великая Российская (Русская) революция 1917 – 1939 гг. по своему характеру, вне всякого сомнения, была народно-демократической. Она заменила «старую» императорскую Россию 1721-1917 гг. на «новую», советскую Россию, воплощением которой стал Союз Советских Социалистических республик (СССР) 1922-1991 гг. Именно большевизм и И.В. Сталин возродили и построили сверхдержаву, победили фашизм и открыли уже новой стране путь к «общенародному государству». Всё новое и великое рождалось в жертвах и лишениях и было невозможно без трудового героизма и энтузиазма советских людей, строивших социализм, в который они в своей подавляющей массе верили, как верили и в «великого Сталина». Таковы, на наш взгляд, исторические реалии и основные итоги Великой Российской (Русской) народно-демократической революции 1917-1939 гг.

Использованная литература

1. Арзаканян, М.Ц. и др. История Франции: учебник для вузов. – М.: Дрофа, 2007.

2. Беккер, С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России / Перевод с английского Бориса Пинскера. – М.: Новое Литературное обозрение, 2004.
3. Волобуев, О. Февраль 1917-го: шесть бурных дней // СБ. Беларусь сегодня. – 2017. – 11 февраля.
4. IV Государственная Дума. Созыв четвертый. Сессия пятая. Стенографические отчеты. Т. 1. – Пг., 1916.
5. История России. XX век: 1894-1939. – М.: Астрель: АСТ, 2009.
6. Лавринович, Д.С. Либерально-консервативная оппозиция в России: формирование и борьба за власть (1912-1917 гг.). – Могилёв: МГУ им. А.А. Кулешова, 2006.
7. Манфред, А.З. Великая Французская революция. – М.: Наука, 1983.
8. Милоков, П.Н. Воспоминания. – М., 1991.
9. Никонов, В. Крушение России. 1917. – М.: АСТ: Астрель, 2011.
10. Поспеловский, Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995.
11. Пыжиков, А. Корни сталинского большевизма. – М.: ЗАО «Издательский дом «Аргументы недели»», 2016.
12. Ревуненков, В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. Падение монархии. 1789-1792. – М.: Изд-во ЛГУ, 1982.
13. Романов, Б.С. Император, который знал свою судьбу. И Россия, которая не знала. – СПб.: БХВ-Петербург, 2012.
14. Рыбас, С.Ю. Заговор верхов, или Тотальный переворот. – М.: Молодая гвардия, 2016.
15. Солоневич, И. Великая фальшивка февраля. – М.: Алгоритм; БСК, 2007.
16. Филиппов, Б.А. Очерки по истории России. XX век: учеб. пособие. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2012.
17. Хлевнюк, О. Номенклатурная революция: региональные руководители в СССР в 1936-1939 гг. // Российская история. – 2016. – № 5.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В РЕГИОНАХ БЕЛАРУСИ

Хромченко Д. Н.

г. Минск. БНТУ

Проблема Великой Октябрьской социалистической революции достаточно широко отражена в советской и постсоветской историографии. Однако в советской историографии основное внимание исследователей уделено событиям, происходившим в масштабах страны, в губернских центрах, в крупных городах, в постсоветской – в центре внимания стала оценка события.

В настоящем исследовании впервые предпринята попытка проанализировать процессы, тенденции и особенности, связанные со сменой власти в Беларуси на местах, на уровне уездов, а также события на территории нынешней Беларуси, связанные с установлением советской власти в первые месяцы после октябрьского переворота, в том числе в условиях временной немецкой оккупации ряда регионов. Основными источниками являются историко-документальные хроники «Память», изданные по всем районам Беларуси.

Касааясь событий, предшествовавших революции в Петрограде, следует отметить, что в советской исторической литературе прослеживается мысль о том, что именно большевики наиболее решительно выступили против попытки Корнилова захватить власть, в итоге в августе-сентябре 1917 г. началась на местах большевизация Советов. Однако в Беларуси ситуация была несколько иной. Действительно, в Орше и ряде других населенных пунктах борьбу с корниловщиной возглавили Советы. Однако по составу они были эсеро-меньшевистскими и поддерживали Временное правительство, хотя следует отметить, что действия большевиков, направленные на недопущение военной диктатуры Корнилова, способствовали росту их авторитета и влияния в массах. Тем не менее, следует подчеркнуть, что до Октябрьской революции из всех местных Советов в Беларуси только Минский Совет и Слуцкий уездный Совет были преимущественно большевистскими, в остальных же большевики оставались в меньшинстве.

Большевизация Советов и установление советской власти в Беларуси начались только после октябрьских событий в Петрограде

и под их влиянием. Отличие по регионам состояло только в том, каким образом осуществлялся переход власти к большевикам: мирным или вооруженным путем. В этом отношении немалое значение имело соотношение политических сил в губернских Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и позиция, занятая военными. В губернских Советах определенное преимущество в ряде мест имели большевики, поскольку эти Советы находились в крупных городах, где более активно действовали организации РСДРП, во вторых, здесь немалое влияние имели депутаты от воинских частей, где также в предоктябрьский период активно велась пропагандистская работа членов РСДРП. В то же время, на наш взгляд, именно наличие в Беларуси крупного контингента войск явилось одним из важнейших условий перехода власти к большевикам, преимущественно мирным путем.

В 1917 г. линия фронта проходила примерно в районе Столбцов, разделяя территорию Беларуси на две части. Здесь против немцев действовали войска 2-й 3-й и 10-й армий Западного фронта. Следует отметить, что осенью 1917 г. на Западном фронте создалось своего рода троевластие. С одной стороны, ставка Верховного главнокомандования, которая находилась в Могилеве, фронтовой комитет, который поддерживал Временное правительство, хотя и дистанцировался от офицерского корпуса фронта. С другой стороны, третьей властью стал военно-революционный комитет Западного фронта, созданный 27 октября 1917 г. Минским и Областными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и поддерживавший большевиков. ВРК Западного фронта объявил себя властью на территории Беларуси и 3 ноября 1917 г. издал приказ с требованием выполнять только распоряжения Совета народных комиссаров, сформированного на II всероссийском съезде Советов. Именно с участием военно-революционного комитета большевистская фракция армейского комитета 2-й армии 29 октября 1917 г. приняла решение снять с фронта бронепоезд, бронемашину, два полка пехоты и направить их в Минск в распоряжение Минского Совета. С 3-й армии во время октябрьских событий в Минске в город на помощь Минскому Совету были направлены артиллерийская батарея, пулеметная рота и батальон пехоты. Эти воинские части сыграли решающее значение в установлении советской власти в Минске. Солдаты 3-й армии также перекрыли железную дорогу на пути «дикой

дивизии», следовавшей на подавление восстания в Петрограде, держали два эшелона, причем один эшелон, пытавшийся прорваться в столицу, в результате боя был разгромлен. Газета «Звезда» 1 ноября 1917 г. в статье «Революционная армия за восстание» отмечала, что в частях 6-й и 8-й дивизий 3-й армии солдатские комитеты переизбраны, «повсеместно настрой масс большевистский, солдаты обещают полную поддержку Петроградскому комитету». На II съезде солдатских депутатов 3-й армии, прошедшем 2 ноября 1917 г. в Полоцке, была принята резолюция о поддержке советской власти. Прошедший в Несвиже III чрезвычайный съезд солдатских депутатов 2-й армии Западного фронта 3 ноября 1917 г также признал советскую власть в Петрограде. Военно-революционный комитет фронта направил комиссаров во все штабы фронта, в уезды и волости. С их помощью во второй половине ноября 1917 г. были проведены перевыборы Постаевского, Мядельского, Полоцкого, Заславьского, Клецкого, Несвижского и других Советов, где до этого времени большевики были в меньшинстве.

Ряд воинских частей уже во время октябрьских событий поддержали большевиков. В сводке штаба Западного фронта отмечалось, что « в частях Гренадерского корпуса 3-й армии наблюдается полный триумф большевиков». 30 октября 1917 г. состоялся второй съезд Гренадерского корпуса, который принял резолюцию о текущем моменте, предложенную большевиками, приветствовал победу революции. Съезд заявил о готовности корпуса выступить с оружием в руках на оборону Советской власти. Советскую власть поддерживали и воинские части, которые дислоцировались в районе г. Бобруйска. В частности, представители от 5 дивизий, которые находились в Бобруйской крепости, сообщили Петроградскому военно-революционному комитету о полной поддержке новой власти и готовности с оружием в руках выступить на ее оборону. Еще до событий в Петрограде в Бобруйске по инициативе большевиков был создан отряд красной гвардии, состоящий в основном из рабочих. После получения известия о восстании в столице красногвардейцы взяли под контроль почту, телеграф, вокзал, электростанцию, а солдаты воинских частей обеспечили охрану складов с оружием и боеприпасами, находившихся в Бобруйской крепости. Вооруженное сопротивление красногвардейцам оказали только офицеры, засевшие в одном из фортов крепости, но оно было быстро подавлено.

Однако после того, когда в Минске был создан из представителей различных партий «Комитет спасения революции», выступивший против советской власти, в Бобруйске также была предпринята попытка передачи власти местному «Комитету спасения революции», состоявшему преимущественно из представителей Бунда, но вооруженных столкновений между представителями различных течений не произошло и к середине ноября 1917 г. большевики полностью установили свой контроль в городе.

Таким образом, поддержка большевиков военными 2, 3, 10 армиями Западного фронта оказала существенное влияние на события в Беларуси.

Кроме военного, другими факторами, обусловившими установление власти большевиков в регионах Беларуси, стал сам факт победы революции в Петрограде, оказавший психологическое воздействие как на местные органы власти, действовавшие до революции, так и на широкие массы населения, и, что, пожалуй, не менее важно, принятие на II съезде Советов в Петрограде декретов о мире и земле. В преимущественно крестьянской Беларуси популярностью пользовались эсеры, прежде всего потому, что в основу своей деятельности они ставили земельный вопрос. Принятие же большевиками декрета о земле позволило им перехватить инициативу у эсеров и привлечь на свою сторону значительную часть крестьянской массы. Нельзя также не учитывать организационную и пропагандистскую работу большевиков в дореволюционный период, что позволило, во-первых, подготовить заблаговременно кадры для смены власти в первые послереволюционные месяцы, во-вторых, обеспечить поддержку значительной части населения во время перевыборов Советов.

Установление советской власти в Петрограде и крупных городах дало возможность большевикам овладеть политической ситуацией в Беларуси. Уже в первые же дни после октябрьских событий в Петрограде большевики захватили инициативу в губернских Советах, за исключением Могилевского, незамедлительно были созданы военно-революционные комитеты, в уезды и волости направлены делегаты. Все это привело к тому, что на местах медленно, в течение нескольких месяцев, но большей частью мирным путем, были проведены перевыборы уездных, волостных Советов, созданы уездные ревкомы и к началу 1918 г. установлена власть большевиков.

В Минской губернии после упрочения власти большевиков при активной поддержке сверху начались перевыборы местных Советов. В м. Койданово, впоследствии центра Дзержинского района Минской области, 15 ноября 1917 г. был образован военно-революционный комитет, который в первом своем приказе объявил действовавший до этого Совет распущенным и взял на себя полноту власти. На Любанщине в ряде населенных пунктов в ноябре 1917 г. были созданы ревкомы, волостные же Советы начали действовать только в январе 1918 г. В Минском, Бобруйском, Борисовском, Игуменском, Слуцком и других уездах Минской губернии перевыборы уездных Советов проведены к началу 1918 г.

В Витебске уже на второй день революции, 27 октября, на заседании губернского комитета РСДРП был создан военно-революционный комитет как временный орган власти, позже под его контролем были проведены перевыборы Витебского Совета. 11-16 декабря состоялся губернский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов, который признал советскую власть, одобрил первые декреты новой власти и провозгласил полномочными органами самоуправления Советы, одновременно ликвидировав должности волостных комиссаров. Съезд утвердил «Положение о руководстве Витебской губернией» и избрал исполнительный орган власти – губернский Совет рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов. Соответственно во второй половине декабря 1917 г. прошли съезды Советов и в уездах Витебской губернии, которые признали советскую власть и ее руководящий орган – Совет народных комиссаров, утвердили структуру местных органов власти.

На внеочередном заседании Оршанского совета 26 октября было решено не поддерживать революцию в Петрограде. На следующий день на экстренном заседании городской думы и Совета был создан «Комитет спасения родины и революции». Однако уже 28 октября по инициативе большевиков Оршанский Совет был переизбран, направлена телеграмма в Петроград о поддержке революции и создан военно-революционный комитет. ВРК поддержали два полка пехоты и часть казаков Кубанской дивизии. С их помощью на железнодорожном узле было задержано и обезоружено более 10 воинских эшелонов, которые ставка Верховного главнокомандования в Могилеве направляла на подавление восстания в Петрограде, при-

чем часть солдат из эшелонов перешли на сторону ВРК. Во все волости Оршанского уезда были направлены представители ВРК, на съезде, проведенном по инициативе большевиков 12 ноября 1917 г., в котором участвовали представители от всех 16 волостей уезда, была принята резолюция о поддержке Советской власти.

В Бешенковичском уезде Витебской губернии, куда входили современные Бешенковичский и Лепельский районы, известие о победе революции в Петрограде было получено 26 октября 1917 г., однако на протяжении нескольких месяцев здесь продолжали действовать прежние органы власти временного правительства. Только через месяц, 26 ноября 1917 г. в Бешенковичах, Лепеле и других населенных пунктах были созданы местечковые и волостные революционные комитеты. Создалось своего рода двоевластие, с одной стороны ревкомы, с другой – волостные комиссары бывшего временного правительства. Такое положение сохранялось несколько месяцев. 23-24 апреля 1918 г. в Бешенковичах прошел съезд волостных Советов, на котором был избран уездный совет, а деятельность ревкомов упразднена. В других уездах и волостях Витебской губернии переизбрание советов прошло без эксцессов, мирным путем в течение ноября–декабря 1917 г.

Началом установления советской власти в Виленской губернии, куда входил и ряд уездов, находившихся на территории современной Беларуси, можно считать проведение губернского съезда советов 17-20 ноября в Минске. Виленская губерния, в частности, Дисненщина, Миоры, Мядель, входили в прифронтовую зону, здесь советская власть установлена с помощью солдат-агитаторов 3-й армии, но мирным путем. Были образованы военно-революционные комитеты, а вскоре после проведения губернского съезда проведены перевыборы местных Советов.

Своеобразием отличался переход власти к большевикам в г. Гомеле. Здесь еще в июле 1917 г. был создан коалиционный орган власти – Комитет революционной охраны, состоявший из представителей различных партий. Возглавил его большевик П.А. Богданов. Комитет поддержал Временное правительство, высказался за созыв Учредительного собрания, в сентябре же 1917 г. временно приостановил свою деятельность. Вместо него было создано бюро из 5 членов Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На другой день после вооруженного восстания в Петрограде коми-

тет был восстановлен под названием «Комитет спасения революции». За исключением фракции большевиков, члены комитета выступили против вооруженного выступления в Петрограде и высказались за быстрейший созыв Учредительного собрания. В то же время в Гомеле действовал также Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, где, тем не менее, большевики были в меньшинстве, а также ревком, созданный 30 октября 1917 г. Такое своего рода троевластие продолжалось до конца ноября 1917 г. Перевыборы Совета, выборы делегатов на Учредительное собрание показали возросшее влияние большевиков. В итоге комитет был ликвидирован, а его функции перешли к военной секции Гомельского Совета. Однако следует отметить, что во время выборов большевики получили поддержку главным образом за счет воинских частей: из 10 тысяч голосов, набранных ими в Гомеле, 8 тысяч принадлежали военным.

Перевыборы Советов на местах в Гомельской губернии прошли в основном мирным путем, но на протяжении нескольких месяцев. В Речицком уезде, например, процесс становления Советской власти продолжался до начала 1918 г. В Лоеве, входившим в состав Речицкого уезда, военно-революционный комитет был создан только в декабре 1917 г. Уездный съезд Советов, который проходил 28-29 декабря 1917 г. в Речице, принял решение об упразднении управ и создании вместо них соответствующих Советов. Одновременно с выборами в волостные и сельские Советы распускались земства, ликвидировались должности сельских старост. Эта работа в основном была завершена весной 1918 г., однако значительная часть территории Гомельщины к этому времени была оккупирована немецкими войсками. Немецкое командование присоединило Гомельский, Речицкий, Мозырский уезды к Украине, образовав так называемую «Полесскую губернию». Окончательно советская власть установилась на юге Беларуси после освобождения от оккупантов.

Наиболее сложным оказался переход власти к большевикам на Могилевщине. В Могилеве 26 октября 1917 г., на другой же день после получения известий о событиях в Петрограде, было проведено чрезвычайное заседание Могилевского Совета, в котором влияние большевиков было незначительным, и представителей других общественных и политических организаций. Участники совещания

оценили действия большевиков как «военную авантюру» и создали «Общественный комитет спасения революции». Могилевский Совет, Общественный комитет спасения революции и ставка Верховного главнокомандования в Могилеве стали, в сущности, центром объединения политических и других сил, противостоящих большевикам. Сюда стали стягиваться войска, в Могилев прибыли бывшие члены Временного правительства, здесь находилось командование армией. На объединенном совещании представителей военных, общественных организаций и бывших членов Временного правительства было принято решение о создании нового правительства во главе с эсером Черновым и принято обращение «От имени всех фронтов», в котором действия советского правительства признавались незаконными, а армейские комитеты призывались поддержать правительство Чернова. Однако большинство воинских частей поддержало большевиков и после прибытия в Могилев сводных отрядов солдат, красногвардейцев, боевых дружин с ряда городов Беларуси ставка Верховного главнокомандования была ликвидирована, в Могилеве был образован военно-революционный комитет, проведены перевыборы Совета. Однако вскоре Могилев заняли legionеры польского корпуса Довбор-Мусницкого, а затем немецкие части. Только в октябре 1918 г., после отхода немецких войск, в Могилеве была окончательно установлена советская власть.

Следует отметить, что на Могилевщине, где губернский совет занял отрицательную позицию в отношении большевиков, соответственно и в ряде уездов имеющиеся Советы, в которых влияние большевиков было небольшим, также отрицательно отнеслись к революции в Петрограде. Например, в Чаусах уездный Совет после Октябрьской революции вынес резолюцию, в которой охарактеризовал большевиков как «захватчиков власти» и призвал население к борьбе с ними. В г. Горки первоначально Совет не признал Советскую власть и только в конце 1917 г. на первом уездном съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов большинство получили большевики. Не признал советскую власть и Мстиславский уездный Совет, в котором влияние большевиков было незначительным. Это показали и выборы в Учредительное собрание, когда за большевиков проголосовали только 13% избирателей. Здесь на протяжении нескольких месяцев проводили разъяснительную работу агитаторы, присланные с Петрограда и других

городов, однако безрезультатно. В итоге только в январе 1918 г. Мстиславский Совет был распущен с помощью вооруженной силы и вместо него создан временный революционный Совет. Советская власть была окончательно установлена на первом уездном съезде Советов, который состоялся 24 января 1918 г.

В то же время в ряде уездов Могилевщины, несмотря на позицию, занятую губернскими органами власти, под влиянием большевиков и созданных ими военно-революционных комитетов часть переизбранных Советов признала центральную власть в Петрограде. В Климовичах в первые же дни после установления советской власти был создан военно-революционный комитет. Прошедший 25 февраля 1918 г. уездный съезд Советов высказался за полную поддержку Совета народных комиссаров, о чем было отправлено сообщение телеграфом в Петроград и Могилевский губернский исполнительный комитет. В Быховском уезде власть перешла к ревкому также бескровно. Военной опорой новой власти стал сформированный из числа добровольцев красногвардейский отряд в количестве 1500 человек. Однако положение осложнялось тем, что здесь находился польский корпус в составе трех пехотных дивизий, конницы и артиллерии. Сначала по требованию советской власти Довбор-Мусницкий вывел свои части с Быхова и Быховского уезда, однако 12 января 1918 г. он во главе корпуса возглавил борьбу против Советской власти. Для борьбы с польскими легионерами начали организовываться добровольческие отряды. Решающие бои партизан и частей Красной Армии, дислоцировавшихся в Беларуси, произошли под Жлобином и Рогачевом, часть корпуса была окружена и сдалась, остальные укрылись в Бобруйской крепости. Однако в феврале легионеры объединились с наступающими частями немецкой армии и вместе вновь заняли г. Быхов. Окончательно советская власть на Быховщине была установлена уже после окончания немецкой оккупации. В Дубровно советская власть была установлена уже в ноябре 1917 г. Дубровенский Совет приступил к социальным преобразованиям, однако началось наступление польского корпуса Довбор-Мусницкого. В декабре 1917 г. согласно предписания Могилевского губернского военно-революционного комитета большевики Орши, Дубровно, Горок начали организацию отрядов для защиты от поляков. За короткое время в красногвардейские отряды всту-

пили более 1000 добровольцев. На их основе был сформирован красногвардейский полк. В м. Круглое Могилевской губернии переход власти к Советам также прошел бескровно.

Таким образом, только к январю 1918 г., когда была уже ликвидирована ставка Верховного главнокомандования в Могилеве и преизбран Могилевский губернский Совет, были проведены перевыборы уездных Советов и таким образом установлена советская власть. Органы дореволюционного самоуправления – городские думы, управы, земские учреждения – в Беларуси были ликвидированы к началу 1918 г. 29 января 1919 г. в телеграмме Могилевского губернского Совета в Петроград отмечалось, что в Могилеве действует губернский, имеются Советы в уездных городах: в Быхове, Гомеле, Горках, Климовичах, Орше, Рогачеве, Сенно, Чаусах и Черикове. Однако немецкая оккупация на некоторое время прервала процесс установления советской власти на Могилевщине.

Окончательно власть большевиков в Беларуси установилась после немецкой оккупации с образованием ССРБ. 18 февраля после срыва Брестских переговоров немецкие войска перешли в наступление и к началу марта 1918 г. заняли большую часть территории Беларуси. Неоккупированными остались только шесть уездов, частично оккупированными – восемь. Фронт временно стабилизировался по линии Орша-Могилев – Гомель. После заключения 3 марта 1918 г. Брестского мира между Советской республикой и Германией вся эта территория оказалась под контролем немецких оккупационных властей. Был установлен оккупационный режим, сопровождавшийся реквизициями, геноцидом против местного населения, в то же время начало разворачиваться движение сопротивления.

Следует отметить, что тема партизанского движения в Беларуси в 1918–1920-х гг. еще не получила достаточного освещения в исторической литературе. К примеру, в 6-томном издании «История Беларуси», том 5, этой проблеме отведен только один абзац текста. На наш взгляд, это связано с недостатком информации, в отличие от партизанского движения периода Великой Отечественной войны, по которому сохранено большое количество архивных документов. Нами использованы в основном сведения, содержащиеся в хрониках «Память», которые, во-первых, не могут претендовать на полную достоверность, поскольку основаны больше на воспоминаниях, во-вторых, не раскрывают полную картину партизанской борьбы

против немецких и польских оккупантов в начале XX в. Тем не менее общее представление по названной проблеме они могут дать.

Согласно информации, содержащейся в книгах «Память», в 1918 г. практически во всех регионах, занятых немцами, были созданы от одного до нескольких партизанских отрядов. Этому способствовало не только то, что часть населения сознательно стала на сторону советской власти и добровольно встала на ее защиту, но и то, что оккупационная зона находилась относительно недалеко от территории, где была сохранена советская власть. Это позволяло с советского тыла осуществлять руководство и оказывать практическую помощь развертыванию партизанской борьбы.

Когда линия фронта после наступления 30 немецких дивизий несколько стабилизировалась в районе Орши, главнокомандующий Западным фронтом издал приказ № 7, в котором поставил задачу образовать в прифронтовой зоне «прочную завесу местных партизанских отрядов». В приказе четко определялось размежевание районов действия отрядов, их дислокация, структура. Был создан штаб по объединению и руководству отрядами. Партизанским отрядам поставлялось оружие, оказывалась другая помощь.

Можно привести ряд примеров, отражающих размах партизанской борьбы. Стародорожским партизанам было переправлено 5 тысяч винтовок, боеприпасы, в итоге создано соединение из 3 крупных отрядов и нескольких мелких. Также по просьбе Глуского ревкома партизанам было переправлено около 5 тысяч винтовок с боеприпасами, что позволило создать из числа добровольцев три крупных отряда. В районе Полоцка действовали отряды общей численностью до 13 тысяч человек. В Круглянской волости действовали 2 партизанских отряда численностью около 700 человек, в Старых дорогах – 4 отряда численностью 200 человек. В Борисовском уезде действовали несколько партизанских отрядов, одним из наиболее крупных из них был отряд под командованием Е.И. Воротницкого, созданный в Прусевичской волости. Из отрядов, действовавших на территории Чаусского и Могилевского уездов, впоследствии был сформирован стрелковый полк, вошедший в состав первой Орловской дивизии. На Рассонщине в ряде деревень были проведены собрания, на которых было решено мужчинам, способным носить оружие, вступать в партизанские отряды. В итоге из жителей 4 волостей было создано партизанское соединение числен-

ностью до 5 тысяч человек. Им было переправлено 4 с половиной тысяч винтовок, 5 пулеметов, 4 орудия. Партизаны создали партизанскую зону, закрепились на рубеже р. Дрисса, не пропустив далее немцев. Правда, в ходе боев немцы огнем артиллерии сожгли несколько деревень. Во время немецкой оккупации г. Горки оказался в прифронтовой зоне и, как отмечалось в телеграмме главнокомандующему Западным фронтом, «Горецкий Совет организует оборону Могилевской губернии. По всем уездам организованы партизанские отряды для борьбы с германскими бандами». На юге Беларуси на протяжении всего времени оккупации существовала партизанская зона, вошедшая в историю под названием «Рудобельская республика». Под контролем партизан находились Пинский, Лунинецкий, Столинский уезды. В Гомельской губернии одним из наиболее крупных был Переростовский отряд Кормянской волости. В начале июля 1918 г. Гомельская подпольная организация большевиков разработала план освобождения Гомеля от оккупантов силами объединенных партизанских отрядов. Немалую роль в этом плане отводилась Переростовскому отряду, который должен был наступать на Гомель с юго-востока. Однако боевые действия отрядов, начатые 17 августа 1918 г., окончились неудачей.

Из наиболее значимых операций, проведенных партизанами против немецких оккупантов, можно отметить взрыв осиповичскими патизанами железнодорожного моста через р. Птичь и несколько диверсий, проведенных ими на железной дороге, захват партизанами ст. Негорелое, освобождение 26 февраля 1918 г. отрядом Голушко м. Калинковичи. В Речицком уезде партизаны заняли м. Горваль, в Чаусском уезде – г. Чаусы, захватив в виде трофеев 400 винтовок. В Борисовском уезде партизаны разгромили немецкий гарнизон в д. Зембин. Когда легионеры корпуса Довбор-Мусницкого заняли Чечерск, вскоре город был освобожден партизанами. Газета «Известия Смоленского Совета» 23 марта 1918 г. об этом писала следующее: «На Рогачевском направлении Чечерск освобожден местными партизанами от польских банд, у которых партизаны отбили пулеметы, обоз». Когда же на смену легионерам пришли немцы, Чечерский ревком объединил партизанские отряды и создал рубеж обороны по линии Буда-Кошелев – р. Сож. Не имея возможности противостоять наступавшей дивизии противника, партизаны с боями отступили за

р. Чечора и там закрепились. Немцы оккупировали правобережье р. Чечора, но захватить левобережье так и не смогли.

После ноябрьской революции в Германии 13 ноября 1918 г. Брестский мирный договор был аннулирован, немцы вынуждены были вывести свои войска с большей части Беларуси. Только после этого в ранее оккупированных немцами регионах была восстановлена советская власть.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Большевики вследствие агитационно-пропагандистской работы среди населения, благодаря активному участию в подавлении выступления Корнилова значительно усилили свое влияние в массах, прежде всего в крупных городах, среди пролетариата, военных, однако к октябрю 1917 г. в уездах и волостях Беларуси, среди основной массы сельского населения преимущественно пользовались практически повсеместно эсеры (социалисты-революционеры), в местечках и небольших городах – эсеры и представители еврейского пролетариата, входящие в состав партии «Бунд».

Важными факторами, обусловившими переход власти к большевикам в Беларуси, явились победа октябрьской революции в Петрограде, смена центральной власти и власти в губернских центрах, что позволило осуществить контроль над этим процессом сверху; принятие на II Всероссийском съезде Советов декретов о мире и земле. Большевики пришли к власти в Беларуси во многом благодаря поддержке воинских частей Западного фронта. Солдаты поддержали их как в военном отношении, так и за счет участия в выборах местных органов власти.

Смена власти на Беларуси проходила постепенно, на протяжении второй половины 1917 – начала 1918 г., преимущественно мирным способом, без вооруженных столкновений, путем создания военно-революционных комитетов и последующих перевыборов Советов. Исключение составляет Могилевская губерния, где в г. Могилеве и части уездов становление советской власти и перевыборы местных Советов прошли с применением вооруженной силы. Однако в ряде регионов Беларуси этот процесс был временно прерван вооруженной интервенцией и, как следствие, оккупацией немецкими и польскими войсками. На этой территории началось партизанское движение в защиту советской власти, размах которого в Беларуси в 1918 г., исходя из данных книг «Память», на наш взгляд, в какой-то

мере сопоставим с партизанским движением в Беларуси в 1942 г., во время Великой Отечественной войны.

Использованная литература

1. Память. Историко-документальные хроники районов Беларуси: в 140 книгах. – Мн., 1987-2009.

ПЕРАДУМОВЫ, ПРЫЧЫНЫ І ЭТАПЫ СТВАРЭННЯ ЛІТОЎСКА-БЕЛАРУСКАЙ ССР

Багалејша С. В.

г. Мінск, БНТУ

Літоўска-Беларуская ССР праіснавала вельмі непрацяглы час, але, нягледзячы на гэта, пытанні, звязаныя з яе стварэннем і дзейнасцю, месцам гэтага дзяржаўнага ўтварэння ў айчыннай гісторыі, да сённяшняга часу выклікаюць пільную ўвагу і дыскусіі сярод беларускіх і літоўскіх даследчыкаў. Дадзеныя, якія ўзгадваюцца ў навуковай літаратуры, вельмі розняцца паміж сабою, а ў асобных выпадках з'яўляюцца ўзаемавыключнымі.

Перш чым разглядаць пытанні звязаныя з утварэннем і дзейнасцю Літоўска-Беларускай ССР, неабходна разгледзець пошукі форм нацыянальна-дзяржаўнага самавызначэння ў перыяд Першай сусветнай вайны, Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый, перадумовы беларуска-літоўскага супрацоўніцтва на савецкай аснове і ўсталяванне савецкай улады ў Літве і Беларусі.

У сакавіку 1917 г. прадстаўнікі літоўскіх палітычных партый, што дзейнічалі на тэрыторыі Расіі (частка літоўцаў апынулася ў Расіі падчас Першай сусветнай вайны), утварылі ў Петраградзе Літоўскі нацыянальны савет. Ён прызнаў, што “Літва” павінна быць вылучана ў самастойную адміністрацыйную адзінку, прычым кіраванне Літвой павінна быць даручана органам і асобам з асяроддзя самага насельніцтва Літвы. Трэба заўважыць, што тэрмін “Літва” тлумачыўся літоўскім саветам не ў этнаграфічным, а ў губернска-адміністрацыйным сэнсе: літоўскія палітыкі ўключалі ў склад Літвы Ковенскую, Сувалкаўскую і Віленскую губерні цалкам, у тым ліку і паветы, дзе літоўцы складалі меншасць насельніцтва. Выказвалася патрабаванне ўвесці ў неакупіраваных паветах Віленскай губерні (Дзісенскім, Віленскім і Ашмянскім) літоўскую адміністрацыю. Для

рэалізацыі гэтых намераў Літоўскі нацыянальны савет 13 сакавіка 1917 г. пастанавіў сфарміраваць Часовы камітэт для кіравання Літвой у складзе 12 літоўцаў і 12 чалавек, прадстаўнікоў іншых народаў, што насяляюць край (6 беларусаў, 3 яўрэі, 2 палякі і 2 рускія). Часоваму камітэту неабходна было падрыхтаваць скліканне Устаноўчага сходу Літвы, які павінен быў вызначыць форму кіравання краем і стаўленне да суседзяў. Гэта праграма была даведзена да ведама Часовага ўрада [11, с. 25].

У сувязі з актывізацыяй нацыянальна-вызваленчых рухаў зараджалася тэндэнцыя ўсталявання федэратыўных дачыненняў паміж народамі былой Расійскай імперыі. Паўстала пытанне і пра месца беларускага народа ў будучай федэрацыі. Паколькі суседнія народы, а ў першыню літоўцы і палякі, выказвалі прэтэнзіі на беларускія этнічныя тэрыторыі, лёгкасці ў вырашэнні гэтай задачы не назіралася. Трэба было шукаць шляхі вырашэння гэтага пытання. Аднак сітуацыя ўскладнялася падзелам беларускіх зямель падчас Першай сусветнай вайны і развіццём нацыянальнага руху на дзвюх частках, а таксама знаходжаннем на тэрыторыі Беларусі Заходняга фронту расійскай арміі. Падчас Лютаўскай рэвалюцыі на тэрыторыі Беларусі склалася геапалітычная сітуацыя, якая яшчэ больш актуалізавала неабходнасць пастаноўкі і пошуку вырашэння праблемы дзяржаўна-палітычнага і нацыянальна-культурнага статусу краю. Аднак гэта пытанне так і засталася не вырашаным.

25 кастрычніка 1917 г. у Петраградзе адбылося ўзброенае паўстанне, пачалося ўсталяванне савецкай улады. Ізноў паўстае неабходнасць вырашэння пытання аб беларускай дзяржаўнасці і будучыні Беларусі. Ажыццяўленне праграмы бальшавікоў у галіне нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва на тэрыторыі Беларусі мела пэўныя адметнасці. Найбольш складанай з'яўлялася праблема стварэння беларускай дзяржавы. Сітуацыя абвастралася тым, што ў вырашэнні гэтай задачы адначасова прымалі ўдзел некалькі палітычных сіл: 1) нацыянальныя партыі, якія гуртаваліся вакол ВБР; 2) цэнтральныя партыйныя і савецкія органы ўлады – ЦК РКП(б), ЦВК РСФСР і Народны камісарыят па справах нацыянальнасцей; 3) кіраўніцтва Заходняй вобласці і фронту – СНК і Аблвыкамзах; 4) Беларускі абласны камітэт.

Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі беларускі край быў падзелены Заходнім фронтам на дзве часткі. Заходняя частка – Гродзенская

губерня, большая частка Віленшчыны і частка Мінскай губерні знаходзіліся пад нямецкай акупацыяй. Другая частка Беларусі – Віцебская, Магілёўская і частка Мінскай губерні заставаліся пад уладай Расіі. У 1917 г. адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкай у складзе Віцебскай, Віленскай, Мінскай і Магілёўскай губерняў стала Заходняя вобласць. Органы савецкай ўлады Заходняй вобласці і яе кіраўнікі на неакупіраванай тэрыторыі праводзілі палітычную лінію, якая цалкам адпавядала інтарэсам урада Расіі. У лютым 1918 г. цэнтрам Заходняй вобласці становіцца Смаленск. У верасні 1918 г. III з’езд Саветаў перайменаваў Заходнюю вобласць у Заходнюю камуну (увайшлі Віцебская, Віленская, Магілёўская, Мінская і Смаленская губерні), якая праіснавала на беларускіх землях да ўтварэння БССР [10, с. 320].

У 1918 г. назіраецца актывізацыя супрацоўніцтва паміж беларускімі і літоўскімі камуністамі, арганізацыйна сфарміравалася сумесная камуністычная арганізацыя раёнаў Беларусі і Літвы, акупіраваных Германіяй у 1915 г. (Гродзенская, Віленская, Ковенская губерні). На Устаноўчым з’ездзе ў Вільні (1–3 кастрычніка 1918 г.) арганізацыя зацвердзіла сваю афіцыйную назву “Камуністычная партыя Літвы і Беларусі”. Адбылося таксама аб’яднанне камуністаў-падпольшчыкаў, якія дзейнічалі ў раёнах Беларусі і Літвы, акупіраваных Германіяй у лютым – сакавіку 1918 г. Тут летам 1918 г. узнік Краявы камітэт Камуністычнай партыі Літвы і Беларусі [6, с. 44].

8 снежня 1918 г. Цэнтральны камітэт Камуністычнай партыі Літвы прыняў пастанову аб стварэнні Часовага рэвалюцыйнага рабоча-сялянскага ўрада Літвы. 16 снежня 1918 г. быў апублікаваны Маніфест Часовага рэвалюцыйнага рабоча-сялянскага ўрада, у якім абвешчалася ўсталяванне савецкай улады ў Літве і была выкладзена праграма сацыялістычнага будаўніцтва. 23 снежня 1918 г. урад РСФСР прызнаў незалежнасць Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі Літвы і яе Часовы ўрад [1, с. 59].

1 студзеня 1919 г. былі створаны Сацыялістычная Савецкая Рэспубліка Беларусь (ССРБ) і Часовы рабоча-сялянскі ўрад Беларусі на чале з З.Ф. Жылуновічам. I з’езд Кампартыі Беларусі вызначыў тэрыторыю рэспублікі ў межах Мінскай, Магілёўскай і Гродзенскай губерняў поўнасю, Віцебскай губерні без трох павеатаў, пяці павеатаў Смаленскай губерні і па адным павеце з Віленскай і Сувалкаўскай губерняў. У такіх межах ССРБ праіснавала нядоўга.

У сярэдзіне студзеня 1919 г. ЦК РКП(б) зрабіў кардынальны паварот у адносінах да беларусаў і літоўцаў. 16 студзеня 1919 г. па ініцыятыве У. Леніна ЦК РКП(б) прыняў рашэнне аб перадачы РСФСР Віцебскай, Магілёўскай і Смаленскай губерняў. Адначасова кіраўніцтва РСФСР вылучыла план аб’яднання Беларусі і Літвы ў адзіную Сацыялістычную Савецкую Рэспубліку Літвы і Беларусі (ЛітБел) [8, с. 29].

Для правядзення ў жыццё прынятай пастановы ў Беларусь камандзіраваўся ў якасці спецыяльнага ўпаўнаважанага ЦК РКП(б) А.А. Іофе. Але адносіны паміж ім і кіраўніцтвам рэспублікі адразу ўскладніліся. Такім рашэннем аб стварэнні ЛітБел былі не задаволены не толькі нацыянальна арыентаваныя большавікі, але і многія палітычныя лідары БССР. Яны лічылі, што падзел рэспублікі немэтазгодны і недапушчальны, што дадзеная ідэя “несумяшчальная з ідэалогіяй і палітыкай партыі”, што яна “супярэчыць разумнаму сэнсу”. Ад імя першага старшыні ўрада БССР З. Жылуновіча і яго сяброў (усяго 8 чалавек) у ЦК РКП(б) быў накіраваны пратэст з патрабаваннем адмяніць гэта рашэнне. Аўтары дакумента звярнулі ўвагу на тое, што стварэнне ССРБ з’яўлялася правам нацый на самавызначэнне, якое было зацверджана ў Канстытуцыі РСФСР, а рашэнне аб абмежаванні тэрыторыі ССРБ не адпавядае абвешчаным савецкай уладай прынцыпам вольнага развіцця нацый [9, л. 54–55; 5, с. 93]. Вынікам звароту стала зняцце з пасады З. Жылуновіча. Таксама у знак пратэсту супраць такіх метадаў вырашэння нацыянальнага пытання ў Беларусі, у канцы студзеня 1919 г. урад БССР пакінулі тры наркамы – Ф. Шантыр, У. Фальскі і Я. Дыла [7, с. 60].

Аб складаным становішчы ў Мінску паведамляў А.А. Іофе ў сваім пісьме ад 28 студзеня 1919 г. старшыні ЦВК Я. Свядлову. Ен пісаў, што рашэнне ЦК натыкаецца на неверагоднае супраціўленне і не толькі адкрытае, але і скрытае сабатаж. “Беларусь павінна зліцца з Літвой, – катэгарычна сцвярджаў Іофе, – і ў падрыхтоўцы да гэтага трэба яшчэ больш старацца для таго, каб не пакінуць тут тых, хто здольны толькі шкодзіць” [2, с. 70]. Такім чынам, усе спробы захаваць цэласнасць тэрыторыі Беларусі не ўдаліся, заставалася толькі правесці рашэнне ЦК РКП(б) у жыццё, што і было зроблена.

Сярод беларускіх гісторыкаў ёсць меркаванне аб тым, што ідэя аб’яднання Савецкай Беларусі і Савецкай Літвы прапрацоўвалася і была распаўсюджана сярод партыйных і савецкіх кіраўнікоў яшчэ ў

1918 г., да абвяшчэння ССРБ. Да пачатку вызвалення ад нямецкай акупацыі Беларускі нацыянальны камісарыят прапанаваў праект арганізацыі Беларуска-Літоўскай нацыянальнай вобласці. Пазней нарада сялянскіх дэпутатаў Мінскай губерні 12 снежня 1918 г. “выказалася за неабходнасць брацкага аб’яднання Савецкай Беларусі з Савецкай Літвой. У снежні 1918 г., абапіраючыся на рашэнні нарады, Мінгубрэўкам выказаўся за “стварэнне Беларускай і Літоўскай працоўнай камуны на федэратыўных сувязях з Савецкай Расіяй” [5, с. 95]. У дні работы Першага з’езда КП(б)Б газета “Звязда” ў нумары ад 31 снежня 1918 г. на першай паласе змясціла артыкул пад назвай “Літоўска-Беларуская працоўная камуна”. У артыкуле абгрунтавалася неабходнасць аб’яднання Літвы і Беларусі ў адну дзяржаўную адзінку. Аб’яднанне падтрымала “Дзянніца” – орган Белнацкама і Маскоўскай секцыі РКП(б). У якасці галоўнай прычыны зліцця рэспублік на старонках перыядычнага друку вызначаўся знешнепалітычны фактар.

Як вядома, ідэя стварэння ЛітБел узнікла сярод кіраўніцтва ЦК РКП(б) і затым была праведзена ў жыццё. Партыйныя арганізацыі КП(б)Б і КП(б)Л ніякіх адносін да прыняцця рашэння аб утварэнні ЛітБел не мелі.

Рашэнне аб стварэнні Літоўска-Беларускай ССР праводзілася ў жыццё ў некалькі этапаў. Асноўнымі юрыдычнымі дакументамі, якія былі падставай для ўтварэння ЛітБел, сталі рашэнні Першага Усебеларускага з’езда Саветаў (2–3 лютага 1919 г.) і Першага з’езда Саветаў рабочых, безземельных, малаземельных і чырвона-армейскіх дэпутатаў Літвы (17–21 лютага 1919 г.). Завяршальным момантам стала аб’яднанае пасяджэнне ЦВК Літоўскай і Беларускай ССР 27 лютага 1919 г., на якім быў створаны адзіны Цэнтральны Выканаўчы Камітэт Літоўска-Беларускай ССР і абраны ўрад рэспублікі. У склад Літоўска-Беларускай ССР увайшлі тэрыторыі Віленскай, Мінскай, часткі Ковенскай, Гродзенскай і Сувалкаўскай губерняў з насельніцтвам ад 4 да 7,5 млн чалавек [12, с. 382].

2 сакавіка 1919 г. СНК зацвердзіў афіцыйную назву – Сацыялістычная Савецкая Рэспубліка Літвы і Беларусі (ССРЛіБ) і дзяржаўную сімволіку. Аднак у афіцыйных дакументах і літаратуры часта выкарыстоўвалася “тэлеграфнае” скарачэнне назвы рэспублікі – ЛітБел. Першы з’езд Саветаў Літвы ўрачыста пракламіраваў стварэнне адзінай Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусі

і Літвы [8, с. 13]. ЦВК і ўрад ЛітБел згадзіліся на перадачу РСФСР Дзісенскага павета Віленскай губерні і Рэчыцкага павета Мінскай губерні. Літоўска-Беларуская рэспубліка фактычна складалася толькі з беларускіх губерняў. На тэрыторыі этнічнай Літвы ўлада належала Тарыбе, якая была створана 11 снежня 1917 г. пры цеснай падтрымцы Германіі.

Што датычыцца прычын аб'яднання Беларускай і Літоўскай ССР у адзіную дзяржаву, то даследчыкі выдзяляюць унутрыпалітычныя і знешнепалітычныя фактары, якія паўплывалі на гэты працэс. Засяродзім увагу на найбольш важных з іх. Прычыны такога кроку былі афіцыйна сфармуляваны ў пастановах і рашэннях ЦК РКП(б), выступленнях старшыні Усерасійскага ЦВК Я.М. Свядлова і прадстаўніка ЦК РКП(б) у Беларусі А.А. Іофе, якія затым фактычна паўтарыліся ў рашэннях Першага Усебеларускага з'езда Саветаў, Першага з'езда Саветаў Літвы.

У дэкларацыі Першага з'езда Саветаў БССР “Аб аб'яднанні савецкіх рэспублік Літвы і Беларусі” былі пазначаны дзве прычыны стварэння ЛітБел. Па-першае, гаварылася аб “гістарычнай агульнасці працоўных Беларусі і Літвы”. Па-другое, аб'яўлялася “неабходнасць хутчэйшага разгрому белагвардзейскага беларуска-літоўскага ўрада”, у сувязі з тым, што Літоўская Тарыба і Рада БНР выступаюць адзіным контррэвалюцыйным фронтам. Такім чынам, аб'яднаная буферная рэспубліка стваралася і з мэтай барацьбы супраць БНР і абвешчанай буржуазнай Літвы [3, с. 105–106]. Таксама, калі прымалася рашэнне аб аб'яднанні, быццам бы ўлічвалася і агульнасць гістарычнага мінулага, эканамічных умоў і інтарэсаў абедзвюх рэспублік, іх геаграфічнага палажэння, аб чым гаварылася ў пастанове Прэзідыума Усерасійскага ЦВК аб прызнанні незалежнасці ССРБ, прынятай 31 студзеня 1919 г. [8, с. 37].

Абвяшчэнне ЛітБел таксама з'яўляецца праяўленнем непаслядоўнай нацыянальнай палітыкі бальшавікоў. Утварэнне аб'яднанай рэспублікі было абумоўлена неспрыяльнай для Савецкай Расіі міжнароднай сітуацыяй і непасрэдна звязана з праблемай абмежавання тэрыторыі ССРБ. ЦК РКП(б), робячы такі крок, лічыў, што, аб'яднаўшыся, дзве невялікія рэспублікі ЛССР і ССРБ маглі больш эфектыўна супрацьстаяць захопніцкім памкненням Польшчы. Пры гэтым акцэнт рабіўся на неабходнасці стварэння буфера, “фарпоста пралетарскай рэвалюцыі на заходняй граніцы Расіі, які быў

прызваны перагарадзіць шлях імпералістычным драпежнікам у цэнтр рэвалюцыі – Савецкую Расію” [8, с. 37].

Важнае месца пры стварэнні дзяржавы таксама мела тэрытарыяльнае пытанне. У Літвы і Беларусі меліся спрэчныя тэрыторыі: перш за ўсё Вільня і Віленскі край. Часовы ўрад Літоўскай ССР лічыў, што граніца Літвы з Беларуссю павінна праходзіць прыблізна па лініі першай нямецкай акупацыі, гэта значыць уключаў у склад Літвы Вільню, Віленскую вобласць, а таксама значную частку Гродзенскай губерні. Прадстаўнікі Заходняй камуны таксама лічылі Віленскую губерню сваёй, і імкнуліся адразу пасля адступлення немцаў уключыць яе ў свой склад і распаўсюдзіць на яе сваю ўладу. ЦК РКП(б) не мог вырашыць Віленскае пытанне на карысць беларусаў, бо гэта магло пагоршыць яго адносіны не толькі з савецкім урадам Літвы, але і настроіць супраць савецкай улады шырокія колы літоўскага насельніцтва. Таму адмова дзяліць спрэчныя тэрыторыі, аб’яднанне ў адну дзяржаву здымала б гэтыя пытанні. Тэрытарыяльны фактар, як адну з галоўных прычын стварэння Літоўска-Беларускай рэспублікі, разглядаў непасрэдны ўдзельнік тых падзей В. Кнорын. У сваіх успамінах у 1922 г. ён пісаў, што аб’яднаць Літву і Беларусь было вельмі важна, таму што шэраг тэрыторый з’яўляліся спрэчнымі ў нацыянальных адносінах, і на іх у аднолькавай ступені прэтэндавалі савецкія ўрады Беларусі і Літвы [4, с. 89].

Сярод унутраных прычын утварэння Літоўска-Беларускай ССР трэба адзначыць наступны факт: аб’яднанне рэспублік дазваляла вырашыць канфлікт паміж ЦК РКП(б) і ЦК КП(б)Б. Група А. Мяснікова, якая ўтрымлівала за сабой большасць ва ўрадзе ССРБ і ЦК КП(б)Б, дэманстравала незалежнасць ад цэнтра і дазваляла сабе сабатаваць рашэнні ЦК РКП(б)Б. Таму стварэнне ЛітБел і адпаведна новага ўрада давала магчымасць хутка і без лішніх складанасцяў адхіліць абласнікоў ад ўлады. Ніводны з лідараў ССРБ не атрымаў значных пасадаў ва ўрадзе ЛітБел [2, с. 406].

Фактычна аб’яднанне дзвюх рэспублік у адзіную Літоўска-Беларускую ССР адбылося 27 лютага 1919 г. на сумесным пасяджэнні ЦВК абедзвюх савецкіх рэспублік. Старшынёй аб’яднанага ЦВК ЛітБел быў абраны К. Цыхоўскі, у склад Прэзідыума таксама ўвайшлі І. Уншліхт, Я. Далецкі, С. Іваноў і Р. Пікель. Старшынёй Савета Народных Камісараў, у якім не было

беларусаў, стаў В. С. Міцкявічус-Капсукас, які адначасова ўзначаліў і Наркамат па замежных справах. У кіруючыя органы ўлады ЛітБел – ЦК КП(б)ЛіБ, ЦВК, СНК, Савет Абароны, наркаматы – беларускія дзеячы не папалі. Самую высокую пасаду ў кіраўніцтве рэспублік дзвюх народаў займаў выдатны беларус – А. Чарвякоў – яму даверылі быць намеснікам наркама асветы [8, с. 44]. З. Жылуновіча ў пачатку лютага 1919 г. накіравалі на журналісцкую працу ў Харкаў, а А. Мяснікова ў маі 1919 г. камандзіравалі на Усходні фронт у рангу камандуючага Паволжскім фронтам [54, с. 404]. 27 лютага 1919 г. таксама былі створаны 16 наркаматаў, у тым ліку наркаматы ваенных спраў, унутраных спраў, дзяржаўнага кантролю, асветы, харчавання, юстыцыі, працы, фінансаў, сацыяльнага забеспячэння, шляхоў зносін, земляробства і г.д. [12, с. 383] Наркамы павінны былі ажыццяўляць дэкрэты і пастановы з’ездаў Саветаў, ЦВК, дапамагаць мясцовым органам улады ў іх дзяржаўнай, гаспадарчай і культурнай дзейнасці. Таксама Прэзідыуму ЦВК было даручана распрацаваць праект Канстытуцыі Літоўска-Беларускай ССР.

Фарміраванне дзяржаўных органаў ЛітБел знаходзілася пад пільным кантролем ЦК РКП(б). Назначэнне на ўсе ключавыя пасады ва ўрадзе абавязкова праводзілася пасля зацвярджэння кандыдатуры ў ЦК РКП(б). Аб гэтым сведчаць падрабязныя паведамленні прадстаўніка ЦК РКП(б) А.А. Іофе ў Маскву. Ключавыя пасады ў Літоўска-Беларускай ССР узначалілі толькі прадстаўнікі літоўскай савецкай палітычнай эліты. У выніку аб удзеле беларускай палітычнай эліты ў кіраўніцтве ЛітБел гаварыць не даводзіцца. У цэлым літоўскі элемент у сумеснай дзяржаве пераважаў. Аб гэтым сведчыць сама назва рэспублікі Літоўска-Беларуская ССР. Сталіцай новаўтворанай дзяржавы стала Вільня. З ваенна-стратэгічнага пункту гледжання на ролю сталіцы больш падыходзіў Мінск. За размяшчэнне ўрада ў Мінску выступалі ўсе лідары БССР, але ў чарговы раз вымушаны былі падпарадкавацца партыйнаму кіраўніцтву ў Маскве. Акрамя таго савецкая ўлада ў Беларусі карысталася большай падтрымкай, чым у Літве.

З утварэннем Літоўска-Беларускай ССР узнікла неабходнасць зліцця кампартыі Літвы і Беларусі. З 4 па 6 сакавіка 1919 г. у Вільні прайшоў Аб’яднаўчы з’езд КП(б)Б і КП(б)Л. На з’ездзе была створана адзіная партыйная арганізацыя рэспублікі, быў выбраны

Цэнтральны Камітэт КП(б)ЛіБ колькасцю 15 чалавек. У склад кіраўніцтва кампартыі ўвайшлі В. Міцкявічус-Капсукас, К. Цыхоўскі, А. Мяснікоў, В. Кнорын, Я. Далецкі і іншыя. 6 сакавіка 1919 г. ЦК КП(б)ЛіБ выбраў Прэзідыум ЦК КП Літвы і Беларусі, старшынёй Прэзідыума стаў В. Міцкявічус-Капсукас, сакратаром – В. Кнорын. Таксама быў утвораны адзіны Камуністычны Саюз Моладзі Літвы і Беларусі [14, с. 36].

28 лютага 1919 г. ЦВК ЛітБел выдаў Дэкларацыю аб знешняй палітыцы, у якой змяшчаўся заклік да ўсіх урадаў прызнаць ЛітБел і ўступіць з ёй у зносіны, дэкларавалася гатоўнасць “вырашаць усе спрэчныя пытанні палюбоўна і міралюбіва”. Яшчэ 16 лютага 1919 г., падчас фарміравання ўрадавых органаў і аб’яднання Савецкай Літвы і Беларусі, Часовы рабоча-сялянскі ўрад Літвы і ЦВК Саветаў ССРБ па ўзаемным пагадненні накіравалі польскаму ўраду ноту пратэсту ў сувязі з гвалтоўным уварваннем польскіх узброеных сіл у Беластоцкі павет Гродзенскай губерні з прапановай стварыць змешаную камісію для мірнага ўрэгулявання тэрытарыяльных пытанняў. Але нота засталася без адказу [3, с. 110].

1 сакавіка 1919 г. СНК ЛітБел звярнуўся з нотай да ўрадаў ЗША, Вялікабрытаніі, Францыі і Японіі, у якой даў згоду на ўдзел у канферэнцыі на Прынцавых астравах для вырашэння спрэчных пытанняў паміж урадамі, што стварыліся на тэрыторыі Расійскай імперыі. Аднак Польшча і краіны Антанты не прызналі ЛітБел у якасці суб’екта міжнароднага права і адмовіліся ўступаць з ёю ў зносіны.

2 сакавіка 1919 г. ЦВК ЛітБел выступіў з новай дэкларацыяй, у якой звярнуў увагу на факт ігнаравання польскім урадам папярэдніх зваротаў органаў улады рэспублікі і пацвердзіў сваю гатоўнасць вырашаць мірным шляхам спрэчныя пытанні [13, с. 86]. На працягу лютага – сакавіка 1919 г. ўрад Літоўска-Беларускай ССР імкнуўся прадухіліць магчымую вайну з Польшчай, але дыпламатычным шляхам зрабіць гэта было немагчыма. Краіны Антанты і Германія падтрымлівалі захопніцкую палітыку Польшчы.

Пазіцыю ўрада Літоўска-Беларускай ССР падтрымліваў і ўрад РСФСР, які таксама дамагаўся спынення польскага наступлення на ўсходзе. Аднак усе намаганні савецкай дыпламатыі таксама былі дарэчнымі. Польскі ўрад ішоў на канфрантацыю і адмаўляўся ад якіх-небудзь дыпламатычных кантактаў з Літоўска-Беларускай Са-

вецкай Рэспублікай, таму што гэта азначала б прызнанне факта самавызначэння беларускага і літоўскага народаў і неабходнасць уступіць у мірныя перагаворы. Таму быў выбраны крок не прызнаваць савецкія рэспублікі. У тых умовах наступленне польскіх войск на землі Беларусі і Літвы стала непазбежным.

8 красавіка 1919 г. ЦВК ЛітБел аб'явіў рэспубліку на ваенным становішчы. 19 красавіка 1919 г. ствараецца Савет абароны Літвы і Беларусі. Польшча пачынае ваенныя дзеянні супраць Савецкай Расіі і першай ахвярай становіцца ЛітБел, большая частка тэрыторыі якой была акупіравана. У склаўшыхся ўмовах паўстала пытанне аб неэтазгоднасці існавання ЛітБел. У сярэдзіне ліпеня 1919 г. у Мінск прыбыў член Палітбюро ЦК РКП(б), наркам па справах нацыянальнасцяў І. Сталін. Ён запатрабаваў распуціць цэнтральныя органы ЛітБел. “Канстатую поўную непатрэбнасць урада і Мінскага Савета абароны, неабходнасць іх самароспуску і ўваходжання іх членаў у органы фронту” – катэгарычна заявіў наркам. 14 ліпеня 1919 г. у Мінску на нарадзе кіруючых работнікаў Літоўска-Беларускай ССР І. Сталін абвясціў рашэнне ЦК РКП(б) аб ліквідацыі ЛітБел і перадачы ўлады на неакупіраванай частцы тэрыторыі Беларусі Мінскаму губернскаму рэвалюцыйнаму камітэту, што на яго думку, павінна было служыць умацаванню фронту, скарачэнню попыту на работнікаў зверху. Кіруючыя кадры былі накіраваны на фронт [6, с. 63].

Кіраўніцтва ЛітБел не пагадзілася з ліквідацыйнай рэспублікай. Нягледзячы на гэта, дзейнасць органаў улады Літоўска-Беларускай ССР паступова згортваецца. 17 ліпеня 1919 г. на сумесным пасяджэнні ЦВК ЛітБел, Мінскага Савета, прафсаюзных арганізацый было прынята рашэнне аб ліквідацыі Савета Абароны, які спыніў сваю дзейнасць 18 ліпеня. Уся справа абароны Літоўска-Беларускай ССР перадавалася расійскай Чырвонай Арміі. Апошняе пасяджэнне ўрада ЛітБел адбылося 19 ліпеня 1919 г. У гэты ж дзень СНК ЛітБел вырашыў перадаць Мінскаму губернскаму ВРК усе правы народных камісарыятаў. 25 ліпеня 1919 г. наркаматы Літоўска-Беларускай ССР былі перайменаваны ў аддзелы Мінскага губернскага ВРК. З канца ліпеня 1919 г. ні ЦВК ЛітБел, ні СНК рэспублікі фактычна не кіравалі дзяржаўным жыццём і не выконвалі сваіх функцый. І нягледзячы на адсутнасць юрыдычных дакументаў аб ліквідацыі ЛітБел, рэспубліка як дзяржаўнае ўтварэнне фактычна

перастала існаваць. У пачатку жніўня 1919 г. пачала сваю дзейнасць Ліквідацыйная камісія эвакуіраваных устаноў Літвы і Беларусі. У жніўні перастаў існаваць і Мінскі губернскі ваенна-рэвалюцыйны камітэт. Неакупіраваныя тэрыторыі ЛітБел былі далучаны да суседніх губерняў РСФСР.

Фактычна Літоўска-Беларуская ССР перастала існаваць восенню 1919 г., таму што ў гэты час урад РСФСР уступіў у непасрэдня адносіны з Літоўскай Тарыбай. 11 верасня 1919 г. кіраўніцтва РСФСР прапанавала ўраду Літвы ўступіць у перамовы аб падрыхтоўцы і падпісанні мірнага дагавора і тым самым фактычна прызнала буржуазны ўрад Літвы. Пасля падпісання 12 ліпеня 1920 г. мірнага дагавора паміж РСФСР і Літвой Літоўска-Беларуская ССР юрыдычна спыніла сваё існаванне. Аднак, як лічаць шматлікія даследчыкі, гэтая дамова для Беларусі не мела юрыдычнай сілы, бо яна супярэчыла існаваўшым нормам міжнароднага права.

Такім чынам, Літоўска-Беларуская ССР праіснавала вельмі непрацяглы час – меней чым паўгода. Аднак да сённяшняга часу ёсць пытанні, па якіх у гісторыкаў існуюць значныя разыходжанні. Пры стварэнні ЛітБел вызначальную ролю адыгралі знешнія сілы. Савецкае партыйнае кіраўніцтва ў Маскве ствараючы рэспубліку дзейнічала з асабістых інтарэсаў расійскай і міравой пралетарскай рэвалюцыі. Сярод унутраных прычын утварэння Літоўска-Беларускай рэспублікі, з пункту гледжання савецкага ўрада, трэба адзначыць неабходнасць сур'ёзнай барацьбы супраць буржуазнага нацыяналізму. У той час вельмі актыўна на тэрыторыі Ковеншчыны і Гродзеншчыны дзейнічала Літоўская Тарыба, з якой супрацоўнічала Рада БНР. Ствараючы ЛітБел, савецкае кіраўніцтва ў Маскве зыходзіла з таго, што тым самым яны змогуць нанесці рашучы ўдар па літоўскаму і беларускаму нацыяналізму ў выглядзе Літоўскай Тарыбы і Рады БНР. Трэба адзначыць таксама той факт, што стварэнне Літоўска-Беларускай ССР, як сцвярджал яе арганізатары, не з'яўлялася арганічнай патрэбнасцю двух народаў, якія заўсёды былі добрымі суседзямі. Пасля таго, як тэрыторыя Беларусі і Літвы была акупіравана палякамі, ЛітБел фактычна перастала існаваць, бо патрэбнасці ў гэтым дзяржаўным утварэнні ва ўрада РСФСР ужо не было, быў узят курс на супрацоўніцтва з урадам буржуазнай Літвы.

Выкарыстаная літаратура

1. Великий Октябрь в судьбах белорусского и литовского народов: Материалы научн. конф. посвященной 60-летию обр. Литовско-Белорусской ССР. – Минск., 1981. – 117 с.
2. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы ХVІІІ-пач.ХХІ ст. / [А.А. Каваленя і інш.]. – Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут гісторыі. – Кн. 1. – Мінск, 2011. – 583 с.
3. Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў / Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь [і інш.]; [Склад.: У.М. Міхнюк, Рэдкал.: І.І. Антановіч (старшыня) і інш.] – Т. 1. (1917-1922 гг.). Мінск.: БелНДЦДАС: Выдавецкі цэнтр БДУ, 1997. – 395 с.
4. Кнорин В.Г. Избранные статьи и речи / Сост.: Н.В. Кузнецов и др. – Минск.: Беларусь, 1990 – 303 с.
5. Круталевич В.А. История Беларуси: Становление национальной державности (1917-1922 гг.) / В.А. Круталевич – 2-е изд., доп. – Минск.: Право и экономика, 2003. – 592 с.
6. Круталевич В.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917-1945 гг.) / В.А. Круталевич, І.А. Юхо – 2-е изд., доп. – Мінск: “Беларуская навука”, 2010 – 238 с.
7. Ладысеў У.Ф. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917-1939 гг.) / У.Ф. Ладысеў, П.І. Брыгадзін – Мінск.: БДУ, 2003, – 307 с.
8. Малыхіна Л.Ю. Гістарыяграфія Літоўска-Беларускай ССР / Л.Ю. Малыхіна, У.М. Міхнюк. – Брэст: Выдавецтва БДТУ, 2005. – 119 с.
9. НА Рэсп. Беларусь. – Ф. 4683. Воп. 3. – Спр. 478. – Л. 54–55.
10. Рамановіч С.П. Адміністрацыйна-тэрытарыяльнае ўладкаванне Беларусі (1917-1922 гг.) / С.П. Рамановіч // Октябрь 1917 года в судьбе мировой цивилизации / редкол.: М.П. Косцюк (гл. ред.) [и др.] – Минск: Белорусская наука, 2008 – С. 320-324.
11. Рудовіч С. Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 г. / С. Рудовіч. Ін-т гісторыі Нац. акад. навук Беларусі – Мінск.: НВК “Тэхналогія”, 2001 – 200 с.
12. Ціхаміраў А. Літоўска-Беларуская Савецкая Сацыялістычная рэспубліка / А. Ціхаміраў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі – Мінск., 1997. – Т. 4. – С. 382-384.

13. Ціхаміраў А.В. Міжнародныя аспекты фарміравання беларускай дзяржаўнасці ў 1914-1921 гг. / А. Ціхаміраў // Внешняя политика Беларуси в исторической ретроспективе. материалы Международной научной конференции 24-25 мая 2002 г. – Минск.: “Адукацыя і выхаванне”, 2002. – С. 116-125.

14. Шкляр Е.Н. Борьба трудящихся Литовско-Белорусской ССР с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией (1919-1920 гг.) / Е.Н. Шкляр – Минск.: Госиздат БССР, 1962. – 178 с.

СОЛДАТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ – ДВИЖУЩАЯ СИЛА ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Богданович А.И.

г. Минск, БНТУ

Солдатское движение на территории Беларуси как самостоятельная проблема еще не стало предметом основательного исследования, хотя именно с присутствием армии и боевыми действиями связано социально-экономическое положение в Беларуси и, в особенности, революционные потрясения 1917 – 1918 гг. Отдельные аспекты этой проблемы затрагивались в многочисленных общих исследованиях отечественных и зарубежных историков. В данной статье мы попробуем проследить некоторые наиболее малоизвестные факты антивоенной и антиправительственной борьбы солдат Западного фронта на территории Беларуси в предверии Октябрьской революции.

Первые солдатские волнения были вызваны массовой мобилизацией, которая началась на территории Беларуси накануне официального объявления войны Германией и ее союзниками 18 июля 1914 года. В соответствие с законом о всеобщей воинской повинности 1906 г. мобилизация проводилась строго по территориальному принципу. Все военнообязанное мужское население белорусских губерний в возрасте от 21 до 43 лет (а с 1915 г. с 18 до 43 лет) в соответствии с мобилизационными планами и соответствующими повестками военного ведомства должны были явиться на мобилизационные пункты для пополнения рядов русской армии.

Мобилизованные из запаса солдаты, преимущественно крестьяне, часто в поисках спиртного начинали громить поместья мест-

ных дворян и магазины еврейских торговцев. При этом погромщики были уверены в своей безнаказанности и даже в законности своих действий. Они, не беспочвенно, считали, что идут отдавать жизнь за Родину, поэтому их как «защитников царя и Отечества» никто не посмеет наказывать за грабежи. В той или иной степени этот разбой охватил 20 из 35 уездов Беларуси. Несмотря на патриотические настроения участников грабежей, власти жестоко и показательно наказывали некоторых из них: в Сенненском уезде, например, по приговору военно-полевого суда 4 человека были повешены, а в Мозырьском уезде 13 человек расстреляны. Многие участники выстулений попали на каторгу и в арестантские роты [1, с. 242].

С осени 1914 г. до лета 1915 г., когда белорусские земли еще находились в прифронтовой полосе, а боевые действия разворачивались на территории Прибалтики и Польши, значительных волнений среди солдат на территории Беларуси не наблюдалось. Это было обусловлено тем, что солдаты здесь на долгое время не задерживались, а их состав постоянно менялся. Через Беларусь и дальше на фронт ежедневно двигалось более 300 воинских эшелонов. Тут стояли в основном учебные, запасные части и силы тылового обеспечения. На территории Минского военного округа запасные и резервные части размещались в Брест-Литовской, Гродненской и Бобруйской крепостях, в горнизонных казармах Минска, Витебска, Гомеля, Могилева, Полоцка, Баранович и других городов. В результате этого города Беларуси оказались переполненными военнослужащими. Население Минска, например, в течении одного года после начала войны увеличилось со 100 до 250 тыс. человек. Если в мирное время военный гарнизон в Минске насчитывал всего 4 тыс. человек, то в 1915 – 1917 гг. в одних только госпиталях города лечилась около 9 тыс. солдат и офицеров, а общее количество военнослужащих в городе иногда превышало 150 тыс. человек. В связи с этим бытовые проблемы в Минске обострились до предела, часто трудно было разместить в городе лишнюю тысячу солдат [2, с. 447].

Крупные военные поражения царской армии в кампании 1915 г., неудачи боевых действий в 1916 г., огромные человеческие, территориальные и материальные потери вызывали недовольство солдат. Бесправное положение солдата и тяжелое социально-экономическое положение в стране вели к разного рода стихийным выступлениям в армии. Именно они стали основной движущей силой Февральской,

а затем и Октябрьской революцией на территории современной Беларуси. С начала 1917 года росло дезертирство, отмечались случаи отказа целых воинских частей идти в наступление, были случаи братания с немцами. Усиливалась антиправительственная агитация среди солдат со стороны участников рабочего движения и большевических агитаторов, которые были мобилизованы в армию.

Быт российских солдат времен Первой мировой войны был организован чрезвычайно плохо. В тылу их почти не выпускали из казарм, а если выпускали, то им было запрещено посещение театров, кино, чайных и кафе, а также пользоваться городским транспортом (ездить в трамвае, пользоваться конкой). Фронтовики говорили: «И на фронте пешком, и по городу пешком – вот тебе и герой Отчизны!». На первый взгляд это было мелочью, но это было оскорбительной мелочью – одной из тех мелочей, которые потом во время Февральской революции привели к декларации «О правах солдат». Для её провозглашения были все основания: правовое положение русского солдата было хуже, чем любого иноземного солдата того времени. Не случайно в число тех прав, которые гарантировала революция в названной декларации, были такие как езда солдат в трамвае, посещение театров, право физической обороны личности от физических методов воздействия со стороны офицеров [3, с. 25].

Всего до начала Февральской революции 1917 г. в Беларуси произошло 62 солдатских выступления. Подавляющее большинство из них припадает на начало войны и период с конца 1916 до начала 1917 года. Среди них самым крупным было восстание на распределительном пункте в Гомеле в октябре 1916 г. Волнения в Гомеле вспыхнули стихийно. Основанием к ним стал арест одного из казаков, который посмел не отдать честь офицеру и силой ответил ему на рукоприкладство. Кстати рукоприкладство в те времена было обычным делом в отношениях офицеров с нижними чинами, в особенности в тылу. На защиту казака выступили несколько матросов Балтийского флота и почти все из 4 000 нижних чинов, что находились в то время на распределительном пункте. Они обезоружили караул гарнизонной гауптвахты и освободили из-под ареста не только потерпевшего казака, но и более чем 800 человек, которые содержались там за разные провинности. При этом сразу же были уничтожены документы, подтверждающие провинности солдат.

Несколько хорошо вооружённых и преданных начальнику гарнизона рот рассеяли повстанцев. В городе начались повальные обыски и аресты. Но 26 октября около сотни солдат из распределительного пункта организовались и дали отпор карателям. Они разогнали полицейский отряд, который занимался обысками, вернулись на распределительный пункт, где с помощью других солдат и матросов повторно освободили арестованных товарищей. Несмотря на это командованию гомельского гарнизона все же удалось взять ситуацию под свой контроль и вновь арестовать наиболее активных участников волнений. К суду были привлечены 16 зачинщиков, 9 из которых – были расстреляны, а остальные – отправлены в арестантские роты и на каторгу [1, с. 244].

Но процесс разложения армии остановить уже было невозможно. Усиливалась оппозиция правительству в Государственной думе, которую возглавила партия кадетов. Распространялись слухи об измене в правительстве, в верхах армии и даже в царской семье. Вызревал общенациональный кризис. Война мобилизовала миллионы крестьян, а от остальных требовала значительно больше, чем в мирное время, продуктов питания, фуража и лошадей для армии и хлеба для крупных городов.

В некоторых губерниях начали проводиться обязательные массовые закупки продуктов питания и фуража. В связи, с чем нарастало недовольствие крестьян и большинства солдат, которые были тесно связаны с родными деревнями. Увеличилось количество сельских бунтов. К декабрю 1916 г. в Российской империи их произошло более чем 550. Параллельно в 1916 г. наблюдался беспрецедентный рост количества фабричных забастовок, даже, несмотря на то, что большинство промышленных районов страны находились на военном положении или в режиме «усиленной безопасности». Забастовки достигли критической точки в конце февраля 1917 г. Их попытались подавить с помощью армии, однако солдаты также были недовольные политикой правительства. Именно поэтому, когда Петроградский гарнизон получил приказ утихомирить выступления фабричных рабочих, он взбунтовался. Более чем треть гарнизона, около 66 000 человек, восстали против своих офицеров и присоединились к рабочим. Таким образом, первый этап революции фактически был делом рук крестьян переодетых в военную форму [4, с. 70].

Взрыв в столице отозвался и в Беларуси, где шла подготовка к весенне-летнему наступлению. Сюда поступало пополнение, новые пушки, пулемёты, самолёты и даже бронемашины. Однако эта подготовка оказалась напрасной. После отречения царя от престола (по настоянию Петроградского совета) был издан Приказ № 1 в соответствии, с которым в воинских частях избирались солдатские комитеты и назначались правительственные комиссары, которые осуществляли контроль над деятельностью командиров воинских частей.

Через некоторое время был издан Приказ № 8, который получил название «Декларация прав военнослужащих». Этот приказ существенно расширял права рядовых солдат и даже позволял политическую деятельность в армии. Принятие этого решения фактически отменяла существовавшую раньше в армии субординацию и дисциплину. «Декларация» поставила вне закона рукоприкладство офицеров, давала право солдатским комитетам обсуждать и отменять приказы командиров и даже выносить их на обсуждение всех солдат воинского подразделения [3, с. 27].

После избрания солдатских комитетов, деятельность командования была фактически парализована, а во многих воинских частях вместо боевых действий шли бесконечные митинги. Вполне боееспособная ранее армия превратилась в плохо управляемую толпу. Толпа эта делилась на две части: одна требовала забыть про оккупированные противникам двенадцать губерний и закончить войну, а вторая, которая постоянно уменьшалась, собиралась воевать до победного конца.

Идея демократизации воюющей армии была очевидным безумием, армейские командиры, солдатские комитеты и комиссары Временного правительства не могли остановить массовое дезертирство и оставление позиций без приказа. В таких условиях солдаты начали бегство с фронта, часто, вместе с оружием. Страх перед наказанием не было, ведь расстрел, который раньше угрожал дезертиру, исчез – смертная казнь в революционной России была отменена.

Военный историк и краевед В. Лигута так описывает положение после Февральской революции на фронте под Сморгонью «Полки на передовой тянули ляжку службы – немцы были рядом. Шла вялая перестрелка. Иногда «братались» – немецкие и русские солдаты выходили из окопов, встречались на нейтральной полосе. Война надоела всем. Но, германские солдаты нигде не выходили из под-

чинения офицерам. Они «братались» только там, где им позволяли, и делали это под наблюдением своих командиров. В русские окопы немецкие офицеры и унтер-офицеры приходили с фотоаппаратами, снимали, что желали и где желали и так, чтобы на снимках выходили укрепления, пулеметные гнезда и ходы коммуникаций» [5, с. 189]. Именно поэтому, несмотря на блестящую подготовку русской артиллерии и значительный перевес в количества войск в артиллерийских средствах – 184 русских батальоны против 29 немецких, 900 русских пушек против 300 немецких – летнее наступление 1917 г. на Западном фронте провалилось.

Таким образом, солдатские волнения на территории Беларуси и Западном фронте, оказали существенное влияние не только на сворачивание активных боевых действий на территории Беларуси, но и на развитие среди белорусского населения революционного движения потому, что на протяжении всего 1917 г. почти все белорусские города и местечки были перенасыщены расквартированными в них войсками. Именно воинские части стали генераторами революционных событий на неоккупированной части Беларуси.

Использованная литература

1. Гісторыя Беларусі: у 2 ч. / рэдкал.: П.І. Брыгадзін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: РІВШ БДУ, 2000 – 2002. – Гісторыя Беларусі: Ч. 2: ХІХ – ХХ ст.ст. / П.І. Брыгадзін [і інш.]. – 2002. – 636 с.
2. Нарысы Гісторыі Беларусі: у 2 ч. / рэдкал.: М.П. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 1994 – 1995. – Ч. 1: Нарысы Гісторыі Беларусі / М.П. Касцюк [і інш.]. – 1994 – 527 с.
3. Солоневич, И.Л. Великая фальшивка февраля / И.Л.Солоневич. – М.: Алгоритм, 2007, – 305 с.
4. Джонсон, П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы / П. Джонсон. – М.: Аноубис, 1995. – 720 с.
5. Лигута, В. Наша кровь у Сморгони / В. Лигута. – Минск.: Виктор Хурсик, 2005. – 231 с.

ОКтябрьская революция 1917 г. и выбор пути реализации белорусской национальной идеи

Щавлинский Н. Б.

г. Минск, БНТУ

Сегодня наивным выглядит утверждение о том, что Октябрьская революция, свершившаяся 25 октября (7 ноября) 1917 г., представляет собой «национальную катастрофу» или «национальную трагедию», спровоцированную горсткой фанатиков-большевиков, сыгравших на недовольстве озлобленной черни. Исчерпала себя и черносотенная идея о «жидомасонском заговоре», погубившем «процветающую до толе Великую Россию!» Пора, отказавшись от старых догм и новых мифов об Октябре, понять, что большевики оказались на тот момент единственно реальной силой, которая в огромной Российской империи попыталась приостановить происходивший процесс распада – результат внутренних беспорядков и поражения в Первой мировой войне. Этот факт признавался даже противниками Советской власти. Бывший марксист, впоследствии кадет и монархист, П.Струве уже в эмиграции писал: «Логичен в революции, верен ее существу, был только большевизм, а потому в революции победил он» [1, с. 81]. В таком же духе высказалась 24 октября меньшевистская газета «Новая жизнь»: «Большевики – это не шайка злоумышленников, которых можно легко расстрелять или посадить в Кресты; и их выступление не есть попытка дворцового переворота. Большевики опираются на подавляющую часть того населения, которое вообще способно за кем-либо идти, чтобы делать какую-либо политику» [1, с. 81].

Важно отметить, что Военно-революционный комитет – орган Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – взял практически выпавшую из безжизненных рук Временного правительства власть [2, с. 96] в свои руки в ночь с 24 – на 25 октября (7 ноября) 1917 г. и возвестил об этом миру в специально подготовленном В.И. Лениным обращении «К гражданам России». Легко и бескровно [3, с. 12] большевики установили свою власть в Беларуси и на Западном фронте. 26 октября власть в Минске перешла к Минскому Совету рабочих и солдатских депутатов, а через три недели Советская власть была установлена на всей не оккупированной территории Беларуси и Западного фронта. Такая относительно легкая победа Октябрьской революции объясняется тем, что от нее ожидали решения наболевших вопросов – о земле, о мире и войне.

Но Октябрьская революция, как и всякая иная, несла в себе много разрушительного и неорганизованного. Белорусское население местечек, имений и сел подвергалось постоянному грабежу и насилию со стороны солдат, оставляющих фронт. Так, в начале ноября 1917 г. были разгромлены и частично сожжены имения «Глинин», «Слободка» в Борисовском уезде, «Труханы» в Игуменском уезде, «Грушина» в Новогрудском и множество др. В местечке Городок Виленской губ. солдаты разграбили и разбили несколько магазинов, затем разгромили два имения: «Довцевичи» и «Понятковщину» [4, с. 3].

Вместе с тем Октябрь внес и новое содержание в белорусское национальное движение. Под идеями революции оно разделилось на две части. Одна, выражавшая настроения основной массы рабочих, крестьян и средних слоев городского населения поддержала Советскую власть в Беларуси и приняла в ее строительстве самое активное участие. Об этом свидетельствуют итоги выборов в Учредительное собрание: национальные партии и организации собрали всего лишь 19 тысяч голосов, что составило 0,59% участвовавших в выборах избирателей [5, с. 16-17]. Победу на выборах одержали кандидаты партии большевиков, которые получили 50,72% голосов [5, с. 16-17].

Представляя собой вторую часть белорусского национального движения, и, объединившись вокруг Великой белорусской рады, национальные партии и организации, встретили Октябрь враждебно. Газета «Вольная Беларусь» называла его «анархической заразой» и призывала белорусский народ выступить «против большевиков, которые готовились ввести в стране такой общественный строй, до которого люди еще не доросли» [6, с. 1-2]. К объединению и созданию единого фронта против контрреволюционного выступления большевиков призывала резолюция, принятая на собрании всех профессий Минских профсоюзов и фабкомов, состоявшемся 30 октября 1917 года [7, л. 66].

Великая Белорусская рада и другие национальные организации не признали также сложившееся после Октября в Беларуси государственное образование – Западную область и Западный фронт. Созданный 27 ноября 1917 года Исполнительный комитет Западной области и фронта (Облискомзап) они рассматривали исключительно фронтовым органом, не занимавшимся руководством общественно-

политической жизни области. Основанием для такого вывода послужило, во-первых, то, что в составе Облискомзапа военнотружущих было в полтора раза больше, чем представителей Советов крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний и Советов рабочих и солдатских депутатов ряда городов области. Во-вторых, президиум Облискомзапа состоял только из представителей фронта. В-третьих, в руководстве Облискомзапа не было ни одного белоруса [8, с. 53].

Исходя из этого и опасаясь, как бы германские, польские, украинские и литовские силы не стали претендовать на «бесхозную» территорию Беларуси, национальные организации во главе с Великой Белорусской Радой включились в борьбу за образование независимого государства в форме демократической республики «спаянной с Великороссией и другими соседними Республиками на основе федерации» [9, с. 98].

С этой целью в декабре 1917 г. в Минске был созван 1-й Всебелорусский съезд, главной задачей которого было создание «всеми признанной демократической краевой власти, которая поможет направить белорусский народ на светлый путь национального развития» [10, с. 3]. К концу своей работы съезд принял решение «создать в пределах белорусских земель высший орган власти – Всебелорусский Совет крестьянских, солдатских и рабочих депутатов».

Однако руководители Западной области и фронта признали постановление Белорусского съезда контрреволюционной попыткой свержения установленного в результате победы Октябрьской революции общественного и государственного строя. В этой связи 17 декабря 1917 г. председатель Совета Народных Комиссаров Западной области и фронта К.И. Ландер издал постановление № 1425, в соответствии с которым комиссару Л. Резаускому предписывалось: «оцепить здание, где проходило заседание съезда, арестовать Президиум съезда, равно избранный им орган краевой власти, а сам съезд объявить распущенным» [11, с. 4]. Исходя из вышеуказанного предписания, поздней ночью с 17-го на 18-е декабря 1917 г. вооруженные солдаты во главе с начальником Минского гарнизона М.Кривошеиным [12] разогнали съезд, а наиболее активных его деятелей И. Воронко, Ф. Гриба, И. Середу, А. Червякова, И. Дворчанина, А. Бурбиса, И. Мамонько и др. арестовали [13, л. 59].

Многие политические партии отнеслись к факту разгона Всебелорусского съезда отрицательно. Белорусская социал-демократическая рабочая партия большевиков, признала его в лучшем случае, недоразумением и подала заявление в ЦК РСДРП(б) с требованием расследования обстоятельств и установления виновных данного акта.

Не признав насилие как форму решения политических вопросов, крайне негативно воспринял факт разгона съезда Д. Жилунович. В те дни он писал, что «ропуск з'езду зрабіў адмоўнае ўражанне на прадстаўнікоў яго левае палавіны... Гэтыя апошнія не маглі ўявіць сабе ўсяго значэння акцыі Мінскае Савецкае ўлады, цэлы шэраг прычын перешкаджаў ім знайсці ў сабе апраўданне роспуску» [14, с. 77]. Не исключено, что под его руководством в январе 1918 г. на 3-ем Всероссийском съезде рабочих, солдатских и крестьянских депутатов группа белорусов-социалистов внесла в Президиум съезда свой протест по поводу незаконных действий в отношении 1-го Всебелорусского съезда. В заявлении отмечалось, что «разгон 1-го Всебелорусского съезда есть обычное явление репрессий в отношениях к демократическим белорусским организациям и социалистическим партиям, которые признали власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [15, л. 17].

Белорусы-социалисты отмечали, что «комиссары Западной области в погоне за бесконтрольной и неограниченной властью в крае, опасаясь перехода ее в руки белорусского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, не стесняются распространять самые грязные и нелепые инсинуации на белорусское национальное движение» [16, л. 77]. Свое возмущение, вызванное разгоном 1-го Всебелорусского съезда, высказали также военные организации. Например, воины-белорусы 124-й пехотной дивизии Румынского фронта направили телеграмму одновременно М. Крыленко, А. Мясникову, В. Ленину и Л. Троцкому, в которой заявили: «Мы, воины-белорусы, 124-ой пехотной дивизии Румынского фронта, категорически и бесстрашно заявляем свой протест против насилий, учиненных над Всебелорусским съездом... Мы, белорусы, сумеем гордо и смело выступить с оружием в руках для защиты исконных прав своего многострадального народа» [17, л. 2].

Поддержку делегатам Всебелорусского съезда оказывали не только белорусские организации. Например, еврейская националь-

ная партия Поалей-Цион заявила: «Мы считаем своим долгом протестовать против всякого ограничения СНК свободы национального самоопределения Беларуси и выражаем свое сердечное сочувствие белорусам» [13, л. 57].

После разгона съезда представители национальных организаций и партий не прекратили своей борьбы за создание Белорусского государства. 21 декабря Совет съезда провел заседание, на котором признал себя Временной краевой властью, а также выделил из своего состава исполнительную власть в лице «Исполнительного комитета 1-го Всебелорусского съезда» в количестве 17 человек: (Ф.Ф. Гриб – председатель, члены: А.А. Смолич, И.Я. Воронко, А.В. Прушинский, П.А. Бодунова, И.Н. Середа, И.А. Мамонько и др.) [18, с. 78].

Затем, Исполком направил свои усилия и устремления на установление связей с СНК РСФСР, но не встретив там взаимопонимания, отказался от направления своих представителей в Петроград, и попытался установить свою власть на территории Беларуси с помощью вооруженной силы. С этой целью Исполком совместно с Белорусской войсковой радой намеривались сформировать национальную армию. Наиболее успешно в этом направлении проводилась работа на Румынском фронте, где в период с декабря 1917 по январь 1918 гг. были объявлены белорусскими: 4-й армейский корпус в составе 30-й и 40-й дивизий с их артиллерией, 43-я пехотная дивизия с ее артиллерией и приданными ей учреждениями; 26-е автоброневое отделение; 6-й Таурогенский пограничный полк, переименованный в Первый гусарский Белорусский национальный полк; 375-я Витебская и 40-я Минская дружины государственного ополчения [19. с. 15].

Однако по многим обстоятельствам и причинам созданную белорусскую национальную армию на территории Украины использовать не удалось. Во-первых, Украинская рада, объявившая 7 (20 ноября) 1917 г. о создании Украинской Народной Республики, издала приказ о роспуске всех солдат неукраинцев, в том числе и белорусов, которые вынуждены были покидать свои части и разъезжаться по домам [20, л. 139]. Во-вторых, положение осложнялось и тем, что пришедшее к власти на Украине 26 января (8 февраля) 1918 года Советское правительство стало посылать белорусские части на войну с Румынией, в результате чего Войсковая рада потеряла связь с белорусским войсковыми подразделениями [21, с. 25].

Тем временем в результате срыва мирных переговоров между Германией и Советской Россией немецкие войска возобновили 18 февраля 1918 г. военные действия и начали захватывать территорию Восточной части Белоруссии. Действуя совместно с частями 1-го польского корпуса генерала Довбор-Мусницкого, они стремительно приближались к Гомелю и Минску. Облискомзап и СНК Западной области, оказавшись не в состоянии организовать оборону, вынуждены были в ночь на 19 февраля 1918 г. эвакуироваться из Минска в Смоленск.

В этой обстановке, когда германские войска еще не вступили в Минск, а советские его оставили, часть деятелей белорусского национального движения, исходя из ситуации, внешнеполитических условий, попытались создать свою власть. 21 февраля 1918 г. исполком Совета 1-го Белорусского съезда обратился к народам Беларуси с Уставной грамотой. В ней сообщалось, что «Новый грозный момент переживает наша родина. Бывшая в крае власть бесследно ушла. Ныне мы стоим перед возможным занятием края немецкими армиями». Далее говорилось: «Вы должны взять свою судьбу в собственные руки. Белорусский народ должен осуществить свое право на полное самоопределение, а национальные меньшинства – на национально-персональную автономию. Право наций должно найти свое существование путем созыва на демократических началах Учредительного собрания» [20, л. 124].

Исполком провозгласил себя до созыва Учредительного собрания властью в Беларуси и для управления краем назначил правительство – Народный секретариат. Его председателем был избран один из лидеров правого крыла Белорусской социалистической Громады И.Я. Воронко. В этот же день, 21 февраля 1918 г. германские войска захватили Минск, и белорусские деятели вынуждены были продолжить работу по созданию своей государственности в условиях оккупации.

9 марта 1918 г. Исполком съезда в оккупированном Минске издал Вторую Уставную грамоту, в которой Беларусь объявлялась Народной республикой (БНР). Кроме того, в Грамоте указывалось, что на территории Беларуси вводились свободы: слова, печати, забастовок, неприкосновенность личности и жилья, право на автономию, равноправие языков всех национальностей Беларуси и др. [20, л. 125]. Согласно этому акту Исполком переименовался в Раду БНР, в функции

которой входило осуществление законодательной власти в БНР, а исполнительная власть вверялась Народному секретариату.

Как видим, 1-я и 2-я Уставные грамоты к народам Беларуси содержали ряд основополагающих принципов касательно государственного строя республики, ее территории, прав и свобод граждан. Они призваны были стать первыми «законодательными актами», фиксирующими принципы национально-государственного строительства в Беларуси. Подчеркнем, что с ними согласились многие организации, до этого игнорировавшие саму идею белорусской национальной государственности.

Например, большую поддержку Секретариат БНР получил от областного комитета партии социалистов-революционеров, который, по словам Ф. Гриба, раньше был в оппозиции ко всему белорусскому освободительному возрожденческому движению [22, л. 3]. 9 марта, в день принятия 2-й Уставной грамоты, вышеупомянутая эсеровская газета «Дело труда» заявила: «Всебелорусское Учредительное собрание и все, подготовленные к нему шаги, должны встретить на местах у наших товарищей социалистов-революционеров самую решительную, энергичную поддержку, и мы, социалисты-революционеры, должны принять в делах Белорусской республики самое деятельное участие, внося в молодое и слабое еще белорусское движение свой опыт и все свои силы и знания» [23, с. 105].

В свою очередь Минская городская дума, пост председателя в которой, занимал член ЦК Бунда А.А.Вайнштейн, отнеслась положительно к предложению Народного секретариата о совместном сотрудничестве. Фракция городского самоуправления единодушно поддержала Первую и Вторую уставные грамоты. Она с одобрением отнеслась и к факту объявления БНР, рассматривая ее как часть Российской Федеративной демократической республики. Предполагалось, что власть большевиков долго не продержится. Будущее края, его благополучие, государственное устройство пока еще ставилось в зависимость от прочной связи с Россией. Свое расположение к БНР Минская дума выразила и в другой форме – выделила «белорусскому правительству» 10 тыс. рублей на неотложные нужды [24, с. 152].

Однако в силу того, что заключенный между Советской Россией и кайзеровской Германией 3 марта 1918 г. Брестский мирный дого-

вор разрывал Беларусь этнически и территориально на три части, Рада БНР вынуждена была игнорировать волю представителей русской ориентации и на заседании в ночь с 24-го на 25-е марта незначительным большинством голосов после десятичасовых прений приняла решение о независимости Беларуси [24, с. 190]. Оно было оформлено 3-й Уставной грамотой. Этим актом БНР 25 марта 1918 г. объявлялась «независимым и свободным государством». Все старые государственные связи, позволявшие «чужому правительству подписать и за Беларусь трактат в Бресте» утрачивали силу [20, л. 124- 125]. 3-й Уставной грамотой в состав БНР были включены: Могилевская, Минская губернии, а также части Гродненской, Виленской, Витебской, Смоленской, Черниговской губерний, населенных белорусами [20, л. 124-125].

Акт 25 марта 1918 г. вызвал у некоторой части белорусского населения, в особенности среди беженцев, проживавших на Украине, сочувствие и поддержку. Например, созданная 10 марта 1918 г. в Киеве «Белорусская национальная организация на территории Украины» выступила 20 апреля 1918 г. с воззванием, в котором отмечалось: «Приняв на себя тяжелый, но светлый и высокий труд проведения в жизнь целой организации, правление зовет земляков к единению и совместной работе на пользу своего народа и считает, что в этом благом народном деле встретит поддержку и благорасположение дружественного ему народа украинского и других национальных организаций на территории Украинской Народной Республики» [20, л. 124-125].

Соответствующие резолюции и постановления принимались на проходивших в то время многочисленных собраниях и митингах в Одессе. Например, 7 апреля 1918 года резолюцию против условий Брестского мирного договора приняло собрание «Белорусского гая» [25, с. 425]. В тот же день резолюцию о негативном отношении к разделу Беларуси Брестским договором приняло заседание Белорусской национальной рады [26, л. 13]. 13 апреля 1918 г. собрание железнодорожных рабочих белорусов города Одессы вынесло следующую резолюцию: «Мы, белорусы железнодорожных мастерских, собравшись на общее собрание, постановили: приветствовать образование Белорусской Народной Республики и ее орган Белорусский народный секретариат...» [20, л. 186].

Однако большинство политических партий и организаций к акту 25 марта отнеслось отрицательно. Прежде всего, из состава Рады

вышла земская группа, которая одновременно отозвала своих представителей из состава Народного секретариата [27, л. 3].

Эсеры, которым принадлежала ведущая роль в городской группе, 29 марта 1918 г. поставили вопрос об обсуждении на заседании Рады «...желательности федерации БНР с Великороссией, Украиной, Литвой» [27, л. 3]. Руководство Бунда рассматривало создание БНР как фактор, который «может привести к угнетению евреев» [28, с. 13]. Поэтому бундовцы обвинили Раду БНР в искажении «идеи самоопределения белорусского народа» и выступили за вхождение Беларуси в состав «федерации свободных народов России» [28, с. 13].

Однако и на этот раз сторонники полной независимости Беларуси проигнорировали волю партий и организаций русской ориентации. В сущности «незалежники» выступали за разрыв всяких отношений с Россией не потому, что не понимали объективной неизбежности совершенной в Октябре революции и утвердившейся в результате ее победы Советской власти. В сохранении белорусско-российских связей они видели иную опасность.

Один из лидеров БНР Я. Лёсик писал об этом следующее: «В начале нашей деятельности, приблизительно в 1918 году, у нас остро стоял вопрос о политической ориентации. Белоруссия слаба, нужна прочная связь с прочным политическим организмом. На кого ориентироваться: на Россию или на Польшу? Большинство «нашенцев», в том числе и я (Тарашкевич, Власов, Ивановский, Смолич, Гарун, Левицкий), склонялись в сторону Польши, мотивируя это прежде всего тем, что Польша сама пережила национальную неволю и с ней легче будет договориться». Затем Лёсик пояснял: «Полонизация не так страшна, ибо абсолютное большинство белорусского населения против польского языка. Между тем, исторические условия сложились так, что для Белоруссии более опасна русификация, так как крестьянство и городское население охотно принимают русский язык и русифицируются» [23, с. 114].

Вместе с тем Я. Лёсик и другие белорусские возрожденцы прекрасно видели опасность, которую также представляло собой польское влияние на белорусский этнос. По этому поводу он писал: «Однако среди католической части белорусского населения есть не меньшая тяга и в сторону полонизации. Тарашкевич не раз поднимал вопрос о политической изоляции Белоруссии от русских

и польских национальных влияний. И мы решили использовать немецкую оккупацию, насколько это возможно. Тем более что такая установка была взята уже белорусскими деятелями в Вильно» [23, с. 114].

Взяв, таким образом, курс на сотрудничество с германскими оккупационными властями, инициаторы процесса самоопределения Беларуси, во-первых, отошли от решения Всебелорусского съезда, который ориентировал на федерацию с Россией. Во-вторых, была сделана ошибка стратегического характера, которая дорого стоила белорусскому национальному движению. Разрывая связи с Советской Россией, руководство Рады БНР, как констатировал А. Луцкевич, «все свои дальнейшие надежды возлагало на кайзеровскую Германию».

Тем не менее, возможности реализации объявленных идей о национальной свободе и государственной независимости существенно ограничались политикой кайзеровской Германии в белорусском вопросе, которая стояла на позиции непризнания БНР. Не помогла в этом и телеграмма, адресованная 25 апреля 1918 г. германскому кайзеру Вильгельму II, в которой лидеры белорусского национального движения выражали благодарность за «освобождение Белоруссии немецкими войсками от тяжелого угнетения чужого правительства и анархии» [18, с. 96]. Текст телеграммы завершался словами: «Только под опекой германского государства видит Рада добрую волю своей страны в будущем» [29, л. 45]. Телеграмму подписали: председатель Рады И. Середа, председатель Народного секретариата И. Воронко, члены Рады Р. Скирмут, А. Овсяник, П. Алексюк, П. Кричевский, Я. Лёсик.

О принятом Радой решении направить телеграмму германскому кайзеру П. Кричевский в статье «Три Акта», напечатанной в 7-м номере газеты «Белорусское эхо» за 1918 г., писал: «И когда перед Радой стала дилемма: что защищать теперь – социальные ли завоевания Российской революции с сумасшедшими декретами Ленина и кампаниями, или сохранить в целостности и неприкосновенности белорусский народ и его территорию? - Рада стала на последний путь...со спокойной совестью и сознанием своей ответственности, какую она берет на себя перед народом, - Рада подписала эту телеграмму. Чтобы не готовила нам судьба – плаху по суду народа, или розы, устилающие нам путь к достижению единой, неделимой Бе-

лоруссии – мы примем одинаково, но идем к этому с открытыми глазами – ибо только в этом, в данный момент видим спасение Белоруссии» [30, с. 7].

Однако принятое Радой решение вызвало острый политический кризис. Из ее состава ушли эсеры, меньшевики, еврейские социалисты. Стал распадаться Народный секретариат. Покидая его, один из лидеров БСГ Ф.Ф. Гриб, заявил 1 мая 1918 г. на заседании Рады следующее: «Как участник Великой Российской революции, я, народный секретарь земледелия, протестую против такой телеграммы германскому монарху от имени всего белорусского народа и считаю изменой революционному социализму входить в союз с монархом и отдавать в опеку империалистической буржуазии Германии наш многомиллионный трудовой крестьянский народ... Я, как социалист и революционер, выхожу из состава Народного секретариата» [31, с. 3]. В знак протеста отправки телеграммы кайзеру Германии Народный секретариат также покинули П. Бодунова и Л. Заяц.

Посылка телеграммы в адрес императора Германии привела к расколу БСГ. С. Рак-Михайловский писал в этой связи: «Што вы нарабілі? Я не магу паняць сацыялістычнай Грамады. Як магла Грамада павергаць сябе ў трона Вільгельма і падаваць свае галасы ў Радзе за хаўрус Беларусі дэмакратычнай з імперыялістычнай Германіяй? ... я яшчэ цяплю ініцыятыву Грамады ў незалежнасці Беларусі. Гэта ініцыятыва – зеніт працы Грамады, а тэлеграма – труна Грамады» [20, л. 150]. Все это привело к тому, что на основе Грамады были созданы следующие партии: Белорусская социал-демократическая партия (БСДП), Белорусская партия социалистов-федералистов (БПС-Ф), Белорусская партия социалистов-революционеров (БПС-Р). Лидерами БСДП были А. Смолич, Б. Тарашкевич, Я. Лёсик, А. Прушинский, С. Рак-Михайловский, А. Луцкевич. Руководящее ядро БПС-Ф составляли: И. Воронко, А. Цвикевич, К. Езовитов, В. Захарко, А. Овсяник, П. Кричевский, И. Середа. Организаторами БПС-Р являлись: Ф. Гриб, П. Бодунова, Я. Трофимов, И. Мамонько, В. Русак, Н. Козич.

Телеграмма германскому монарху вызвала новую волну протеста в различных слоях общества. Областное совещание Бунда (4-6 мая 1918 г.), излагая в одном из документов позицию партии по «белорусскому вопросу», обвинило Раду в измене социализму [24,

с. 197]. Резкое заявление против попытки соглашения с Германией и в пользу полного союза Белоруссии и Советской России принял состоявшийся 13 мая Витебский губернский съезд Советов. В Москве, как сообщала газета «Заря России» (1918, 11 июня), прошел большой белорусский митинг, на котором посылка телеграммы императору Вильгельму была названа актом предательства со стороны Рады. Протестовали моряки – белорусы Балтийского флота и белорусы, проживавшие в Кронштадте [23, с. 23].

Кризис внутри Рады, волна протестов в различных слоях общества обусловили нарастание борьбы народных масс против оккупантов. Уже весной 1918 г. крестьянские восстания вспыхнули в Новогрудском уезде и смежных с ним волостях Барановичского района. Одновременно крестьянские волнения произошли в Слуцком, Быховском, Речицком и Бобруйском уездах. 17 июля 1918 г. забастовка железнодорожников Гомельского, Мозырского, Речицкого и Пинского уездов переросла в вооруженное столкновение с оккупантами [8, с. 41].

Трудящиеся, осознавая свои социальные и национальные интересы, требовали от Рады активного сопротивления оккупационному режиму. Газета «Дзяніца» писала: «С одной стороны («Народный Секретариат»), управляющий именем Белорусской республики, а с другой, систематическое убийство, постоянное удушение белорусского народа. И вместе с тем никакого протеста по поводу происходящих событий со стороны этого «Народного правительства», никаких шагов к прекращению грабежа и насилия над трудящимися крестьянскими массами, полная заискивающая покорность перед германскими властями» [32, с. 2].

Неконструктивная политика Рады вызвала недовольство в среде белорусских национальных организаций и групп, действовавших на неоккупированной части Беларуси и в России. Большинство из них объединила идея создания белорусской государственности на основе Советов в контакте с Россией, носителями которой были Белорусский Национальный комиссариат (Белнацком) и Белорусские секции РКП(б). Белнацком, в руководящий состав которого, входили А. Червяков, В. Скорынко, Д. Жилунович и др., был создан в Петрограде декретом Совнаркома РСФСР 31 января 1918 г. [33, с. 48]. В марте 1918 г. Белнацком переехал в Москву, где и работал до марта 1919 г.

Необходимо отметить, что среди сотрудников Белнацкома и Белорусских секций РКП (б) было много известных деятелей науки и культуры: И. Петрович (Янка Неманский), Б. Тарашкевич, В. Добровольский, И. Баранкевич, А. Гринкевич, Ф. Турук, Ф. Шантыр, И. Дворчанин, Л. Родевич, М. Мелешко и др

С целью решения практических задач Белнацком и Белорусские секции РКП (б) развернули активную деятельность среди белорусских рабочих Петрограда (путиловцев, обуховцев, артиллерийского завода и др.), моряков Балтийского флота, но в особенности среди сотен тысяч белорусских беженцев. Весной 1918 г. Белнацком в Калуге, Саратове, Тамбове, и других российских городах, где проживала основная масса беженцев, организовал целую сеть эмисаров, а в Смоленске, Витебске, Орше создал местные отделы [35, с. 94]. Затем, он открыл в этих городах свои клубы, библиотеки, школы, создал различные политические и культурно-общественные кружки и общества.

Для подготовки руководящих кадров Белнацком организовал курсы белорусоведения в Петрограде, а в Москве – Белорусский народный университет, где для слушателей читали лекции по географии, истории, этнографии и экономике Д. Анучин, В. Пичета, В. Добровольский, П. Расторгуев, Е. Канчер, А. Ясинский и др. [34, с. 94].

Идея создания Советской Беларуси, инспирированная Белорусскими секциями РКП (б) и Белнацкомом, выявлялась в принятии соответственных резолюций белорусскими собраниями, конференциями, съездами. Так, белорусы-беженцы из Гродненщины в Казанской губернии на собрании 23 марта 1918 г. приняли резолюцию, которая гласила: «Единый белорусский народ не может и не должен быть разделен на части, он должен остаться целым; и ему должно быть дано, как и другим народам, право определить свою судьбу» [35, с. 391]. Резолюция, принятая на собрании крестьян Королевской волости Витебского уезда 14 мая 1918 г. завершалась словами: «Пусть живет Белорусская Федеративная Советская Республика с великой, свободной трудовой Россией» [35, с. 391].

В период с 17 по 21 июля 1918 г. в Москве состоялся созванный Белнацкомом Всероссийский съезд беженцев из Беларуси. В работе съезда приняли участие делегаты от Владимирской, Казанской, Московской, Нижегородской, Пензенской, Петроградской, Орлов-

ской, Тамбовской, Саратовской, Симбирской, Тверской, Тульской, Казанской, Костромской и Воронежской губерний, а также от моряков Балтийского флота, Крестьянской секции ЦИК, Еврейского и Белорусского национальных комиссариатов [36, л. 10]. Съезд принял резолюцию, в которой говорилось, что «Беларусь павінна ўвайсці ў будучым ў склад саюзу свабодных народаў на аснове аўтаномнасці ў фэдэрацыі э Расейскай Савецкай Рэспублікай». В последнем своем решении съезд вынес «каб на будучай мірнай канфэрэнцыі народаў былі прадстаўнікі ад працоўнага беларускага народу для абароны ягоных інтарэсаў» [37, с. 26].

Однако деятельность Белнацкома и Белорусских секций РКП(б), направленная на создание белорусской государственности, наталкивалась на противодействие со стороны Облискомзапа и Северо-Западного обкома РКП(б), которые по существу отвергали право белорусского народа на его самоопределение. Позиция этих двух советских органов была теоретически обоснована в статье «Самоопределение народов и диктатура пролетариата», напечатанной в газете «Звезда» 12 июня 1918 г. В ней утверждалось, что всякое требование самоопределения народов в России в интересах буржуазии. Возрождение национальных государств ранее угнетенных народов – явление реакционное. В конце статьи делались выводы: «Итак: лозунг самоопределения народов мы должны вычеркнуть из программы Советской России» [38, с. 129–130].

Одновременно с изложением своих позиций по национальному вопросу на страницах газеты «Звезда», Облискомзап и Северо-Западный обком РКП (б) предприняли конкретные шаги, направленные на недопущение осуществления в Беларуси принципа самоопределения народов. Например, в июне 1918 г. Облискомзап ликвидировал в Смоленске отдел Белнацкома. А когда делегация Белнацкома во главе с заведующим отдела труда Н.В Лагуном прибыла в Смоленск с предложением переименовать Западную область (которая в составе Российской Советской Республики не создавала в то время отдельной области с национальным названием, официально именуемой «Западной»), то пленум Западного областного Комитета РКП (б) 13 сентября 1918 г. отверг предложение Лагуна и переименовал ее в Западную коммуны [39, с. 98]. Из вышеуказанного, следует, что здоровые устремления Белнацкома к консолидации белорусской нации характеризовались «областниками» как национали-

стические. Такой подход серьезно препятствовал строительству белорусской национальной государственности.

Все это свидетельствует о том, что СНК РСФСР, ЦК РКП (б) не стремились воплотить в жизнь провозглашенный Октябрем принцип самоопределения наций на бывших окраинах Российской империи, в том числе и в Беларуси. Сталин еще в январе 1918 г. на 3-ем Всероссийском съезде заявил, что принцип самоопределения наций необходимо толковать как право «...на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации. Принцип самоопределения должен быть подчинен принципам социализма» [40, с. 31-32]. Пятаков, в свою очередь, самоопределение наций осуждал как буржуазный лозунг, «объединяющий все контрреволюционные силы», и считал, что «раз мы экономики объединяем, строим один аппарат, один Высший Совет народного хозяйства, одно управление железными дорогами, один банк и т.д., то все это пресловутое «самоопределение» не стоит выеденного яйца» [2, с. 221].

К тому же, к вопросу о самоопределении Беларуси примешивалась тактика, которую проводила большевистская власть в целях экспорта революции в западные страны. В.И. Ленин рассчитывал, что после отхода германских войск с территории Польши, национальная буржуазия не сможет восстановить свою власть. Он писал: «буржуазия разных маленьких государств ни в коем случае не удержится, что ее господство, ее власть в этих государствах будет весьма кратким» [41, с. 112]. Не случайно, в постановлении ВЦИК об аннулировании Брестского договора от 13 ноября 1918 г. говорилось, что рабочие массы России, Лифляндии, Эстонии, Польши, Литвы, Украины, Финляндии, Крыма, Кавказа призваны сами решить свою судьбу [42, с. 678-680]. Как видно из постановления ВЦИК, такое право не предоставлялось белорусскому народу.

В.И. Ленин также не упоминал о Беларуси в телеграмме от 29 ноября 1918 г., адресованной главкому И.И. Вацетису: «С продвижение наших войск на запад и на Украину создаются областные временные Советские правительства, призванные укреплять Советы на местах. Это обстоятельство имеет ту хорошую сторону, что лишает возможности шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстонии рассматривать движение наших частей как оккупацию, и создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск» [43, с. 234].

Вопрос о самоопределении Беларуси не поднимался даже тогда, когда советские войска заняли практически всю территорию Восточной Беларуси: 21 ноября 1918 г. они заняли Полоцк и Жлобин, 24 ноября - Дрису, 27 ноября - Новогрудок, 28 ноября – Бобруйск, 2 декабря – Борисов, 8 декабря – Слуцк, 9 декабря – Двинск, 10 декабря – Минск.

Нежелание решить «белорусский вопрос» в какой бы то ни было форме московскими центральными властями вызвало к ним недоверие и подозрение со стороны Белорусских секций РКП (б) и Белнацкома. 19 ноября 1918 г. в газете «Дзянніца» появилась статья с выразительным заглавием «Як жа з Беларусью?». В ней Народный комиссариат национальных дел РСФСР и руководство Западной коммуны обвинялись в том, что они на тот момент не имели ни единого проекта государственного строительства Беларуси. В статье излагалось требование к московским центральным властям «выразна паставіць пытаньне аб лёсе Беларусі» [44, с. 3].

В создавшейся обстановке комитет московской Белорусской секции РКП (б) вынужден был созвать 27 ноября 1918 г. совещание, на котором обсуждалась возникшая ситуация. Кроме того, «1. для большей оперативности было избрано бюро комитета (Д. Жилунович - председатель, П. Клыш – заместитель председателя, З. Чернушевич – секретарь и О. Дыло казначей); 2. принято постановление о созыве съезда белорусских секций РКП (б); избрана в составе О. Дыло, Н. Надецкого и З. Чернушевиа делегация для переговоров со Сталиным» [34, с. 101].

21–23 декабря 1918 г. в Москве состоялась конференция Белорусских секций РКП (б). В ее работе участвовали представители шести секций: Московской, Петроградской, Саратовской, Тамбовской, Минской, Невельской. Конференция избрала Центральное бюро (ЦБ) Белорусских секций РКП (б), председателем которого стал Д.Ф. Жилунович, членами – А.Г. Червяков, Ф.Д. Балбеко, И.С. Надецкий и др. ЦБ Белорусских секций должно было объединить усилия коммунистов – белорусов, проживающих на территории РСФСР и УССР, на решение вопроса о национальном государственном строительстве в Беларуси. Конференция приняла решение о необходимости образования Белорусской Советской Социалистической Республики и обратилась к В.И. Ленину и во ВЦИК с просьбой оказать содействие в осуществлении этой идеи. В телеграмме,

направленной во ВЦИК, отмечалось, что Советское правительство, «...проводя в жизнь принципы федеративного социалистического строительства, осуществит идею создания Советской Белоруссии» [1, с. 100].

В то же время ряд руководящих деятелей (А.Ф. Мясников, В.Г. Кнорин и др.) партийных и советских органов Западной области вновь выступили против национального самоопределения Беларуси. В газете «Западная коммуна» (орган Облискомзапа) 21 декабря 1918 г. была напечатана статья, в которой говорилось: «Провозглашение Советской Республики Белоруссии не только не служило бы интересам борьбы с националистическими тенденциями мелкой буржуазии, но как раз развивало бы простор этим тенденциям. А это не в интересах социалистической революции. То, что мы признаем допустимым в одном месте в силу тактических соображений, не должно быть перенесено в другие места» [1, с. 99].

Но, несмотря на это, ЦК РКП(б) 24 декабря 1918 г. принял постановление о необходимости провозглашения независимости и суверенитета Белорусской Советской Социалистической Республики. Разумеется, что ЦК РКП (б) при принятии данного решения не мог не учитывать активной деятельности белорусских организаций, как на оккупированной территории, так и на свободной части Беларуси и в России, направленной на создание своей государственности. Кроме того, брался в расчет и тот факт, что в Польше к власти пришло правительство Пилсудского, опирающееся на поддержку Антанты и поднявшее на щит идею «Великой Польши в исторических границах». В этой связи ЦК РКП (б) пришел к выводу, что образование БССР объективно будет способствовать упрочению международного положения Советской страны, защите революции и Советской власти.

Таким образом, решение, принятое ЦК РКП (б) о создании БССР, явилось последним политическим актом, ознаменовавшим собой итог идеологической и политической борьбы на пути реализации белорусской национальной идеи, вызванной событиями Октября 1917 г.

Использованная литература

1. История Беларуси: вопросы и ответы [Составители Г.Я. Голенченко, В.П. Осмоловский] – Минск: Беларусь, 1993. – 206 с.

2. Карр Э. История Советской России. / Э Карр. Кн. 1: Т. 1 и 2. Большевицкая революция. 1917-1923. – Москва: Прогресс, –1990. – 768 с.
3. Круталевич В.А. На путях национального самоопределения: БНР – БССР – Республика Беларусь / В. А. Круталевич. – Минск: «Право и экономика», 1995. – 138 с.
4. Па Беларусі // Вольная Беларусь. – 1917. – 23 лістапада.
5. Урбановіч А.А. Тактыка палітычных партый Беларусіі в перыяд падрыхтоўкі і правядзення выбараў в Учредительное собрание (март 1917-январь 1918 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. Наук / А.А. Урбановіч. – Минск: БГУ, 1993. – 21 с.
6. Лёсік Я. Падзеі апошняга часу / Я. Лёсік // Вольная Беларусь. - 1917. - 19 лістапада.
7. НА Рэспублікі Беларусь. – Ф. 60. – Оп. 3. – Д. 73.
8. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М.П. Касцюк [і інш]. – Мінск: Беларусь, 1995. – 560 с.
9. Турук Ф. Белорусское движение: Очерк истории национального и революционного движения белорусов / Ф. Турук. – Москва: Типография «Под/отдела Инвалидов», 1921. – 143 с.
10. Усебеларускі з’езд // Вольная Беларусь. – 1917. – 30 лістапада.
11. Тайныя дакументы // Белорусская земля. – 1918. – 1 марта.
12. 30 декабря 1917 г. Военно-революционный комитет сместил Кривошеина с должности начальника Минского гарнизона за разгон I Всебелорусского съезда в ночь с 17-го на 18-е декабря.
13. НА Рэспублікі Беларусь. – Ф. 60. – Оп. 3. – Д. 770.
14. Жылуновіч З. Беларускія секцыі РКП (б) і стварэнне Беларускай Савецкай Рэспублікі З. Жылуновіч // Польша. – 1928. – № 10. – С. 73- 93.
15. НА Рэспублікі Беларусь. – Ф. 60. – Оп. 3. – Д. 23.
16. НА Рэспублікі Беларусь. – Ф. 60. – Оп. 3. – Д. 223.
17. НА Рэспублікі Беларусь. – Ф. 325. – Оп. 1. – Д. 16.
18. Щавлинский Н.Б. Белорусское национальное движение в годы первой мировой войны (1914-1918 гг.) / Н.Б. Щавлинский. – Минск: «РИВШ БГУ», 2001. – 136 с.
19. Щавлинский Н.Б. Общественно-политическая и национально-культурная деятельность белорусских организаций в Одессе в 1917-1919 гг. / Н.Б. Щавлинский. – Минск: «Мэджик Бук», – 2008. – 80 с.

20. НА Республики Беларусь. – Ф. 325. – Оп. 1. – Д. 21.
21. Щавлинский Н.Б. Белорусские организации в 1917-1918 гг. в Одессе / Н.Б. Щавлинский // Веснік БДУ. – 1996. – Серыя № 3. – С. 24–27.
22. НА Республики Беларусь. – Ф. 458. – Оп. 1. – Д. 22.
23. Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции: Совмест. рос.-белор. исследование. В 3 ч.- Ч. 2: У истоков политического противостояния: Материалы и документы по истории общественных движений и политических партий Республики Беларусь.- Гомель: «Белорусское агенство научно-технической и деловой информации», – 1993. – 227 с.
24. Круталевич В. А. Рождение Белорусской Советской Республики (На пути к провозглашению республики, окт.1917-дек. 1918 г.) В.А. Круталевич. – Минск: «Наука и техника», 1975. – 334 с.
25. Шумейка М.Ф. Беларускі Гай у Адэсе М.Ф. Шумейка // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Рэдкал.: М. В. Біч (галоўны рэд.) і інш. – Мінск: “БелЭн”, 1993. – Т. 1. – 494 с.
26. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее-ЦГАВО). – Ф. – 2592. – Оп. 1. – Д. 62.
27. НА Республики Беларусь. – Ф. 325. – Оп. 1. – Д. 18.
28. Ліпецкі Э. Бунд / Э. Ліпецкі // Беларуская мінуўшчына. – 1996. – № 3. – С. 13–14.
29. НА Республики Беларусь. – Ф. 60. – Оп. 3. – Д. 751.
30. Кричевский П. Три Акта / П. Кричевский // Белорусское эхо. – 1918. – № 7. – С. 7.
31. Платонов Р.П., Сташкевич Н.С. Провозглашенная надежда, или еще раз о событиях 25 марта 1918 г. / Р.П. Платонов, Н.С. Сташкевич // Советская Белоруссия. – 1991. – 8 июня.
32. Мінскіе правітелі. // Дзянніца. – 1918. – 30 сакавіка.
33. Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. На пераломе эпох: Станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917-1920). / У.Ф. Ладысеў, П.І. Брыгадзін. Мінск: «Беларускі дзяржаўны ун-т, 1999. – 127 с.
34. Калубовіч Я. Крокі гісторыі / Я. Калубовіч. – Беласток, Вільня, Менск: «ГаМакс», «Наша Ніва», «Мастацкая літаратура». – 1993. – 288 с.
35. Документы и материалы по истории Белоруссии. Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР. – Минск: Академия наук БССР, 1953. – Т. 4. – 513 с.

36. Государственный архив Могилевской области (далее – ГАМО) – Ф. 240. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 10.

37. Резолюция, принятая Всероссийским съездом беженцев из Белоруссии, состоявшимся в г. Москве 17-21 июля 1918 г. // Чырвоны шлях. – 1918. – № 3. – С. 26.

38. Круталевич В.А. Пасля абвяшчэння рэспублікі / В.А. Круталевич // Польша. – 1966. – № 6. – С. 129–145.

39. Канчер Е.С. Белорусский вопрос: Сборник статей / Е.С. Канчер. – Петроград: «Издание Белорусского отдела Комиссариата по делам нацирнальностей СКСО», 1919. – 132 с.

40. Сталин И.В. Выступление на III-м Всероссийском съезде Советов Р., С. и К.Д. / И.В. Сталин // Соч. – Москва: «Издательство политической литературы», 1951. – Т. 4. – 426 с.

41. Ленин В.И. Доклад на объединенном заседании ВЦИК / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 37. – 747 с.

42. Советско-германские отношения. Сборник документов 1917-1918 гг. – Москва: «Издательство политической литературы», 1968. – Т. 1. – 758 с.

43. Ленин В. И. Телеграмма главкому И.И. Вацетису // Полн. собр. соч. – Т. 37. – 747 с.

44. Беларус камуніст. Жылуновіч З. Як жа з Беларусью? // Дзяніца. – 1918. – 19 лістапада.

ЛЕНИН НА КРУТЫХ ПОВОРОТАХ РЕВОЛЮЦИИ

Божанов В.А.

г. Минск, БНТУ

Каждая из выдающихся личностей в истории остается не до конца познанным феноменом. Складывается порой представление, что эти люди движутся по прямой линии своих природных задатков, не страдая сомнениями, разочарованиями, сменой своих взглядов. Однако если для представителей науки все более-менее ясно, ибо налицо концепции, теории, формулы, открытия, то в отношении политиков не все так очевидно.

Владимир Ильич Ленин пережил и триумф победы в октябре 1917 г., и фантастическое удержание власти почти на клочке советской территории, окруженном белой гвардией, антисоветскими восстаниями и иностранными интервентами, и мучительное уни-

рание, успев зафиксировать небольшую группу вождей, у которых наряду с выдающимися способностями преобладал один общий недостаток – склонность к администрированию, а у Сталина еще и излишнюю грубость, капризность, что, по мнению Ленина, в партийной среде становится нетерпимым.

Находясь, длительное время в эмиграции, Ленин внимательно следил за политическими событиями в России, анализировал их и в апреле 1917 г. пришел к выводу, что его место на родине. Чувство схватывания политического момента было у него феноменальным. Революция перешагнула свои первые два буржуазно-демократических этапа, и на ее новом подъеме Ленин пришел к выводу о возможности свержения Временного буржуазного правительства и переходе России к социализму. Вряд ли правы те, кто вменяет в вину Ленину привнесение революции. Миллионные массы в стране выступили с требованиями мира и решения земельного вопроса. Нежелание правительства А. Керенского решать их вызвало нарастание политического кризиса в стране. Бессмысленная жертвенная война продолжалась, разруха в экономике несла голод, эпидемии, массовую безработицу, развал государства. Все это признаки объективного исторического процесса, которые вызывают революции (Революционный взрыв буквально висел в воздухе: «Буря, скоро грянет буря», - А.М. Горький; «В терновом венце революций грянет 16 год», - В.В. Маяковский). Поэтому я согласен с И.Г. Яковенко, что «Бессмысленно обсуждать, нужна или не нужна революция – где бы то ни было, в т.ч. и в России в 1917 г.». Она неизбежна и закономерна как «процесс, в котором участвуют статистически значимые массы» [1, с. 88].

Несомненно, Ленин – твердокаменный марксист. Однако как высокообразованный интеллектуал (золотой медалист гимназии; отличник Санкт-Петербургского университета, свободное владение несколькими европейскими языками) он усвоение знаний воспринимал, как непрерывный процесс. Поэтому став правоверным марксистом, Ленин использовал это учение для его развития в условиях России. И здесь он внес серьезные дополнения и изменения, в результате чего сформировалось новое учение – марксизм-ленинизм.

Рассмотрим некоторые узловые моменты партийно-государственной деятельности В.И. Ленина в Октябрьской революции. Ленин был уверен, что время выступления против Временного прави-

тельства пришло, «промедление в выступлении смерти подобно» [2, т. 34, с. 436]. Брать власть нужно непременно сегодня ночью.. Но лишь 23 октября 1917 г. под напором решительности убедительной аргументации Ленина ЦК РСДРП(б) принимает окончательное решение о взятии власти. Ленин непосредственно возглавил руководство развернувшимся вооруженным восстанием в столице. Штурм резиденции буржуазного правительства и его арест совершились с математической точностью и почти без потерь. II съезд Советов утвердил первое советское правительство – Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным. Это был звездный час признанного вождя революции. Но, как утверждал Н. Макиавелли, власть надо не только завоевать, ее надо удержать и реализовать.

В это время Ленин как глава государства убедился, как быстро устаревали прежние теоретические положения о социалистической революции. Особенно трудно лидеру партии и страны было преодолевать догматическое мышление своих соратников. В своей позиции Ленин будет не раз оказываться в одиночестве, однако вера в свою правоту позволяла ему этого не бояться, а снова и снова вступать в полемику, находить все более точные и сильные аргументы, чтобы переубедить своих оппонентов.

Наиболее крупное столкновение Ленина с партийным большинством произошло по вопросу о заключении мира с Германией и ее союзниками. Левые коммунисты во главе с Н.И. Бухариным выступили против подписания мира, считая его предательством по отношению к назревающей, по их мнению, революционной ситуации в воюющих странах и позором для российских революционеров мириться с германским империализмом. Все эти инсинуации Ленин решительно отбрасывает, ставя вопрос ребром: во имя сохранения советской власти надо идти на подписание мирного договора с Германией и ее союзниками, даже ценой огромных, унижительных потерь. Вождь уверен, что передышка позволит сохранить завоевания Октябрьской революции, упрочить завоеванную власть, создать Красную армию. Он решительно отвергает революционное позерство, авантюристические призывы умереть во имя революции «со шпагой в руке». Блок противников мирного договора с Германией усилился левыми эсерами, меньшевиками, правыми эсерами, фракции которых входили в то время в состав ВЦИК.

В этой ситуации Ленин проявляет невероятную способность к внутренней мобилизации. С трудом, но Ленину удается склонить в свою сторону голосование на заседании ЦК РСДРП(б), которое состоялось 23 февраля 1918 г.: 7 членов ЦК проголосовало за немедленное подписание германских условий мира, 4 воздержалось и 4 против. Не теряя времени, Ленин в тот же день выступает на объединенном заседании фракций большевиков и левых эсеров ВЦИК, а затем на заседании ВЦИК. Ленин торопится, ибо Германия всякую задержку ответа от России использует для предъявления новых, еще более тяжелых условий мира. Он работает на пределе физических возможностей. В конце концов, добивается одобрения ВЦИК решения ЦК партии.

3 марта 1918 г. советская делегация подписала Брестский договор. Экстренно созванный VII съезд РКП(б) (6-8 марта 1918 г.) (на котором Ленину снова пришлось держать отчаянный бой в защиту мирного договора от довольно значительной части выступивших) одобрил ленинскую позицию в вопросе о мире. Тяжело переживал Ленин уход представителей левой оппозиции (части левых коммунистов и всех левых эсеров) с государственных постов в ответ на решение о заключении Брестского мира. Однако и в этой очень опасной для правительства кризисной ситуации Ленин был глубоко уверен, «что заблудавшиеся и дрогнувшие, убедившись в своих ошибках, снова придут к нам» [3, с. 160]. Даже в условиях, когда каждую минуту судьба страны висела на волоске, Ленин воспользовался всеми демократическими процедурами, всей силой своего ораторского и полемического таланта, чтобы решение, на котором он настаивал, было принято как коллективная позиция съезда РСДРП. Он глубоко верил в людей и при их несогласиях с ним, давая очень жесткие оценки, он не отсекал их от дальнейшей работы. Ленин не ошибся. Через 8 месяцев революция 1918-19 гг. ликвидировала империю в Германии. Немецкие войска спешно были отозваны со всех оккупированных территорий, в т.ч. Беларуси, России, Украины. Советское правительство в ноябре 1918 г. Брестский договор аннулировало. Часть ушедших с государственной работы, при жизни Ленина вернулась к ней, но подверглась репрессиям с приходом к власти Сталина. Политическое чутье, аналитический ум Ленина оказались на уровне предвидения.

Личность Ленина никак не вписывается в образ диктатора. Да, он был невероятно волевым человеком, умевший умом и действиями подчинять себе людей. Однако, несмотря на свой явный вождизм, глубокие теоретические знания и выдающиеся организаторские способности, Ленин оставался весьма скромным в общении с другими, не терпел никакого возвеличивания своей личности, позерства. В быту и на работе был непритязателен к условиям и очень внимателен к родным и сотрудникам. Его авторитет и значимость в стране при его жизни официальными средствами государства народу не навязывались, он был абсолютно равнодушен к славословиям в свой адрес. Его 50-летие в 1920 г. не стало поводом к прижизненной канонизации триумфатора. А ведь попытки такие предпринимались.

Ленин стремился к контакту с народом, ездил на заводы, выступал там, даже детские утренники посещал. Только с 25 октября 1917 г. по 4 июля 1918 г. состоялось 86 его выступлений на митингах и собраниях трудящихся [4, с. 274]. Весьма пренебрегал личной охраной, как-то отмахнувшись, что он знает, что его могут «укокошить». Весьма опытный конспиратор, он легко ускользал от назойливой охраны сотрудников ВЧК. Ленин никогда не возвышался над людьми, он тратил себя в первую очередь, работая напряженно, энергично, порой на пределе человеческих возможностей. Так диктаторы себя не ведут.

Владимир Ильич был прекрасным полемистом. Речь его была очень логичной, аргументированной, насыщенной примерами из русской и мировой литературы, философии, истории. Поэтому, несмотря на картавость, невысокий рост и внешнюю непрезентабельность, он стал очень сильным оратором. Известная участница Октябрьской революции Л.Н. Сталь вспоминала, что на I съезде Советов в июне 1917 г., на котором она была делегатом, царил обстановка полной растерянности всех партий, никто никого не слушал, стоял невообразимый шум и гам. Когда к трибуне пошел Ленин, шум вначале усилился, но затем наступила тишина. Вождь большевиков четко изложил расстановку политических в этот исторический момент и от имени РСДРП (*Есть такая партия!*) призвал съезд взять власть в свои руки. И хотя все решения съезда были приняты эсеро-меньшевистским большинством в поддержку Временного правительства, большевики во главе с Лениным оказались

правы – бурные политические манифестации продемонстрировали, что реально народные массы были против военной политики Временного правительства, оно стремительно теряло их доверие и поддержку.

Сторонники радикального пути к социализму со II съезда РСДРП называли себя большевиками по итогам голосования за состав Центрального Комитета. Термин быстро вошел в обиход, символизируя марксизм, специфически приемлемый для России. Особенно сильный акцент был сделан на подчинении меньшинства большинству. В отличие от многих своих соратников Ленин считал этот «новояз» уродливым, бессмысленным, случайным, хотя и вынужден был им пользоваться в своих статьях и выступлениях. При этом единства партийных рядов Ленин добивался через неутомимое разъяснение и убеждение. Поэтому при его жизни в руководящих органах партии оставались и меньшевик Троцкий, и предавшие публичной огласке дату вооруженного выступления большевиков против правительства Керенского и свое несогласие с ним Л. Каменев и Г. Зиновьев и многие другие оппоненты Ленина, которых после его смерти накроет беспощадная волна репрессий. Малейшее несогласие будет восприниматься не как предлог для дискуссии, а как враждебное, недопустимое в партийных рядах поведение.

Умение жить в полемической среде и убеждать не силой власти, а силой аргументов, сопоставления точек зрения – в истории редкое явление в поведении вождей. При Ленине регулярно проходили съезды партии, где в острой дискуссии принимались наиболее важные решения. В разгар гражданской войны состоялись VIII, IX, X, XI съезды партии. В особенно трудные моменты Ленин брал слово несколько раз и убеждал, убеждал, убеждал. Иногда прибегал к ультиматумам, угрожая выйти из правительства и ЦК партии, и несвязанный государственной и партийной дисциплиной продолжать бороться за свою позицию. При многих разногласиях именно позиция Ленина выводила партию к победе. В считанные месяцы после прибытия Владимира Ильича в апреле 1917 г. из эмиграции в Петроград его имя облетело всю Россию, стало символом твердой и последовательной защиты интересов трудящихся масс.

На посту Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР Ленин наталкивается на проблемы, которые априорно не выростали в марксистской теории. Прежние революционные представления

рушились. Одной из таких проблем оказалось то, что значительная часть большевиков и после прихода к власти была наполнена горячкой продолжения этой борьбы против внутренней контрреволюции, за мировую революцию, не желая заняться самым обыденным делом – хозяйственными заботами. Ленин пытается изменить традиционные взгляды в партии, заставить своих соратников взглянуть на жизнь с точки зрения элементарных жизненных интересов людей. Поэтому Ленин настойчиво твердил своим соратникам, что «вся загвоздка не в политической власти», а в умении наладить непрерывную хозяйственную работу. В ряде своих записок к XII съезду партии Ленин в этой связи резко критиковал администраторские качества руководителей и считал, что самое главное качество – обладать широким опытом, в достаточной степени солидными научными и техническими знаниями, в высшей степени способностью привлекать к себе людей. Он требовал переноса центра тяжести борьбы, революции, завоевания власти и т.д. на мирную организационную «культурную» работу [2, т. 45, с. 350-351, 376].

В этой коренной ломке взгляда коммунистов на социализм мыслил вождь сохранение политического господства большевистской партии. Однако обостренное классовое сознание как важнейшая доминанта политического сознания российского авангарда было непробиваемо. Наследники Ленина продолжали борьбу за власть против всех претендентов на нее, желая непререкаемого своего господства. Все жизненные явления они трактовали исключительно через классовую борьбу, через противостояние пролетариата и буржуазии. Именно в политике и политической власти они видели ключ к решению хозяйственных, экономических, культурных и даже сексуальных проблем. Политическая высота считалась самой важной и именно только она в состоянии направить успешное социалистическое строительство. Хозяйственные же вопросы они воспринимали как второстепенные, недостойные внимания настоящего революционера. Именно поэтому на XII съезде РКП(б) было принято положение об установлении в стране диктатуры большевистской партии. Теперь все решения в стране до 1991 г. будут приниматься по директивам партийных комитетов коммунистической партии, а государственные органы – парламент, правительство – будут сведены к исполнительным функциям партийной воли. На XVI съезде ВКП(б) в 1930 г. Сталин констатировал: «...наша партия руководит

всеми организациями пролетариата и всеми сторонами деятельности пролетарской диктатуры, начиная с подавления классовых врагов и кончая вопросами конопли, льна, свиноводства» [5, т. 12, с. 345 – 346].

Ленин уже видел, что в такой малограмотной стране как Россия без специалистов, образованных людей не обойтись. Он требовал, чтобы спецам, как особой социальной прослойке «впредь до достижения самой высокой ступени развития общества, жилось при социализме лучше, чем при капитализме, в отношении материальном и правовом» [2, т. 44, с. 351]. Это радикально расходилось с обращением, с которым Ленин выступил 26 октября 1917 г., где он заявил, что создается государство рабочих и крестьян «без какого бы то ни было участия буржуазии» [2, т. 35, с. 2].

Наряду с Лениным последовательными защитниками интеллектуальных сил в стране были Председатель Совнаркома СССР после Ленина А.И. Рыков, народный комиссар по военным делам М.В. Фрунзе, Председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский и некоторые другие. Однако в целом преобладало отрицательное отношение к буржуазной интеллигенции. В дальнейшем оно станет однозначно враждебным, что откроет дорогу не только высылке за рубеж ее видных представителей, но и прямому уничтожению в широких масштабах.

Накануне Октябрьского переворота (так Ленин довольно часто называл Октябрьскую революцию) Ленин, исходя из марксистского положения об отмирании государства при коммунизме, предполагал, что с простыми чиновничьими функциями легко справится даже кухарка, «И, - заключил Ленин, - бюрократизм будет преодолен» [2, т. 31, с. 145-146]. Некоторое время после революции он был уверен, что разрыв с эксплуататорским прошлым позволяет бюрократический и буржуазно-угнетательский аппарат уничтожить «до основания» [2, т. 38, с. 169]. Поэтому первые атаки большевиков против бюрократизма отличались быстротой и самоуверенностью, которые, со временем, заметно поубавились.

За три года в Совнаркоме РСФСР Ленин понял, что бюрократизм значительно сильнее, чем предполагалось. Ленин и многие его соратники ошибочно полагали, что бюрократизм не является одной из существенных характеристик государства как института пролетарской власти и управления. Поэтому Ленин чаще говорит о конкретных его проявлениях в виде волокиты, безответственности и т.д.

Он пытается мобилизовать против этих конкретных проявлений и носителей карательные органы: прокуратуру, суды, трибуналы, чрезвычайную комиссию и даже Политбюро РКП(б). Он брался контролировать лично прохождение своих поручений, грозя за неисполнение «посадить виновных» [2, т. 53, с. 55].

Не видя серьезных результатов, 17 января 1922 г. Ленин требует от генерального прокурора РСФСР «организовать борьбу с волокитой деловито, по всем правилам военного искусства» и ежемесячно, к 20-му числу присылать ему сообщения о ходе кампании [2, т. 54, с. 120]. Однако доказать вину конкретных чиновников за вопиющие факты волокиты оказалось невозможным. С отчаянием Ленин пишет о «бездне бюрократизма» в госаппарате. Но хуже того, не только госаппарат, но партийные комитеты – все вокруг «тонет в тине казенного вранья», «дела управления принимают характер мнимый, призрачный», «коммунисты стали советскими бюрократами», что может привести к гибели революции [2, т. 44, с. 369; т. 54, с. 276, 180].

Так и не добившись мало-мальских результатов в организованной им лично борьбе против бюрократизма в госаппарате, незадолго до смерти Ленин фактически признает свое поражение, сделав вывод: новый государственный аппарат создать не удалось, существующий же «является самым типичным старым из нашего старого госаппарата [2, т. 45, с. 383]. Ленин, который обладал несгибаемой волей, организаторским талантом, невероятным политическим чутьем и стратегическим мышлением, который в крупнейших и судьбоносных для России битвах сумел переиграть своих врагов, склонить в свою сторону оппонентов и добиваться успеха – этот Ленин оказался бессильным в реальном проведении социализма, когда на его пути оказались бюрократизм в госучреждениях, привычки и традиции прежней жизни. Ленин все еще не сдается, угрожает, мобилизует, выстраивает целый карательный механизм против волокиты и безответственности. В этом вопросе Ленин не сумел преодолеть в себе стереотип марсистского учения, что в государстве рабочих и крестьян не может быть бюрократизма. Может и, как оказалось, в еще больших и извращенных масштабах.

Другие большевистские руководители увидели в высокоцентрализованном госаппарате значительное сходство с большевистской партией. Надо было только укрепить его своими кадрами, поставить под контроль ЦК партии, и проведение управленческих решений

будет обеспечено. Такое решение принял XI съезд РКП(б), состоявшийся в 1922 г., на котором впервые из-за болезни отсутствовал Ленин. Для реализации новой установки в партии понадобился сильный администратор. Он оказался «под рукой» – Сталин И.В., ставший очередным секретарем ЦК РКП(б), но уже генеральным.

Под руководство Сталина был создан аппарат совершенно уникального типа, превративший массовые репрессии в основное средство «администрирования» и опирающийся на вооруженное насилие партии.

О Ленине написано много, в т.ч. и зарубежными авторами. Однако, к сожалению, Сталину удалось сделать образ Ленина своим фоном. После смерти Ленина Сталин «стал быстро набирать популярность как самый верный и надежный продолжатель дела Ленина» [6, с. 29]. И сегодня защитники Сталина уверяют, что истоки сталинизма находятся в ленинизме.

Не думаю, что все так прямолинейно и однозначно, что я постарался показать в данной статье. Ленин, несомненно, интеллигент высокого уровня, образованный, начитанный, способный управлять своими знаниями и действиями в соответствии с политической обстановкой. Он был творцом развивающейся теории, а не ее каноническим исполнителем. При этом был наделен таким исключительным талантом, как политическая прозорливость. Повторюсь, он был далек от завышенного самомнения, пресекал всякие попытки создания культа своей личности. Хорошо понимал, что людям свойственно ошибаться, дорожить своим мнением. Поэтому дискутировал с ними, азартно, увлеченно, порой, не сдерживая эмоций. В защите своих принципиальных позиций он был настойчив и беспощаден в высказываниях. Но в политической и государственной сферах продолжал сотрудничать с этими людьми, выдвигал их на высокие должности.

«Верный ленинец» Сталин послал «к черту» ленинский НЭП, вопросы ленинизма сконцентрировал на использовании диктатуры пролетариата, сосредоточив ее в своих руках, обеспечил себе абсолютную власть путем разгула массового террора в стране. В этом Сталин велик и грозен. Но в этом Ленин и Сталин и страшно далеки друг от друга, как далека культура от варварства. Узловые моменты деятельности Ленина свидетельствуют, как гибок он был в политике, вплоть до «коренного изменения точки зрения на социализм». И результаты неизменно приносили плодотворный успех пока он был жив.

Использованная литература

1. Яковенко И.Г. Мышление революцией // *Общественные науки и современность*. – 2017 – № 3 – С. 87–96.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М., 1974.
3. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции. – Л., 1956.
4. Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. 3-е изд., доп. – М.: Сов. энцикл., 1987. – 639 с.
5. Сталин И.В. Сочинения. Т. 1–13. – М., 1946-1951
6. Божанов В.А. Восхождение к абсолютной власти: Большевики и советское государство в 20-е годы. – Мн.: Тесей, 2004. – 272 с.

КОММУНИЗМ И ХРИСТИАНСТВО: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УЧЕНИЙ

Грищенко И. А.

г. Гомель, ГГТУ

Все социальные процессы и явления имеют духовное измерение. Духовный смысл в русской революции пытались обнаружить и проанализировать авторы «Вех» и «Из глубины», творческая интеллигенция, как русская, так и западноевропейская, философы и богословы XX века. В процессе этого осмысления неизбежно, для взращенной в христианской культурной традиции интеллигенции, вставал вопрос о том, насколько близки христианские идеалы и идеи, проповедуемые коммунистами.

Неоднократно делались попытки провести параллель между коммунизмом и христианством: равенство перед Богом – социальное равенство; воздаяние за грехи – социальная справедливость; человек как образ и подобие Божие – гуманистические идеалы, вера в человека; Царство Божие – мечта об идеальном безконфликтном обществе. В этом отношении показательна позиция В. Вейтлинга, который взял за образец Ламенне, Сен-Симона, Фурье и в «Гарантии гармонии и свободы» попытался оправдать коммунизм ссылками на Евангелие: «Иисус учит отмене собственности. Иисус учит отмене денег. Иисус учит отмене наказаний. Основа учения Иисуса Христа – общность труда и пользования благами. Иисус ходит по земле с грешницами, и они помогают ему. Иисус отвергает семью.

Иисус проповедует войну. Иисус не имеет никакого уважения к собственности» [17, с. 505-506]. С этим можно было бы согласиться, если проигнорировать, что с точки зрения христианства Иисус Христос – Богочеловек. В. Вейтлинг видит в Иисусе только человека, превращая Его в первого коммуниста, мессию бедных, при этом уже себя самого В. Вейтлинг ощущает новым мессией, которому предназначено осуществить дело, не доведенное Христом до благополучного конца. К. Маркс обрушился с сарказмом на Вейтлинга, а позже на Бауэра и Гесса, по причине оспаривания этой мессианской роли, на которую сам претендовал.

Среди тех, кто пытался соединить христианский идеал с коммунистическим – были и радикально настроенные пасторы. Например, Остеррайхер в проповеди заявил: «Сто лет назад слова «религия – опиум для народа» не были пустой болтовней. Мы, члены Тела Христова, смиренно покаявшись, должны признать, что находимся в глубоком долгу перед каждым коммунистом» [9, с. 4]. Значительная часть левого духовенства в Русской Православной Церкви в начале XX века симпатизировала социалистическим партиям, а некоторые даже в них состояли. Эти настроения хорошо выразил гомельский протоиерей Федор Жудро – историк, общественный деятель, известный правозащитник. Он был искренен в своей проповеди на Покров в 1919 г.: «Вспомним, как Христос относился к неравномерному распределению благ земных. «Горе вам, богатые, горе вам, пресыщенные» Братие, нынешняя власть наша борется всеми силами с неравномерным распределением земных благ, так называемым капиталистическим строем, за коммунизм, за уничтожение собственности и обобщение имений. Не верьте же тем людям, которые говорят, что коммунизм – учение противохристианское» [11, л. 5].

Среди желающих присоединиться к славе Христа были и откровенные циники. С. Нечаев, чтобы снискать симпатии солдат, охранявших его в Алексеевском равелине, много говорил об Иисусе, как пострадавшем за угнетенных и выходило, что Нечаев был не ниже Христа [28, с. 289]. Недруги как коммунизма, так и христианства обвиняли христианство в том, что оно спровоцировало коммунистические идеи, являющиеся радикальным воплощением христианского идеала. Результатом попыток русских революционеров (Бакунин, Белинский, Герцен) христианизировать социальные утопии

стало выхолащивание самой сути христианства, поскольку без Бога это не более чем утилитарная доктрина. Революционный пафос немедленного воплощения царства справедливости привел не просто к отрицанию христианского идеала, а к утверждению откровенного демонизма. Показательно, что один из студенческих кружков в России второй половины XIX в. назывался «Ад» [28, с. 106].

Социальные утопии вызревали в недрах эпохи Просвещения и XIX в., хотя элементы этих идей можно обнаружить в ересьх средневековья, учениях эпохи Реформации. Успехи естествознания дали повод европейцу интерпретировать мироздание в понятиях механики. Открытия в области биологии позволили идею прогресса преподнести как цепь непрерывного развития, а саму природу как саморазвивающийся организм. Если между законами природы и общества существует некая взаимосвязь, появляется соблазн построить идеальное общество, опираясь только на силы человека, его знание социальных законов развития. Такая попытка была предпринята в рамках социалистического и коммунистического учений. Учения эти не были стройны и однородны, но среди них не было более влиятельного, чем марксизм, в силу того, что он претендовал на научность.

К. Маркс не был оригинален в своей социальной доктрине. Он причудливо сочетал материализм, диалектику, учение о прогрессе и эволюции, а мысль о том, что законы природы могут быть тождественны законам развития общества витала в воздухе давно (Гельвеций, Кондорсе, Вольтер, Гоббс, Гумбольдт). Перспектива вывести социальные законы из области стихийной в область прогнозируемую виделась весьма заманчивой. Духовная компонента в человеке и социуме представлялась производной экономических процессов. Если человек – продукт длительной эволюции материи, которая вечна и способна к саморазвитию, то человек намертво привязывается к экономическому базису, становясь рабом потребления. Если действия человека, его поведение, сознание зависят от социальной среды, экономики, то, в таком случае, снимается всякая нравственная ответственность с человека. Марксизм обходит стороной тот факт, что человек свое право называться личностью отстаивает порой в самых неблагоприятных социально-экономических и политических условиях. Совесть классово не детерминирована.

Марксизм настаивает, что духовный, культурный уровень развития соответствует уровню развития социально-экономических и политических отношений. История говорит об обратном: образ преп. Сергия Радонежского воссиял на Руси в мрачный период ее истории; «золотой век» русской культуры приходится на XIX в., который был весьма противоречив в плане социально-экономическом и политическом. Напротив, упадок духовности нередко наблюдается в условиях материального благополучия, которое порождает душевную сытость. Исторические, социальные прогнозы марксизма противоречат теореме Эшби, отца кибернетики: промоделировать какую-либо сложную саморазвивающуюся систему может только другая система, которая должна быть на порядок сложнее первой. А поскольку таковой в рамках человечества быть не может, то ясно, что создать теорию социального развития, с предписанием как должно развиваться общество, невозможно [37, с. 14].

По сути, социализм и коммунизм изначально были разными доктринами. Благодаря В.И. Ленину эти понятия слились воедино: социализм – ранний этап развития коммунистической формации. В XIX в. между социализмом и коммунизмом видели отличия. Л. Штейн, который по заданию прусского правительства в 1840 г. изучал в Париже социалистические и коммунистические теории, указывал, что они глубоко различаются между собой по способу, которым они намеривались преобразить общество. Коммунизм, выражавший чаяния и требования революционного пролетариата, имеет чисто негативный характер и ставит перед собой цель разрушить буржуазное общество. Социализм позитивен, он зовет не к разрушению, а к преобразованию буржуазного общества через разумную организацию труда [17, с. 492].

Первоначально К. Маркс не был сторонником коммунистических идей. В «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» он отмечал преимущества социалистических идей по сравнению с уравнилельными доктринами Бабефа, Прудона, Дезами. Социализм Ш. Фурье, А. Сен-Симона, которым восхищался отец К. Маркса, стремился через развитие демократии добиться гармонии личных интересов и общественных. Кроме того, социалисты-утописты были христианами и считали своим долгом отделить в сознании современников свободу от революции, оставив революции все ее безумства. Набожный Фурье говорил языком Евангелия, полагая, что че-

ловеку совесть не позволит дать камень сыну, когда тот попросит о хлебе, он верил в порядочность человека как создания Божьего [37, с. 163].

В середине 1840-х годов К. Маркс пережил идейное брожение и окончательно порвал с социалистическими идеалами демократии, делая ставку на коммунистическую революцию. В 1848 г. в «Манифесте Коммунистической партии» озвучена главная «истина» коммунизма: насилие – повивальная бабка истории. Коммунизм определяется не как «состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна соотноситься действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [19, с. 389]. Так что ни о каком «царствии небесном на земле» нет и речи. Все сводилось к разрушению ради самого разрушения. К. Маркс писал вполне определенно: «Коммунизм есть позиция отрицание отрицания. Коммунизм есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития» [36, с. 127]. Эти положения так расходятся с поздним Марксом и уж тем более его последователями, что есть все основания подозревать отсутствие не только какой бы то ни было научности, но и стройной теории.

Нагорная проповедь Христа не претендует на «научность», было бы нелепо сводить духовные проблемы к естествознанию. Но в отличие от философов разного толка и ранга учению Иисуса Христа присущи стройность, простота и глубина.

С точки зрения марксизма экономические, социальные кризисы приводят к смене формаций, являясь залогом социального и духовного прогресса. Европейская социология XX в. убедительно доказала, что кризисы первоначально вызревают в сознании, «в головах», в сфере духовной и потом находят выражение в практической деятельности человека (М. Вебер, П. Сорокин).

Духовные коллизии теоретиков социализма и коммунизма имели широкий спектр. Одних идейные брожения приводили даже не к атеизму, а к богоборчеству, других – к социальным мистификациям. Некоторые от экзальтированной религиозности перешли к атеизму (М. Бакунин, В. Белинский, А. Герцен). Социальные утопии, в том виде, в котором они сформировались в XIX-XX вв., своим появлением обязаны были не христианству, а духовному наследию Про-

свещения, причудливо смешавшему романтические грезы, евангельские идеалы, морализаторство с оккультизмом и мистицизмом. К. Маркс и Ф. Энгельс зачитывались Шлейермахером, Штраусом, Гейне, Гегелем, Фейербахом, Бауэром, Гессом. Левые гегельянцы усвоили важную для себя мысль: Христос составляет лишь одну сторону откровения, откуда следует, что нельзя приписывать христианской религии вечного и абсолютного значения [17, с. 220].

В России, переболев Шеллингом, Кантом, Фихте, Гегелем, «русские мальчики» продолжали восторженно относиться к евангельскому идеалу, но чаще думали о рациональном его воплощении. А. Герцен писал: «Возьмем чистое основание христианства – как оно изящно и высоко, но посмотрим на последователей его – мистицизм темный и мрачный» [13, с. 325]. В. Белинский не скрывал своего восторга: «Есть книга, в которой сказано все, все решено, книга бессмертная, святая, книга вечной истины, вечной жизни – Евангелие» [13, с. 306]. М. Бакунин, далекий от церковности, весь в религиозной романтике: «Мы накануне всемирного исторического переворота... Он будет носить не политический, а принципиально религиозный характер. Речь идет о новой религии, о религии демократии» Из богоборчества и богоискательства революционеров, как в Западной Европе, так и в России, логически вытекало обожествление самого человека, задача которого *своими силами* поднять землю до небес. Правда, К. Маркс предлагал иной вектор движения – спустить небеса на землю. Но суть не меняется: бог революционера живет в человеке и он «возвышается с возвышением человека» [13, с. 228]. Только что это за бог, которому надо еще возвышаться?

Показательно то, что многие революционеры прошли через метафизический бунт. Таким образом, проблема социальной революции действительно в корне не социальная и не политическая проблема, а религиозная. К. Маркс начинал свою революционную деятельность со штурма Неба и штурм этот был вполне осознанный. Отца-либерала духовные метания сына очень волновали, и он начал сомневаться в его душевных качествах, спрашивая себя с беспокойством, не одержим ли он злым демоном. Генрих Маркс писал сыну: «Соответствует ли твое сердце твоему уму, твоим дарованиям?.. Так как в этом сердце явно царит демон, ниспосылаемый не всем людям, то какого он происхождения: небесного или же он подобен демону Фауста? ...В состоянии ли ты дать счастье своим близким?»

[34, с. 621]. Свое первое впечатление от К. Маркса Ф. Энгельс изложил в шуточной поэме, только восторги – не шуточные:

Кто мчится вслед как ураган степной?
То Трира черный сын с неистовой душой.
Он не идет, - бежит, нет, катится лавиной,
Отвагой дерзостной сверкает взор орлиный,
А руки он простер взволнованно вперед,
Как бы желая вниз обрушить неба свод.
Сжимая кулаки, силач неутомимый
Все время мечется, как бесом одержимый! [35, с. 304]

Разочаровавшись в христианском идеале, К. Маркс не лишился мистического ощущения мира. В студенческие годы он писал:

Гордо самому себе отшщу я,
Существу, что правит выше... [34, с. 473]
Не умрет оно (его собственное величие) в паренье,
Трон оно воздвигнет для хулы.
Станет торжеством паденье,
И позор достоин похвалы.
Словно бог, по мирозданию
Средь развалин шествовал бы я,
Слово каждое – деянье,
Я творец земного бытия! [34, с. 496]

Даже если эти строки, написанные Марксом-студентом, списать на молодость, то настораживает, что уже зрелый К. Маркс любил цитировать слова Мефистофеля из «Фауста»: «Все сущее достойно смерти». Когда при личной встрече русский социалист А.М. Воден напомнил о ранних стихотворениях К. Маркса Ф. Энгельс крайне смутился и быстро перевел разговор на другую тему [8, с. 88]. К. Маркс был сыном своей эпохи. В XIX в. демонизм вошел в моду благодаря романтизму. Романтизм – не просто мода, но болезненная тенденция в духовно разлагавшемся обществе. Борьба сатаны со смертью в «Потерянном рае» - любимый сюжет романтиков XIX в. Романтический герой совершает глубинное религиозное смешение добра и зла. Люцифер приобретает черты печального, очаровательного юноши (Виньи). «Красотой блистая неземной» (Лермонтов), мильтоновский сатана нравственно становится выше Бога. Имя дьявола пишется с большой буквы [15, с. 154-155]. Чтобы убить Бога, человеку нужно самому стать богом. Через этот иску прошли

практически все теоретики социализма и коммунизма. Но если романтики-бунтари от литературы (Байрон, Шелли, Гейне, Шиллер) были одиночками, индивидуалистами, то идейные лидеры коммунизма свою жажду разрушения попытались сделать нормой жизни социума. Хула на Бога стала нормой для коммунистов, при этом тон этой хулы выдает людей, которые в существовании Бога как будто не сомневались. Зять К. Маркса, Э. Эвелинг, с одобрения тестя выступал с лекциями на тему «Низость Бога» [9, с. 28]. П.-Ж. Прудон в «Философии нищеты» взывает к сатане, чье имя пишет с большой буквы. Маркс, критикуя Прудона в «Нищете философии», оккультных сторон не касается, только социально-экономических. М. Бакунин сатанинский бунт называл благородным, а грехопадение Адама и Евы – первым актом человеческой свободы [4, с. 89].

В.И. Ленин считал, что «всякий боженька есть труположество» и «всякое кокетничанье с боженькой есть невыразимейшая мерзость» [24, с. 226-227]. В своем неприятии религии глава большевиков был последователен и критиковал любые попытки проводить параллель между христианством и коммунизмом и, тем более, желание соединить два идеала. В ноябре 1913 г. В.И. Ленин писал М. Горькому: «Христианские социалисты – худший вид «социализма». Бог есть, прежде всего, комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека, усыпляющей классовую борьбу» [24, с. 231-232]. А. Луначарский в статье «Социализм и революция» отмечал, что К. Маркс пресекал малейший контакт с Богом и ставил сатану во главе марширующих колонн пролетариата. В.И. Ленина, как убежденного атеиста и материалиста, подобная демонизация марксизма крайне раздражала. Он был нетерпим к любым проявлениям идеализма, и, не скупясь на выражения, всех убежденных марксистов призывал «бога и защищающую его философскую сволочь» «отсылать в помойную яму» [22, с. 153]. К научной полемике подобная манера отстаивания своих идей имеет отдаленное отношение.

Насколько последовательны были идеологи коммунизма в материализме и атеизме? Известно, что Маркс критиковал Фейербаха за его желание идею поставить в зависимость от действительности. К. Маркс высоко ставил идею, она подчиняет себе убеждения человека и приковывает его совесть. Из этих уз, считал он, нельзя вырваться, «не разорвав своего сердца» [30, с. 118]. Всю свою деятельность К. Маркс подчинил именно идее, что совершенно идет в

разрез с материалистическим миропониманием. Если с точки зрения марксизма бытие определяет сознание, то резонен вопрос отца К. Маркса, который негодовал по поводу духовных метаний сына: «Эта разочарованность мне отвратительна, и я меньше всего ее ожидаю от тебя. Да и какие у тебя к тому основания? Разве природа не наделила тебя щедро своими дарами?.. И не завоевал ли ты непонятным образом сердце такой девушки, что тебе завидуют тысячи?» [34, с. 635]. Влияние вполне respectable бытия на сознание многих идеологов коммунизма было таковым, что нарушало все законы марксизма.

Антропологический вывод революционеров о самодостаточности человека, его абсолютной духовной автономности в корне расходится с христианской антропологией. Человек по христианскому учению создан по образу и подобию Божьему. «Это все равно, что сказать, что человек сотворен по природе причастником всякого блага. В нас есть идея всяческой красоты, всякой добродетели и премудрости» [29, с. 109]. Если Бог – источник жизни, то удаление от Него – смерть. Если Бог – Истина, то удаление – ложь. Коммунисты, чтобы обосновать самодостаточность человека, несут откровенную хулу на Бога: «Если Бог – все, то реальный мир и человек – ничто. Если бог – истина, справедливость и жизнь, то человек – ложь, несправедливость и смерть. Если Бог – господин, то человек – раб. Человек разумен, справедлив, свободен, - значит, Бога нет» [4, с. 43-44]. Это напоминает трюизм Ангелиуса Силезиуса: «Если бы не было Бога, то не было бы меня, если бы не было бы меня, не было бы Бога» [39, с. 81]. Христианская антропология видит величие человека в приобщении к духовному бытию. Человек связан со всем миром, тварь с надеждой ожидает будущей славы (Рим. 8, 19-22). По словам преп. Максима Исповедника человек находится в средоточии бытия, он способен соединить в себе мир сверхчувственный и чувственный. Сам акт творения «из ничего» - гимн свободе, а вовсе не порабощение Богом мира [27, с. 84]. Ум же материалиста делает то, что давно описал свт. Григорий Нисский: «Вместо того, чтобы отражать Бога, как перевернутое зеркало (он) принимает в себя образ бесформенной материи, и страсти потрясают первоначальное строение человеческого существа» [27, с. 101]. Научность, на которую претендуют коммунисты, - ширма, которой они стараются прикрыть Истину. Для материалиста сами научные зна-

ния становятся богом, но «как глазу, чтобы увидеть себя, нужно зеркало, так и уму для познания самого себя необходимо обратиться к Богу» [45, с. 37].

С позиций материализма трудно обосновать такой феномен, как свобода. У материалистов нет основания поднимать человека над природой, - его бы надо было бы вписать в природу, как это делали язычники. К. Маркс говорил о человеке, как общественном животном [33, с. 338]. Для Ф. Энгельса суть различия между человеком и животным только в «большей или меньшей степени животности или человечности» [32, с. 102]. Природа человечности у марксистов не объясняется. Если ее выводить из животности, то не понятно сущностное их различие. М. Бакунин довел эволюционизм до логического конца, когда заявил, что «через несколько сот веков из высшей разновидности человека (демократы от революции знают и низшую разновидность человека) может произойти вид существ, превосходящих человека, и которые будут относиться к нему так же, как он сам сейчас относится к горилле» [4, с. 60]. Если человек продолжает эволюционировать, и процесс этот бесконечен, то это дурная бесконечность, да и как существо не до конца развитое может надеяться выразить истину о самом себе? Ивана Карамазова удивляло как «такая мысль – мысль о необходимости Бога – могла залезть в голову такому дикому и злему животному, каков человек, до того она свята, до того трогательна, до того премудра...» И тем более странно звучит из уст атеиста К. Маркса лирическая сентенция: «Пусть жизнь и умирает, но смерть не должна жить» [30, с. 64].

Коммунисты, пытаясь объяснить, откуда же в человеке, вышедшем из животного мира, такие возвышенные идеи, просто констатируют: «Чтобы одалживать идеи Богу, человек должен был их иметь! Где он нашел их? Конечно в самом себе. Но все, что он имеет, исходит от его животности: его дух не что иное, как толкование его животной природы... Идеи справедливости, добра... должны иметь корни в самой животности человека» [4, 84]. В. Соловьев по этому поводу иронизировал: «Человек произошел от обезьяны, следовательно, мы должны любить друг друга». К. Маркс не любил сводить человека к биологии, ему больше импонировал социальный фактор. Частичный идеализм Фейербаха Маркса вполне устраивал: «Любовь бога к человеку... есть любовь человека к самому себе». Тогда «то, что вчера было религией, се-

годня перестает быть ею; то, что сегодня кажется атеизмом, завтра станет религией» [19, с. 172-173]. К. Маркс не устраняет теологию вообще, но создает новую, - антихристианскую и безбожную. Поэтому уничтожение христианства коммунисты рассматривали как первейшую задачу. К. Маркса раздражало щеголянье вывеской атеизма, он предпочитал вовсе забыть об атеизме, как вере, что Бога нет, он пытался веру в отсутствие Бога перевести в область знания [38, с. 67]. На той же позиции стоял В.И. Ленин, для которого борьба с религией не была главной задачей, поскольку утверждение атеистических воззрений он увязывал с утверждением социализма [21, с. 146]. Впрочем, атеизм всегда сохранял элементы веры, только веры наизнанку, принимая «воинствующие, догматические, наукообразные формы» [6, с. 50].

Наибольшей заповедью «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всем разумением твоим» Иисус Христос обосновывает вторую равнозначную ей – «возлюби ближнего твоего как самого себя». (Мф. 22, 37-39) Гуманистический пафос коммунизма безоснователен, так как абстрактен. Ради любви ко всему человечеству можно уничтожить миллионы ближних, потому что трудно простить человеку его несовершенство, если игнорировать в нем образ и подобие Божие и болезнь грехом, которая требует врачевания. Христос говорит о любви к человеку и ненависти к врагу Бога и человека - к дьяволу и греху. Коммунисты же говорят об абстрактной любви к человечеству, призывая к реальному насилию по отношению к ближнему. Французская революция продемонстрировала, как с Людовиком XVI, казненным ради торжества добродетели, были убиты все прежние нравственные принципы. «От гуманитарных идиллий XVIII в. к кровавым эшафотам пролегает прямой путь, и, как всем известно, сегодняшние палачи – это гуманисты» [15, с. 18].

Размах революционного насилия в 1917-1920 гг. в России привел в ужас М. Горького. В.И. Ленина и его соратников М. Горький обвинял в утилитаризме: для них «рабочий класс то же, что для металлиста руда» [10, с. 151]. Писатель недоумевал, почему революционер – этот «взбунтовавшийся на время раб карающего, мстительного бога» – не чувствует «красоты бога милосердия и прощения». В эти «кошмарные дни совесть издохла», - жалуется писатель [10, с. 112, 158]. А. Луначарский, которого тоже испугал

размах ненависти в годы гражданской войны, советовал «убивать белогвардейца как волка, при этом нет необходимости его ненавидеть». «Некоторым кажется, – продолжал он, – чрезвычайно хорошей бравадой рассказывать о бесценности человеческой жизни, о том, как легко расстреливать осужденных; они думают, что это и значит быть молодцом коммунистом. Это очень худо. Это не марксистский подход, а солдафонский» [1, с. 114]. Понятия тут перевернуты: «бесценность человеческой жизни» не в смысле святости и бесконечно высокой ее цены, а в отсутствии какой бы то ни было ценности жизни. Загадка, как убивать человека, не испытывая к нему ненависти, это либо животные отношения, либо нравственная неадекватность. Всякое «праведное воркование» о святости человеческой жизни у В.И. Ленина вызывало только презрение [1, с. 86]. Гуманист В.И. Ленин ненависть считал «самым благородным, самым великим чувством лучших людей из угнетенной и эксплуатируемой массы» [23, с. 89]. Если даже допустить, что насилие – временная мера, то трудно представить как молодежь, чьи сердца «немножко обросли шерстью», будут способны прислушиваться, по словам А Луначарского, «к чудесным и благородным мелодиям, родственным тому будущему, к которому мы стремимся». Из диктатуры пролетариата логически вырисовывалось такое будущее, что в 1930 г. А. Луначарский заявил: «В наше время опаснее перепростить, чем недопростить» [1, с. 115]. По этому принципу будет формироваться ГУЛАГ.

Защитники «чистого марксизма» недоумевают: «Если Маркс ответственен за репрессии Сталина, то почему вы не считаете Иисуса Христа ответственным за мракобесие, которое именем Христа творила инквизиция» [37, с. 27]. В Евангелии мы не найдем призыва к насилию, а инквизиция – проявление духовной слабости человека. Часто критики христианства ссылаются на строки Евангелия от Матфея: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10, 34). Но меч этот направлен против дьявола, который, через пристрастие человека к временным земным ценностям, уводит его от Бога. Христос призывает не противиться злему (Мф. 5, 39). Марксизм насилие объявляет повивальной бабкой истории. Христос призывает любить врагов и благословлять проклинающих (Мф 5, 44). Коммунисты, революционеры не только к идейным врагам, к своим друзьям не всегда были

благосклонны. История | Интернационала – история грязных склок и борьбы за лидерство. Христос предупреждает: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 35). Маркс же был полон презрения к своим товарищам, если хоть в чем-то они с ним расходились: Фрейлиграт – «свинья», Лассаль – «еврейский негр», Либкнехт – «вол», Бакунин – «теоретический нуль». Любимое изречение Маркса – цитата из Г. Верта: «Нет ничего прекрасней на свете, чем кусать своих друзей» [9, с. 58]. Такой же идейной непримиримостью отличался В.И. Ленин. Старая ленинская гвардия, в конечном итоге, «съела» саму себя в расприх, «ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф. 7, 2).

Коммунисты часто апеллируют к понятию «справедливость», собственно ради нее они и ведут борьбу. Под справедливостью понимается возможность отомстить за свои обиды и равенство, которое почему-то автоматически должно вселить в сердца людей любовь друг к другу, устранить зависть. М. Бакунин писал: «Социализм – это справедливость основывающаяся единственно на сознании людей, на справедливости, которую вы найдете у каждого человека (?) и даже в сознании детей (?) и суть которой передается одним словом: равенство» [4, с. 39]. Христос собственно о справедливости даже предлагает забыть, что и отличает Ветхий Завет от Нового. Революционеры – даже не ветхозаветники, там «око за око», революционеры предлагают измерить все обиды, собрать все «слезинки ребенка» и отомстить сторицей, уничтожив старый мир «до основания», невинные жертвы под развалинами их не беспокоят. М. А. Алданов в романе «Истоки» иронизировал по этому поводу: Марксистское учение «должно было десятилетиями насаждать и накапливать, проповедовать ненависть в мире – с тем, чтобы эта ненависть (хотя бы и вполне справедливая) затем внезапно исчезла из душ людей после торжества социальной революции» [2, с. 391].

Новозаветный закон не мог быть результатом работы «коллективного разума» просто потому, что призыв Иисуса Христа отказаться от мести, возлюбить врагов выпадает из логики павшего человека. Первый порыв Алеши Карамазова - расстрелять помещика-самодура, затравившего собаками ребенка. В Новом Завете Господь ставит перед человеком задачу, от выполнения которой и будет зависеть счастье человека: очистить не только дела, но и помыслы

(Мф. 5, 22; 5, 28). Христианство зло объясняет греховностью человеческой природы, а источник греха – гордыня и зависть дьявола. Коммунисты причину неразумных отношений между людьми видят во внешних общественных условиях, которые необходимо изменить, после чего человек автоматически станет лучше. Духовная проблема коммунистами ставится в зависимость от социально-экономических и политических условий, они должны завершить социализацию личности, при которой эгоизм человека будет полностью подчинен общественным интересам.

Обращаясь к образу гетевского Гуммануса, К. Маркс пытался изобразить человеческий мир, «который сам создает свои различия и неравенство, которое есть не что иное, как разноцветное преломление равенства». Опираясь на гетевские «Тайны» К. Маркс мыслил идеальное сплочение людей вокруг некоего святого человека. Сплочение это определяется неким внутренним сходством. После продолжительной жизни с Гумманусом в каждом человеке воплотится его дух, и все люди начнут представлять единое целое, не нуждаясь больше в Гумманусе. Очевидно, сам Маркс видел себя в роли такого Гуммануса, впрочем, если люди равны, то по каким критериям определить, кто выполнит роль этого святого человека? Впоследствии был создан миф о мессианской роли пролетариата.

Социальный детерминизм коммунизма противоречив по нескольким пунктам. 1. Сам Маркс был не высокого мнения о культурном уровне пролетариата и, тем не менее, видел в нем движущую силу нового общества. В 1843 г., в ту пору, когда Маркс еще был демократом, он пролетариат определял как «результат разложения общества». Рабочий «обречен на скотское одичание, полнейшее, грубое, абстрактное упрощение потребностей... Гниющая природа становится его жизненным элементом...» [37, с. 117-119]. И эта духовно опустошенная, одичавшая социальная группа должна возглавить универсальную эманацию? 2. Личные качества должны быть опосредованы социальной принадлежностью. Но это сужает восприятие и оценку личности человека. Сами коммунисты, их окружение не всегда отличались демократизмом. Женни Маркс «не смогла перебороть привитые ей нравственные понятия» и признать гражданский брак Ф. Энгельса с Мери Бернс – работницей прядильной фабрики, несмотря на то, что девушка была человеком «порядочным, обладающим классовым сознанием». Своего друга

Ф. Энгельса Женни обидела тем, что даже не выразила соболезнования, по случаю смерти Мери [12, с. 82]. 3. Сами лидеры так называемого рабочего движения никогда у станка не стояли, о рабочих имели скорее литературное представление. Многие жили на иждивении партии, друзей, за счет богатого наследства. На вопрос одного любознательного господина, кто будет чистить сапоги в государстве будущего Маркс с досадой и нехотя ответил: «Это будете делать Вы!» Но далеко не все чувствуют в себе призвание к чистке сапог. Одна знакомая Маркса никак не могла представить его во время всеобщей нивелировки, т.к. у него исключительно аристократические склонности и привычки. «Я тоже не могу, – ответил Маркс. – Эти времена придут, но нас уже не будет» [18, с. 164].

Доведенный в большевистской России до логического конца социальный детерминизм породил инструкцию ВЧК: «Во время расследования не ищите свидетельств. Первый вопрос, который вы должны задать: к какому классу он относится, каково его происхождение, каково его образование или профессия. Ответы на эти вопросы определяют судьбу обвиняемого. В этом состоит смысл и значение красного террора» [28, с. 356]. Коммунисты знали, что революцию чистыми руками не делают. Н. Бухарин считал необходимым использовать в деле революции человеческую низость и разбойную натуру. Опытный в революционных делах Л. Троцкий писал в 1930 г.: «Революция – суровая школа. Она не жалеет позвончиков, ни физических, ни моральных» [43, с. 336]. Беспринципность в выборе средств – отличительная черта многих революционеров. Зять Маркса П. Лафарг вспоминал, что часто слышал от него цитату из Гегеля: «Даже преступная мысль злодея величественнее и возвышеннее всех чудес неба» [20, с. 9]. Только привычкой порядочного человека можно объяснить наивность А. Герцена: брезгливо относившись к Нечаеву, он тем не менее апостолов ставил по нравственной чистоте на один уровень с гугенотами, якобинцами (!), солдатами Кромвеля. А. Герцен пытался убеждать русских революционеров-террористов: «...Великие перевороты не делаются разнуздыванием дурных страстей» [28, с. 127]. Практики революции считали иначе: Ленин не брезговал услугами фальшивомонетчиков и боевиков, браками по расчету своих рядовых членов партии. В. Войтинский вспоминал, как на одного московского большевика сетовали, что он прожженный

негодяй, на что Владимир Ильич ответил со смехом: «Тем-то он и хорош, что ни перед чем не остановится. Это человек незаменимый» [3, с. 207]. Н. Бухарин способность со спокойной совестью шагать через трупы связывал с марксистским сознанием [7, с. 106]. Ленин, по воспоминаниям Троцкого, презрительно относился к пацифистам [42, с. 215]. При такой неразборчивости в средствах Бог – большая помеха.

Одним из важнейших условий достижения социального равенства коммунисты считали ликвидацию частной собственности. Любители проводить параллели с Евангелием ссылаются на то, что сам Христос клеймил богатство: «Горе вам, богатые! Ибо вы уже получили свое утешение» (Лк. 6, 24); «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19, 24). Юноше, который хочет идти за Ним, Он предлагает продать имение и раздать нищим. Но это не призыв к экономическим реформам. Христос дает понять, что духовные проблемы не решаются сменой исторических декораций, политическими и социальными реформами. Христос не призывает отменить частную собственность, Он взывает не к социальной группе, а к каждому человеку – не привязывайтесь к материальным ценностям, не делайте из них культа, этим страдают все, и бедные и богатые. Это вопрос об иерархии ценностей, а не об отказе от хлеба, раз не хлебом единым жив будет человек. Хлеб не должен затмевать Слово Божие. Христос отказывается привлекать к себе хлебами, хотя и снисходит к слабости человека, но Он ожидает ответной Любви человека, которая по определению бескорыстна. Коммунисты, напротив, слишком озабочены распределением благ, они многопопечительны (Лк. 10, 41), но главная забота коммунистов – материальные блага. Революционеры при этом игнорировали земную реальность, подмеченную О.Уайльдом: «Есть только один класс людей, которые еще более своекорыстны, чем богатые, и это - бедные» [44, с. 176]. Европейские революции XIX-XX вв. открыли сторонникам социальных переворотов, что «пролетарии оказались людьми, ничем не отличающимися от «буржуев»» [14, с. 172]. Христианство же абсолютно чуждо социальной ангажированности, и если речь идет о равенстве, то перед Богом, которое, в отличие от коммунистического, не нивелирует личность.

Зачем нужно было коммунистам объявлять войну христианству? Диктатуре пролетариата необходимо было заменить совесть клас-

совой и партийной сознательностью, без этого были бы невозможны «экспроприации экспроприаторов», массовые расстрелы заложников, уголовная ответственность для двенадцатилетних детей, ГУЛАГ. Внимательное чтение Евангелия не позволяет нам вынести из него коммунистические идеи. Даже беглое прочтение классиков марксизма-ленинизма не выводит нас на Евангельские истины.

Коммунизм любой разновидности – марксистский, ленинский, кубинский, чилийский, маоистский, «красных кхмеров» или «красных бригад» - в передовых и не очень сообществах подтверждает то, что исконный коммунизм и есть чистой воды волонтаризм, «закамуфлированный, как пушки на маневрах, маскировочными «научными» покровами» [1, с. 25]. С христианством он расходится в главном – во взгляде на человека. Антропологическая проблема в христианстве разрешается в пользу личности, поскольку в каждой видит образ и подобие Божие, только образ этот замутнен грехом. Христианство – учение об излечении человека, его обожении. Коммунизм, убаюкивая совесть человека, укореняет в нем помысел самонадеянности. «Враг как бы говорит: «Не ходи туда - к свету, где хотят тебе дать какие-то новые силы! Ты у меня и так хорош!»» [41, с. 20]. Кроме того, коммунизм внушает мысль, что человек сам, без помощи Божией, может организовать свою жизнь. Но суть грехопадения Адама в гордыне: оторвавшись от Бога, от которого прежде получал полноту, человек стремится заполнить образовавшуюся пустоту. «Поставляя себя исключительной целью, человек никогда не бывает в себе, а все – вне себя, в вещах сотворенных суетою. От Бога, который есть полнота всего отпал; сам пуст; осталось как бы разлиться по бесконечно разнообразным вещам и жить в них» [41, с. 98-99]. Поэтому коммунизм так озабочен внешним переустройством мира, а между тем «из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления» (Мф. 15, 19). Человек, отстаивая свою духовную автономность, начинает жить на периферии своей души: «дух вместо того, чтобы давать пищу душе, начинает жить за счет души; душа, в свою очередь, начинает жить жизнью тела; и наконец, тело, вынужденное искать себе пищу вовне, в бездушной материи, находит в итоге смерть» [27, с. 98]. Как выразился преп. Максим Исповедник: «Зло – неведение своей Причины» [40, с. 84]. Впрочем, идейные лидеры коммунизма нередко игнорировали и ведение.

Коммунизм бравирует любовью к человечеству. Если вдуматься, то действительно дьявол – гуманист, если под гуманизмом понимать абстрактную любовь ко всему человечеству, из которой рождается ненависть к людям. «Страсть к устройению земного рая становится страстью к разрушению» [44, с. 169]. Видя солидарность людей в страданиях, коммунист страстно желает избавить людей от страданий, они невыносимы, так как для их перенесения вне Бога нет сил. Проблему разрешает уничтожение как виновников страданий, так и их жертв. Христианские подвижники и в страданиях пребывали в духовной радости, т.к. «христианство – не философская школа, но прежде всего общение с живым Богом» [27, с. 35]. Лидеры коммунистического рабочего движения нередко заканчивали свою жизнь в состоянии отчаяния. Маркс Энгельсу незадолго до смерти писал: «Как бесцельна и пуста жизнь, но и как желанна» [9, с. 31]. Две дочери К. Маркса покончили с собой: Лаура увлекла за собой и мужа – П. Лафарга; Элеонора с ранней юности бредила самоубийством [16, с. 227]. Может, потому, что в пятилетнем возрасте, когда у нее появились религиозные сомнения, ее отец развеял их раз и навсегда. Только вот коммунистическая идея не вселяла надежду. «Итак, по плодам их узнаете их» (Мф. 7, 20).

Параллели между христианскими подвижниками и революционерами, готовыми послужить народу, особенно усердно проводила русская революционно настроенная интеллигенция. По замечанию С. Булгакова, «различие между христианством и интеллигентским героизмом склонны скорее преуменьшать, нежели преувеличивать. Этому содействовало интеллигентское непонимание всей действительной пропасти между атеизмом и христианством, благодаря чему не раз «исправляли» с обычной самоуверенностью образ Христа, освобождая его от «церковных искажений», изображая Его социал-демократом или социал-революционером. Тогда достаточно имя Маркса заменить именем Христа, а «Капитал» Евангелием или, еще лучше, Апокалипсисом (по удобству его цитирования)», чтобы родилось новое религиозное сознание [6, с. 72-73]. Но это уже будет подделка под христианство, в своей реализации чреватая гуманитарной катастрофой. И если дьявол – обезьяна Бога, то и коммунизм – обезьяна христианства. Между мучениками первохристианства и революционерами нет никакого внутреннего сходства. Революционер самоуверен в своей правоте. Христос при-

зывает к покаянию и перерождению души: «Покайтесь ибо приблизилось Царствие Небесное». (Мф. 3,1; 4, 17; Мк. 1, 14-15) В «Катехизисе революционера» Нечаева говорится о полной самоотдаче революционера ради идеи, но не Истины. Коммунизм Истину Евангельскую пытается подменить знанием псевдонаучным, но свет этого «знания» больше напоминает солнце Сахары [40, с. 89]. Внешняя ученость ничего общего не имеет с той Евангельской Истиной, которая делает человека свободным (Ин. 8, 32). Материализм видит в человеке микрокосмос, но вместо величия наделяет его «качествами мошек и мышек». «Совершенство же человека заключается в том, что его отличает от космоса» [27, с. 87]. Коммунизм, привязывая человека к миру материи, ставит его в зависимость от экономики, политики, потребления, лишая его личностной уникальности, но какая же польза человеку, «если он приобретет весь мир, а душе своей повредит»? (Мф. 16, 26) Впрочем, приобрел ли человек хотя бы мир, благодаря коммунизму? Воистину, «кто не собирает со Мною, тот расточает» (Лк. 11, 23).

Использованная литература

1. Айхенвальд, Ю. Дон Кихот на русской почве / Ю. Айхенвальд. – М.-Мн.: Изд-во «Гендальф», ООО «МЕТ», 1996. – 432с.
2. Алданов, М.А. Истоки // Собрание сочинений в 6 т./ М.А. Алданов. – М.: Издательство «Правда», 1991. – Т. 5. – 558 с.
3. Алданов, М.А. Сталин // Алданов М.А. Большая Лубянка / М.А. Алданов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 414 с.
4. Бакунин, М.А. Федерализм, социализм и антитеологизм // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. / М.А. Бакунин. – М.: Правда, 1989. – 622с.
5. Бердяев, Н.А. Философская истина и интеллигентская правда / Н.А. Бердяев // Вехи: Интеллигенция в России. – Сб. ст. 1909-1910. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 462 с.
6. Булгаков, С.Н. Героизм и подвижничество / С.Н. Булгаков // Вехи. – Указ. изд.
7. Бухарин, Н.А. Судьбы русской интеллигенции // Бухарин Н.А. Путь к социализму / Н.А. Бухарин. – Новосибирск: Наука, 1990. – 494 с.
8. Воден, А.М. Из воспоминаний / А.М. Воден // Воспоминания о К.Марксе и Ф.Энгельсе. – Ч. 2. – М.: Политиздат, 1988. - 398 с.

9. Вурмбранд, Р. Другое лицо Маркса / Р. Вурмбранд. – М.: Феникс, 1991. – 64с.
10. Горький, М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре / М. Горький. – М.: Советский писатель, 1990. – 400 с.
11. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 100. – Оп. 1. – Д. 598.
12. Дорнеман, Л. Женни Маркс / Л. Дорнеман. – М.: Политиздат, 1988. – 366 с.
13. Зеньковский, В.В. История русской философии: в 2 т. / В.В. Зеньковский. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – Т. 1. – 544 с.
14. Изгоев, А.С. Социализм, культура и большевики / А.С. Изгоев // Из глубины: Сборник статей о русской революции. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. – 289 с.
15. Камю, А. Бунтующий человек / А. Камю. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
16. Комин, М. Мои воспоминания о Карле Марксе / М. Комин // Воспоминания о К.Марксе и Ф.Энгельсе. – Указ. изд.
17. Корню, О. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность / О. Корню. – М.: Прогресс, 1976. - Т. 1. – 590 с.
18. Кугельман, Ф. Несколько штрихов к характеристике великого Маркса / Ф. Кугельман // Воспоминания о К.Марксе и Ф. Энгельсе. – Указ. изд.
19. Лапин, Н.И. Молодой Маркс / Н.И. Лапин. – М.: Политиздат, 1986. – 480 с.
20. Лафарг, П. Воспоминания о Марксе / П. Лафарг. – М.: Политиздат, 1938. – 24 с.
21. Ленин, В.И. / В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 12.
22. Ленин, В.И. / В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 29.
23. Ленин, В.И. / В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 44.
24. Ленин, В.И. / В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 48.
25. Ленин, В.И. / В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 52.
26. Ленин, В.И. / В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 55.
27. Лосский, В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / В.Н. Лосский. – М.: Центр «СЭИ», 1991. – 288 с.
28. Лурье, Ф.М. Созидатель разрушения: Документальное повествование о С.Г. Нечаеве / Ф.М. Лурье. – СПб.: Петро-РИФ, 1994. – 416 с.

29. Малков, П. Предпосылки учения об апокатастасисе у отцов церкви / П. Малков // Православное учение о человеке. – М.-Клин.: Христианская жизнь, 2004. – 430 с.
30. Маркс К., Энгельс Ф. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. – Т. 1.
31. Маркс К., Энгельс Ф. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. – Т. 4.
32. Маркс К., Энгельс Ф. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. – Т. 20.
33. Маркс К., Энгельс Ф. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. – Т. 23.
34. Маркс К., Энгельс Ф. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. – Т. 40.
35. Маркс К., Энгельс Ф. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. – Т. 41.
36. Маркс К., Энгельс Ф. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. – Т. 42.
37. Марксизм: PRO и CONTRA. – М.: Республика, 1992. – 334 с.
38. Меринг, Ф. Карл Маркс. История его жизни / Ф. Меринг. – М.: Политиздат, 1990. – 559 с.
39. Николаева, О. Православие и свобода / О. Николаева. – М.: Изд-во Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2002. – 398 с.
40. Протоиерей Александр Геронимус. Знание в свете антропологии преподобного Максима Исповедника / А. Геронимус, протоиерей // Православное учение о человеке. – Указ изд.
41. Святитель Феофан Затворник Вышенский. Путь ко спасению. Письма о христианской жизни. Поучения / Феофан Затворник, святитель. – М.: Лепта-Пресс, 2005. – 800 с.
42. Троцкий, Л.Д. О Ленине // Троцкий Л.Д. К истории русской революции / Л.Д. Троцкий. – М.: Политиздат, 1990. – 447 с.
43. Троцкий, Л.Д. Уроки Октября / Л.Д. Троцкий. – Л.: Лениздат, 1991. – 366 с.
44. Франк, С.Л. Этика нигилизма / С.Л. Франк // Вехи. – Указ. изд.
45. Шичалин, Ю. О соотношении библейского богословия и античного влияния в христианской антропологии / Ю. Шичалин // Православное учение о человеке. – Указ. изд.

Н. И. БУХАРИН – ТЕОРЕТИК И ПРАКТИК РЕВОЛЮЦИИ

Давидович А. В., Киселева С. А.

г. Минск, БНТУ

Бухарин Н. И. прошел свой путь в политике от руководителя гимназической группы в 1904 г. до одного из лидеров революции 25 октября 2017 г. и руководителя первого правительства советского государства. Подобно многим революционерам различных партий, фракций и движений он встал на путь борьбы с властью в царской России по целому ряду объективных и субъективных причин. Он был человеком, биография которого составлена в начале советской истории подобно «житию святых», а с 1929 г. вычеркнута из этой истории и на 20 лет забыта. Только «по поводу» и по случаю его юбилея (100 лет со дня рождения) в 1988 г. его имя вновь зазвучало на страницах книг и газет. Уже много лет нет советской власти, ее государства и идеологии. Остается история, которую можно запретить или забыть в угоду кому-то, чему-то. Но приходит время, когда она восстанавливает все свои вырванные страницы и показывает реальную личность, ее путь к вершине власти и «падение с нее до врага народа». Такой путь, подобно Н.И. Бухарину, прошли тысячи людей, совершавших Октябрьскую революцию и создававших «новый мир».

Изучение биографии любого человека начинается со знакомства с его семьей, детскими и юношескими годами, его окружением и различными увлечениями. Родители Николая Бухарина были учителями, отец окончил университет, а в 1911 г. получил чин седьмого класса и звание надворного советника. Все его дети – три сына получили прекрасное образование. Известно, что для В. Ульянова серьезной причиной, приведшей его в революцию, стала казнь брата Александра. В биографии Бухарина выбор его жизненного пути начался с событий Первой русской революции 1905-1907 гг. Шестнадцатилетний юноша, знавший иностранные языки, окончивший с отличием школу, учившийся в лучшей в лучшей московской гимназии в 1905 г., становится лидером студенческого вольнодумства, последователем марксизма. Один из тысяч студентов, ставших в эти месяцы революционерами. Начинается новая жизнь: бурная, активная, полная событий, «полезная и нужная людям». Бухарин сразу выделяется как лидер, пропагандист. Организатор съезда социал-демократической молодежи, член Московского комитета с 1908 г. – вот «послужной»

список 20-летнего революционера. Обратной стороной этой известности стали: арест, ссылка, побег и эмиграция до 1917 г. Семь лет за пределами не только российского государства, но и вне политических – событий, далеко от своей семьи и друзей.

Период жизни за границами Российской империи Бухарин посвящает изучению марксизм, новых западных теорий и созданию собственной. В это же время усиливаются разногласия Бухарина с В.И. Лениным. Они носили не только идеологический характер, но и определялись личными обстоятельствами жизни Николая Ивановича: его отношением к представителям Московской организации большевиков, служивших в царской охране, скептицизм Ленина в такой их оценке; деятельности и творчества русских эмигрантов – марксистов, которых критиковал Ленин и ценил Бухарин. Эти разногласия не разрешились и в последующие годы. Николай Бухарин активно общался с русской эмиграцией, переезжал из Германии в Австрию, Америку, Данию, Швецию. Как и многие революционеры, годы за границей он использует для работы в библиотеках, написания революционных статей и теоретических работ в области экономики [1, с.32].

В 1914 г. в Вене он написал книгу «Политическая экономия рантье». В последствие она была переведена на многие языки, стала учебником для будущих экономистов. Пребывание в Австрии связано еще с одним важным событием в жизни Бухарина: он знакомится со Сталиным и работает с ним совместно над статьей по национальному вопросу.

Новый этап деятельности большевистской эмиграции связан с началом Первой мировой войны. Самой важной становится задача выработать в новых условиях стратегию и тактику борьбы. Этот этап выявил существенные противоречия внутри большевистского движения, противоположные теоретические обоснования которых представляли Ленин и Бухарин. Главными вопросами, вызвавшими дискуссию, были: 1) какая роль в революционных событиях будет отведена крестьянству; 2) демократические либо социалистические требования должна выдвигать в условиях борьбы партия; 3) отношение к войне и миру партии большевиков; 4) оценка политических союзников в борьбе за власть. Однако в тех, конкретных условиях, были приняты ленинские предложения [2, с. 34]. Считая свое поражение результатом недостаточной аргументации своих взглядов,

Бухарин вновь совершенствует свою теорию. Им была написана книга «Мировое хозяйство и империализм» (1915 г.). Не вдаваясь в детальный анализ этой работы, можно отметить главные ее положения, обосновавшие идеологию большевизма: исследование капитализма, системы банков, колониализма, причин Первой мировой войны. На основании полученной информации Н.И. Бухарин делает вывод о неизбежности не только буржуазных реформ, но и социалистической революции. Однако вопросы о силах этой революции, построении и роли нового государства, национальном самоопределении вновь свели в острой полемике Бухарина и Ленина. В 1916 г. сложность ситуации заключалась в том, что за ними стояли сотни сторонников этих идейных разногласий, создававшие в партии группировки, доходившие часто до разрыва личных отношений.

Еще одним революционным лидером, ставшим так же политическим оппонентом Бухарина, с которым он познакомился в начале 1917 г. в Америке, был Л. Троцкий. Их противоречия касались оценки деятельности социалистов Америки, часть которых поддерживала идеи Н.И. Бухарина, а часть отстаивала точку зрения Л.Троцкого на единство всех социал-демократических групп в единой партии. Идея Бухарина – организация новой рабочей партии США, получила многочисленную поддержку не только большевиков в эмиграции, но и социалистов в США.

Однако жизнь в эмиграции подходила к концу, наступала весна 1917 г. В Российской Империи происходили важные для истории события. В мае 1917 г. Бухарин возвращается домой. Он сразу активно включился в партийную работу в качестве лидера РСДРП(б) Москвы. Для разрешения продолжавшихся идейных разногласий в партийном руководстве большевиков, пишет Манифест революции в июле 1917 г. Этот документ стал программным в революционной деятельности большевиков Москвы, подтвердив их оппозицию к однопартийцам из С.-Петербурга. Наибольшее влияние деятельность Н. Бухарина проявилась в московском городском бюро большевиков, которое придерживалось левых позиций в революции.

Свою активность Бухарин реализовал в издательской деятельности московских редакций «Социал-демократ», «Спартак». В последовавшие после 25.10.1917 г. дни Бухарин в своих работах определил цели и задачи пролетариата в России. Главная идея его публикаций – русская революция должна распространиться на те

европейские страны, где активно действует пролетариат. Экономическое развитие России непосредственно связано с революцией рабочего класса в Европе. Эта идея соответствовала представлению о несостоятельности пролетариата Российской империи в отсталой крестьянской стране сформировать новое государство. Более того, Николай Иванович рассматривал крестьянство как временного союзника рабочих в революции и строительстве нового государства.

Последовавшие после революционных событий октября 1917 г. месяцы были посвящены созданию проекта закона о национализации. В реализации его активно участвовали Смирнов, Ломов и др. Н.И. Бухарин получил и новое назначение на должность редактора газеты «Правда». В этот период формируются его взгляды на внешнюю политику нового государства. В первую очередь, это был злободневный вопрос об отношении с Германией. Его мировоззрение определялось пониманием необходимости продолжения войны, сделав ее средством мировой революции. Это ставило Бухарина в оппозицию Ленину, стремившемуся к миру любой ценой. Причем главную роль в развитии войны Бухарин отводил не регулярным войскам, а партизанскому стихийному движению, которое будут организовывать крестьяне, защищающие свою землю. Однако ситуация в партии большевиков разрешилась заключением Брестского мира. В 1918 г. Бухарин разрабатывает теоретически важные вопросы о государстве, коммуне, хозяйственной политике. К 1920 г. все эти проблемы были отодвинуты реальными событиями и переходом к политике «военного коммунизма». В этих условиях Н.И. Бухарин считал своей задачей создание теоретической модели власти и государства большевиков, пропаганду ее среды населения. Этим целям посвящена его работа «Азбука коммунизма» (1919 г.). В ней очень подробно и активно популяризируются идеи и практика «военного коммунизма». Еще одна излюбленная тема Бухарина связана с экономической теорией К. Маркса. В 1921 г. Бухарин издает свою книгу «Теория исторического империализма», написанную в качестве учебника. Не вдаваясь в анализ этого произведения, можно сделать вывод, что именно оно дало возможность Бухарину стать лидером, теоретиком классических идей К. Маркса. Однако разница толкований теории К. Маркса, осмысленной в новых условиях России начала XX века, стала предметом яростных споров главных идеологов партии [3, с.54].

В наши дни известно, что у большевиков были разногласия не только с представителями других партий, но и внутри их собственной. Они начались еще до Октябрьской революции и продолжались до «сталинской эпохи». Причин такого явления достаточно много: разногласия между ветеранами партии и ее более молодым пополнением; споры о судьбах России тех, кто жил в эмиграции и работал в стране в условиях подполья; противоречия национального и регионального характера; различная трактовка идей марксизма и т.п.

В 1921 г. Н.И. Бухарину было 33 года: период кризиса, разочарования, несбывшихся надежд. Еще одна попытка понять, «что происходит, кто виноват и что делать?». Ведь негласный титул «главного теоретика партии» привел к краху его идей о «военном коммунизме». Он начинает искать оправдание введенным элементом НЭПа. Особые перемены на практике имели свою оборотную сторону: НЭП ожесточил споры, конфликты в партии большевиков. Главным стало всеобщее непонимание старой гвардией перемен. Для этого совершали революцию, прошли через ужасы войны? Что бы вновь вернуться к капитализму и создать тысячи нэпманов? Поэтому, приняв этот курс, Ленину следовало запретить критику своей новой экономической политики. Это и произошло на X съезде партии в 1921 г. И если рядовые большевики ждали команд и распоряжений, то лидеры партии продолжали свои споры: Ленин, Бухарин, Троцкий, Сталин.

О чем рассуждал и писал в своих статьях в эти годы Н.И. Бухарин? Его идеи были следующими: революция еще не закончилась, однако изменилась ее форма и методы; НЭП не противоречит революционному пути развития.

Бухарин переосмыслил фактически все основные идеи революции, роль в ней пролетариата, крестьянства, буржуазии. К 1923 г. он стал автором новой программы партии, редактором газеты «Правда» и авторитетным лидером. Союза с ним в тех условиях желали многие ее лидеры. Это было время крайнего обострения отношений в партии большевиков, группировки которой ожидали двух событий: смерти Ленина и захвата власти. Н.И. Бухарин должен был принять важное для себя решение: с кем он, на чьей стороне? Учитывая личные отношения, он встал на стороне антитроцкистского блока и сразу оказался в эпицентре борьбы мнений и идей. Такая линия поведения позволила ему в очередной раз стать «отцом» но-

вой теории индустриализации. Однако главным вопросом этой программы стало обсуждение роли крестьянства и его связь с развитием нового общества. Позиция Бухарина по этому вопросу была однозначна: должен существовать незыблемый союз рабочих и крестьян в аграрной стране. Индустриализация невозможна, если не создать условия для процветания сельского хозяйства.

Но период 1921-1926 гг. – это не просто замена одной идеологии большевиков на другую. Самое главное – это понимание нового и его поддержка в обществе. Это осознал и Н.И. Бухарин. Мировая пролетарская революция становилась все больше далекой перспективой, а строить социализм в одной стране оказалось для одних невозможно, для других – реально необходимо. Бухарин утверждает идею о том, что в России есть для этого все условия. Однако во внешней политике сохраняется угроза нападения, войны, политического переворота, со стороны враждебного окружения. Среди множества вопросов, каждый из которых следовало подвергнуть анализу, чтобы идти вперед, в 1924 г. Бухарин выделяет главный. Кто будет строить социализм, какие группы помимо пролетариата пожелают для себя такое еще неясное будущее? И отвечая на этот вопрос, он назвал главную силу – это «деревенский середняк», с которым и следовало найти компромисс. Это работа партии и нового государства.

В 1926 г. Бухарин решил для себя множество вопросов, позволяющих понять пути, силы, средства и приемы, ведущие к новому обществу и государству. Какой была реакция на это со стороны его оппонентов? Ею стала критика почти всех его идей, особенно левыми идеологами в лице Преображенского Е.А.

Главным итогом годов НЭПа для Бухарина было его восхождение на вершину власти и союз в политике со Сталиным. В партии Николай Иванович занимал должности, позволявшие влиять на умонастроение общества. Он был редактором газет «Правда» и «Большевик». Эти газеты сами служили миниредакциями множества иных изданий. Фактически все печатные средства были под контролем Бухарина. Но еще более важной для утверждения собственной линии в партии стала его деятельность в Коминтерне. В 1926 г. он получил всю власть в этой организации, став ее генеральным секретарем.

Вновь Бухарин оказался в эпицентре борьбы за влияние и власть в политбюро партии и заключил свой союз с А.И. Рыковым и

М.П. Томским. Этот шаг определил не только его разрыв с линией Сталина, но и его будущее как политика и человека. И вновь, как в первые годы революции, в соперничество вступают два политических центра – Москва и Ленинград. Московское большинство комитета правящей партии поддержало его предложения по экономической программе. Еще тогда, в 1925-1926 гг., главной была открытая дискуссия об экономике социализма, и какой теоретически осмысленный путь будет реализован.

Наступил 1927 г., он принес новые изменения, которые Бухарин изложил в своих речах и докладах. Главное – капиталовложения в тяжелую промышленность и ее сочетание с легкой. Но где взять денежные суммы для этой задачи? И на этот вопрос у Бухарина был аргументированный ответ с различными вариантами. Однако теоретические споры, возможно, было проверить лишь на практике экономического развития страны. Главными препятствиями были политический кризис власти и угроза новой войны. Группировки во главе с Бухариным и Троцким получили еще большую возможность для обвинения друг друга в ухудшении ситуации в стране вследствие кризиса продовольствия. Вызов, брошенный сплоченности партии, получил ожидаемые последствия: начинается применение жестких мер. В 1927 г. Зиновьева, Троцкого и их сторонников исключили из партии. Так завершился первый акт трагедии, главным режиссером которой был Сталин: сначала победить своих явных политических оппонентов, затем тех из сторонников, кто мог составить ему конкуренцию на пути к диктатуре Н.И. Бухарин был против раскола партии, появление в ней оппозиции считал крайне опасным. По этой причине, вопреки своим нравственным убеждениям, он голосовал против таких людей за их исключение.

В период чрезвычайных мер в деревне с 1928 г. Бухарин становится сторонником программы коллективизации, но отрицает террор как метод принуждения. Дальнейшие события: выступления на собраниях, статьи, дискуссии по всем основным вопросам показали насколько противоположными непримиримыми стали позиции Бухарина и Сталина. Из сопративителей партии и огромной страны они стали личными врагами. Эти перемены особенно проявились на пленум ЦК 1928 г., показав реальную расстановку политических сил на периферии и в центре. Бухарин совершает отчаянный шаг –

начинает переговоры с Зиновьевым и Каменевым, чтобы показать реальную цель Сталина в происходящих событиях.

Уничтожение Бухарина началось через дискуссии на пленумах, съездах Коминтерна, Профинтерна. Было сделано очень много, чтобы Бухарин медленно, шаг за шагом удалялся от вершины власти авторитетного лидера к заблуждающемуся врагу партии. Однако Николай Иванович противопоставлял всей критике свою логику и анализ. Он пишет статью «Заметки экономиста» (1928 г.). Сталин делает свои шаги: увольняет сторонников Бухарина в главных центрах: московское бюро, редакции центральных газет, профсоюз, Коминтерн, Институт красной профессуры. Шансов остаться в стороне не было ни у кого. Осознавая свое пока еще только политическое поражение, Бухарин демонстративно отказался от всех своих постов и начал компанию критики Сталина в печати. Его неприкосновенность привела к тому, что Сталин меняет свою тактику борьбы: Бухарину предложили «остаться» взамен на публичное покаяние. В феврале 1929 г. он проходит это испытание.

Последним аргументом Бухарина стала критика личности Сталина, его недостатков. Как всегда, это было сделано основательно, с учетом фактов, собранной информации, с опорой на ленинское завещание. Итогом 1928–1929 гг. стало осознание того, что Сталин пытается вновь вернуться к тем классическим формам деспотического государства, против которого и совершалась пролетарская революция. Завершением политического противостояния стала открытая травля Бухарина в печати. Каждое написанное когда-то им слово подвергалось переосмыслению и дискредитации. 17 ноября 1929 г. Н.И. Бухарин был исключен из состава Политбюро, а через неделю Рыков, Томский и Бухарин публично признались в своих «ошибках» в письменном заявлении, боясь за судьбу своих менее защищенных рядовых последователей.

Что же дальше? Сталин проводит «коллективизацию и индустриализацию» неслыханно жесткими методами террора, в том числе и в партии. Оставив пока Бухарина в тени своей политики, Сталин убирает одного за другим всех его сторонников, а Бухарин перестает участвовать в политических мероприятиях, объявив им бойкот, занимаясь при этом научными исследованиями в различных сферах – от экономики до культуры. В начале 1934 г. Бухарин предпринимает еще попытку изменить политику ЦК. Он выступил

на XVII съезде партии настолько успешно, что ему вернули должность редактора газеты «Известия». Более того, он был включен в 1935 г. в состав комиссии по подготовке Конституции.

Приход к власти Гитлера сделал обсуждение вопроса об отношении к фашизму главной темой. И вновь водораздел мнений произошел между Сталиным и Бухариным: сталинская идея союза и бухариновская теория вероятности войны и борьба с политикой Гитлера. Бухарин, видя обвинения и расстрел многих большевиков, предвидел и свою судьбу, но быть эмигрантом для него было невыносимо. Используя свое положение в редакции, отстаивая свое понимание фашизма, он в «Известиях» публикует статью, как оказалось, последнюю.

Начался судебный процесс над Каменевым и Зиновьевым, за ним – над Пятаковым и Радеком. На пленуме ЦК 23 февраля 1937 г. Бухарин был объявлен «врагом», а для расследования его «злodeяний» была назначена комиссия. Бухарина и Рыкова арестовали. Только через 13 месяцев, когда все было готово, они прошли через суд 1938 г. За ходом процесса тайно наблюдал Сталин. Бухарина обвиняли во всех грехах вплоть до подготовки убийства Ленина. Исследователи отмечают, что на линию поведения Бухарина повлияла судьба его семьи (арест и ссылка). Он идет в последний бой, зная заранее о своем поражении. О том, каков его характер и сила воли, свидетельствуют судебные заседания. Он уходил из этой жизни, но оставался для будущего и истории: 15 марта 1938 г. стал для Бухарина последним днем его жизни [4, с.313].

Вслед за физическим уничтожением началось политическое. До сих пор остаются открытыми вопросы: почему среди тех, кто был оправдан и реабилитирован во времена правителей СССР Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева, нет имени Н.И.Бухарина? Почему только 4 февраля 1988 г. он был наконец-то оправдан судом истории? Таким был подарок страны к его 100-летию со дня рождения?

Использованная литература

1. Бухарин Н.И. Коммунистическое воспитание молодежи / Н.И.Бухарин. – М., 1925, – 45 с.

2. Бухарин Н.И. Путь к социализму в России: избранные произведения / под. ред. С.Хайтмана. – Нью-Йорк: Экономии, 1967. – 215 с.

3. Харвин А.Ф. У руля индустрии./ А.Ф.Харвин. – М.: Наука, 1968, – 272 с.

4. Анан Давид. Актуален ли Бухарин? // Континент – 1972 – № 2.

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАТОРА РЕВОЛЮЦИИ

Довнар Л. А.

г. Минск, БНТУ

Типичное белорусское местечко Березино Минской губернии второй половины XIX века. Размеренная жизнь и быт: маленькие лавки с не очень бойкой торговлей, трактиры, шинки и корчмы, базар на главной площади. Здесь каждый по-своему «делает жизнь»: кто-то шьет, кто-то пьет, один ловит рыбу в полноводной тогда еще Березине, другой ее тут же и продает. В этом тихом краю в 1867 г. в семье плотника родился человек, которому приписывают организацию и финансирование большевистского переворота, создание и практическое применение PR-технологий.

Его настоящее имя Израиль Лазеревич Гельфанд, а псевдоним Александр Парвус. В советской историографии его роль в приходе к власти большевиков замалчивалась и игнорировалась. Любопытно, что А. Гитлер назвал его единственным евреем достойным жить среди арийского народа, поскольку он соблюдал интересы Германии. В настоящее время существует несколько научных работ, посвященных биографии, политической деятельности и философским воззрениям А. Парвуса. Загадка личности этого человека во многом вызвана нехваткой источников — незадолго до смерти он сжег большую часть своего архива, а оставшиеся документы разбросаны по разным странам. Одни авторы называют А. Парвуса «зловещим кукловодом русской революции». Другие полагают, что его попытка совершить революцию провалилась в декабре 1916 г. Херш Э. считала Парвуса легендарной личностью, но отмечала его страсть к деньгам и неразборчивость в средствах. Под влиянием этих низменных качеств Парвус сделался агентом германского правительства [7]. Солженицын изобразил Парвуса противоречивой личностью: «Отчаянный революционер и страстный торговец. Не дрожали руки империи разрушать, но дрожали руки деньги отсчитывать» [6, с. 101]. В романтическом плане подает Парвуса Г. М. историк

Катков. Для него Парвус «живое доказательство, что авантюристы XX века могли играть решающую роль в политике великих держав» [4, с. 93]. И. Бунич ставит Парвуса выше Ленина, поскольку «первый был наставником и учителем второго». Он называет Парвуса «международным авантюристом крупного масштаба, который основывал банки и торговые предприятия и ворочал гигантскими суммами [1]. Соколов Б. В. смотрит на Парвуса как на социал-демократа, шовиниста, дельца и афериста, сколотившего состояние на военных поставках и контрабанде [5]. Волкогон Д. А. называет Парвуса «доверенным платным лицом германских властей» и отмечает его «демоническую роль в российской истории» [2]. В любом случае, те, кто писал о нем, пользовались книгами чешского эмигранта Збынека Земана. Он характеризовал Парвуса как одаренного революционера, философски мыслящего коммерсанта, политика и идеолога [3]. Сам А. Парвус оставил после себя более 600 публикаций и 8 монографий, где достаточно полно отражены его политические, экономические и философские воззрения.

В данной статье сделана попытка проследить формирование личности А. Парвуса, охарактеризовать его основные достижения в области политических технологий и проанализировать его роль в захвате власти большевиками.

В 1869 году, зимой, местечко Березино было почти разорено сильнейшим пожаром. Многодетная семья Генфальдов переехала в Одессу, где Изя Гельфонд поступил в хедер – еврейскую школу. Особенностью методики обучения в Одесском хедере было то, что учеников стимулировали задавать как можно больше вопросов и проявлять любознательность по изучаемой теме. И. Гельфонд, очевидно, выделялся своими остроумными и глубокими вопросами. Поэтому, после хедера, местный кагал принял решение финансировать обучение Изи Гельфонда за границей. К тому времени он уже имел некоторый опыт революционной борьбы. Сначала Гельфонд входил в террористическую организацию «Народная воля». Ее члены пытались интерпретировать марксистские положения применительно к российским отношениям и пришли к выводу, что в России, феодальном крестьянском государстве, переворот может быть совершен только «снизу», с помощью крестьянских масс. Вскоре Гельфонд разочаровался в революционном потенциале крестьян и присоединился к русско-еврейской марксистской организации

«Освобождение труда». Ее члены считали, что путь России к революции непременно связан с индустриализацией. Поэтому она должна осуществляться пролетариатом, созданным капиталом и развитием промышленности [7, с. 14].

В 1887 г. И. Гельфанд за счет Одесского кагала поехал в Швейцарию, чтобы присмотреть себе подходящее место для учебы. Целый год он наслаждался жизнью и завязывал контакты с политическими эмигрантами, поселившимися в Женеве, Берне и Цюрихе. Он остановил свой выбор на Базельском университете. Предметами специализации стали экономика, физика и минералогия. Также особый интерес у него вызывали проблемы государственного монополизма и вопросы трудового законодательства. Одним из его учителей был политэкономист Альфонс Тун, автор истории революционного движения в России.

Кроме того, он ходил на лекции Фридриха Ницше. Его критика «декадентской» западной цивилизации, отрицание роли религии как ее фундаментальной основы и неприятие «рабского менталитета» в отношении традиционных моральных устоев в угоду индивидуальных жизненных ценностей и, наконец, его концепция от воли к власти – все это стало для Гельфанда новым «Евангелием». В 1890–1891 годах Александр Гельфанд написал диссертацию на тему «Техническая организация рабочих в аспекте эксплуатации масс» и летом 1891 года с успехом защитил ее, получив ученую степень доктора философии [3, с. 41].

Главное, что усвоил Гельфанд из учебы в университете: его взгляды на исторические процессы в прошлом и планы на будущее неизменно оставались пронизанными идеологией марксизма, то есть были связаны с постоянной классовой борьбой. Вопрос о возвращении в Россию после окончания учебы для Гельфанда даже не стоял. Его взор обратился к Германии, где он видел мощное объединение единомышленников-социалистов. Немецкая социал-демократия казалась Гельфанду образцом организованности и идеологическим пристанищем. Он хотел войти в ее ряды, чтобы на ее стороне бороться за интересы пролетариата и его объединение за пределами государства [1, с. 84].

Ему покровительствовал признанный теоретик социал-демократов Карл Каутский. В Германии Израиль Гельфанд взял себе новую фамилию – Парвус. По латыни это означает «маленький», что было

противоположно внешности этого высокого тучного человека. Его прозвище среди товарищей-социалистов было Доктор Слон. В числе его знакомых были весьма влиятельные люди: К. Цеткин, Р. Люксембург, Г. Плеханов. Все это будущие корифеи мировой революции, их именами сегодня названы улицы Минска и других городов. Его первые статьи в «Нойе Цайт» представляли собой анализ собрания еврейских рабочих в России, устроенного по поводу майского праздника. В них Парвус поднял тему: почему еврейское население в России подвергнуто дискриминации и почему оно должно стать рупором организованной борьбы. Как и следовало ожидать, он рассматривал проблему с точки зрения классового борца: «Пока евреи в России представляли развитие капитализма, им предоставляли беспрепятственную свободу действий. Как только они стали конкурентами, их начали преследовать как государственных преступников. Правительство осознает, насколько они превосходят остальных в государстве в экономическом отношении. Для того, чтобы избежать сильной конкуренции с мелкой буржуазией, правительство решило оттеснить их. Оно это делает якобы потому, что евреи слишком сильно эксплуатируют народ, но разве русские кулаки и трактирщики лучше или они не сосут кровь из народа?» [10, с. 38].

В Германии А. Парвус организовал контрабанду запрещенных печатных изданий в Россию. За подобную деятельность Доктор Слон был арестован в Берлине 16 февраля 1893 года, но отделался штрафом. В 1897 года он стал редактором дрезденской газеты «Sächsische Arbeiter Zeitung» («Саксонская рабочая газета»), которая под его руководством резкостью тона вызывала сильное недовольство не только среди правых социал-демократов, но даже среди левых. Широкую известность как марксистский теоретик и публицист Парвус получил благодаря своей полемике с Э. Бернштейном, статьям о мировой экономике и международных отношениях на рубеже XIX-XX вв. Основная работа этого периода – «Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис» (1897).

С Лениным он встретился в январе 1900 года в Мюнхене. Парвус убедил его печатать «Искру» на своей квартире, где и была оборудована нелегальная типография. Когда началась русско-японская война, Парвус опубликовал в «Искре» несколько статей под общим заглавием «Война и революция». В своих статьях автор предрекал

неизбежное поражение России в войне с Японией и вследствие поражения - русскую революцию. Ему казалось, что "русская революция расшатает основы всего капиталистического мира и русскому рабочему классу суждено сыграть роль авангарда в мировой социальной революции". Предсказания Парвуса насчет исхода русско-японской войны сбылись, что способствовало усилению его авторитета как аналитика [5, с. 45].

В этой же типографии А. Парвус издал свою монографию «В рядах германской социал-демократии». В этой книге впервые освещены основные моменты того, что в XXI веке назовут PR-технологиями. Как сформировать образ политика в глазах общества? По его мнению: «Нужно просто красочное описание...Пресса в состоянии в течение каких-нибудь нескольких недель вытащить на свет божий никому неизвестные имена и заставить широкие массы связать с ними невероятные надежды. В результате эти имена получают такую популярность, которая никогда и не снилась людям действительно крупным. Политик, о котором всего какой-нибудь месяц назад еще никто и не знал или знал только понаслышке, получит громадную известность. В то же время старые испытанные деятели разных областей государственной и общественной жизни могут совершенно умереть для общественного мнения или быть засыпанными таким количеством клеветы, что они в кратчайший срок станут символом низости и мошенничества» [8, с. 67].

В период 1905-1906 гг. Доктор Слон получил возможность на практике подтвердить свою теорию о том, что манипуляция общественным сознанием – важнейший инструмент политики. Он был одним из первых политэмигрантов, вернувшихся в Россию в разгар стачек и забастовок. Тогда А. Парвус стал одним из лидеров Совета рабочих депутатов. Вместе с Л. Троцким он выкупил газеты «Начало» и «Русская газета», которые при символической цене в одну копейку, вскоре стали очень популярны и увеличили свои тиражи до миллиона экземпляров. 17 декабря 1905 г. многих жителей Петербурга охватила паника. Причиной послужили публикации в этих газетах серии статей А. Парвуса под общим названием «К народу», где в самых мрачных красках было описано финансовое состояние ведущих банков столицы. Началось массовое изъятие вкладов из банков и сберегательных касс. Банки Российской империи оказались на грани дефолта [6, с. 87].

Это был первый в истории пример применения того, что позже назовут PR-технологии. Именно Парвус был автором знаменитого «Финансового манифеста», исчерпавшего терпение правительства». В нем речь шла о коррупции в правительстве России, о его финансовой несостоятельности и подложных балансах. «Страх перед народным контролем, который раскроет перед всем миром финансовую несостоятельность правительства, заставляет его затягивать созыв народного представительства...» [10, с. 108]. Он указал непредставительный характер правительства: «самодержавие никогда не пользовалось доверием народа и не имело от него полномочий». Статья завершалась патетическим «русский народ не будет оплачивать долги по всем тем займам, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всем народом» [10, с. 109].

А. Парвуса арестовали. Под следствием он предъявил документы на фамилию Н. Ваверко, затем назвал свое настоящее имя. Суд вынес относительно мягкий приговор: три года административной ссылки в Сибирь. Его сопровождал ветеран партии Лев Дейч, большой специалист по побегам. Возле Красноярска они напоили конвойных, переоделись в крестьянскую одежду и сели на поезд, идущий в западном направлении. В Москве он добыл у товарищей подложные документы и выехал в Германию. Немецкое правительство выдавало беглых революционеров русским властям, поэтому Парвусу пришлось укрыться под именем Петера Кляйна. В этом качестве он помог своему другу, социалисту Хенишу, избраться в рейхстаг. Он организовал ему то, что теперь называют избирательной компанией. Позже, благодаря Хенишу, А. Парвус нашел работу журналиста в Дортмунде, где одновременно писал мемуары о революции и серьезную монографию о колониальной политике империализма. В конце 1906 г. он издал книгу воспоминаний «В русской Бастилии во время революции», где был создан резко негативный образ России. Книга имела успех у немецких читателей.

Острые разногласия с Лениным возникли по поводу отношения к Булыгинской думе. Парвус выступил против байкота и за тактику мелких сделок с кадетами. Ленин охарактеризовал эту позицию, как «полнейшее незнание русских политических вопросов» [2, с. 167].

С социал-демократами отношения обострились. В 1908 году. Максим Горький обвинил Доктора Слона в растрате партийных

средств. Дело в том, что А. Парвус представлял авторские права буревестника революции при постановке пьесы «На дне» в Берлине. Ровно 20% выручки А. Парвус оставлял себе вполне легально. Остальные деньги должны были делиться в следующей пропорции: 25% поступало самому М. Горькому, а 55 % – в партийную кассу, т.е. под контроль В. Ленина. Выяснилось, что А. Парвус присвоил 130 тысяч марок. Свой поступок он объяснил, что потратил деньги на путешествие по Италии с Р. Люксембург. Дело завершилось закрытым внутривнутрипартийным разбирательством, на которое А. Парвус не считал нужным явиться. Симпатизировавший ему Карл Радек подытожил: «Этот страстный тип эпохи Ренессанса не мог вписаться в рамках спокойной германской социал-демократии... Ему нужно было или крупное дело, или новые ощущения».

В 1909 г. А. Парвус уехал в Турцию. Там он установил контакты с различными социалистическими группами, писал статьи для правительственного журнала «Молодая Турция» и стал экономическим советником правительства младотурок. Он гордился заключённой сделкой с Россией по доставке зерна, которая, по его утверждению, спасла режим младотурок от катастрофы. Именно здесь, в Турции, осуществилась давняя мечта Парвуса: он наконец разбогател. Он стал официальным представителем ряда немецких компаний, в том числе концерна Круппа, и первые миллионы заработал на поставках в Турцию продовольствия и оружия во время Балканских войн 1912-1913 годов. Парвус сумел в короткое время обзавестись собственными банками и личной резиденцией на престижных Принцевых островах. Действуя как научный и политический советник турецкого правительства, А. Парвус сыграл важнейшую роль в решении Турции вступить в войну на стороне Германии 2 ноября 1914 г.

Судьбоносное значение имела встреча А. Парвуса и германского посла в Турции Конрада Фрайхерра фон Вангенхайма. Она произошла 7 января 1915 г. Сам А. Парвус отрекомендовался «революционно настроенным социалистом, по профессии – экономистом». Он с убедительной логикой доказывал немецкому послу, что Россию можно победить только в том случае, если ослабить ее внутренними беспорядками, подрывающими царский режим, и распадом великой империи на отдельные мелкие части, за счет чего она потеряла бы свою боевую силу. Поэтому интересы германского правительства и интересы русских революционеров, таким образом, идентичны. Для

представителя германского рейха, ведущего военные действия на Восточном фронте уже почти в два раза дольше, чем было запланировано, это было весьма интересно. На следующий день посол фон Вангенхайм телеграфировал впечатления от встречи с Парвусом своему шефу в Министерство иностранных дел в Берлине, статс-секретарю и государственному министру Пруссии Готтлибу фон Ягову. В самых высоких тонах он рассказывал «о необыкновенно дружелюбной позиции по отношению к немцам» и «особых заслугах», которыми в последнее время отличился доктор Парвус. Кратко изложенной концепции доктора Парвуса достаточно, чтобы разжечь интерес рейхсканцлера Бетманна-Хольвега в Берлине.

Несомненно, что содействие движениям за независимость в потенциально вражеской стране не было новостью, напротив, оно являлось часто практикуемой политической тактикой еще в довоенный период, тактикой, на которую пришлось раскошелиться как Германии, так и Австро-Венгрии. Доказательный пример тому – финансируемая из «секретных фондов для вознаграждения» операция Бисмарка в британских колониях. Соединение этой тактики в рамках общего плана переворота с систематической революционизацией для поражения противника изнутри звучала многообещающе и представляла интерес как дополнительное средство в ведении войны. Уже 8 января 1915 года, на следующий день после переговоров в императорском посольстве Германии в Константинополе, Парвус отправился в путешествие, которое должно было привести его к заветной цели – уничтожению российского самодержавия. Парвус выбрал путь через Бухарест, Софию и Вену. Он хотел проверить, как относятся находящиеся в этих местах товарищи по партии к возможному сотрудничеству в области разжигания революции в России в интересах немецкого правительства. Вместе с тем, он хотел попытаться проверить на прочность пока еще нейтральные страны Румынию и Болгарию. Его интерес состоял в том, чтобы ослабить нейтральную позицию и обеспечить Германию новыми союзниками в войне против России.

9 января Парвус прибыл в Бухарест. Здесь его контактным лицом выступил уроженец Болгарии, а ныне румынский подданный Христо Раковский, революционер-социалист. О деятельности Х. Раковского в русской охранке имелись документы еще с конца прошлого столетия. Он работал в румынских социалистических га-

зетах и охотно принял предложение Парвуса субсидировать статьи по пропаганде антироссийских настроений. В результате, Раковский стал целенаправленно публиковать статьи не только в румынской, но и в зарубежной прессе, в частности, итальянской, чтобы повлиять на формирование общественного мнения против России и за Германию в войне [2, с. 247].

В Болгарии Парвусу повезло меньше. Болгарская социалистическая пресса назвала его «немецким шовинистом» и заявила о своей принадлежности к сторонникам пацифистского крыла, то есть к признанным противникам войны, таким как Карл Либкнехт, которого А. Парвус резко критиковал. С ними были солидарны публицисты-славянофилы, которые в отличие от Парвуса, расценивали объявление войны России как трагедию. Они доказывали, что опасность для Европы кроется не в царизме, а в германском империализме. Здесь у Парвуса не оказалось никаких шансов.

Большие надежды в своей разведывательной деятельности Парвус возлагал на Вену: в конце концов, здесь хорошая почва для работы конспиративных центров, где он и его товарищи всегда находили надежную поддержку и подстраховку. Особую ценность представлял Давид Борисович Рязанов – член Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), прославивший просвещенным марксистом, имеющим много своих собственных трудов. Как интернационалист, Рязанов считал себя противником войны и обороны России. Тем не менее, он не питал симпатий к Германии, которую заклеил в своих статьях как «империалистическую воюющую державу». Парвусу не удалось убедить Рязанова рассматривать войну как средство в достижении цели, доведения до крайности существующих социальных противоречий и приближения к революции. Тем не менее, Рязанов был полезным Парвусу в качестве информатора о господствующих политических настроениях в партийных и правительственных кругах. Кроме того, он также согласился писать статьи в партийной прессе и агитационные воззвания для разжигания революционных настроений. Для Парвуса Рязанов активизировал свои связи. Все-таки их объединяли совместная учеба в хедере в Одессе и годы публицистической агитации в Германии. Поскольку Рязанов пользовался уважением и симпатией австрийских социал-демократов, он был полезен в качестве посредника. Поэтому А. Парвус назначил его редактором партийной газе-

ты «Нойе Цайт», взял его под свое крыло и заставил писать на себя. Среди первых платежных документов, которые Парвус выписывает в Вене в начале 1915 года в рамках своего революционного плана, финансируемого правительством Германской империи, обнаружена квитанция на пять тысяч марок предоплаты на имя Давида Рязанова. С помощью Рязанова Парвус сходитя с членом партии умеренного (меньшевистского) крыла и руководящей фигурой Еврейского союза, Рафаилом Абрамовым. Последний был не согласен с идеей того, что руководящая роль в запланированных Парвусом революционных событиях в России должна исходить из Германии. Однако, Р. Абрамов выразил готовность вернуться в Россию вместе с Лениным – вождем радикального (большевистского) крыла РСДРП, когда наступит подходящий момент.

В начале января 1915 г. А. Парвус приехал в Берлин и был принят кайзером лично. 9 марта 1915 г. А. Парвус представил кайзеру отпечатанный на 19 листах меморандум, который представлял собой подробный план выведения России из войны через революцию, организация которой, по его словам «чистый вопрос денег». Этот план сохранился в архиве министерства иностранных дел Германии.

Суть плана можно свести к следующим тезисам:

1. Следует через Болгарию и Румынию установить связь с Одессой, Николаевым, Севастополем, Ростовом-на-Дону, Батуми и Баку для активной агитации и пропаганды. Брошюры на русском языке можно печатать в Швейцарии. В Баку, в районе нефтяных приисков, организовать легко забастовку. Возможно, поджечь нефтяные скважины и хранилища. Политические забастовки горняков на Урале также можно осуществить с помощью некоторой суммы денег. Там очень бедное население. В Сибири сложнее: там живет состоятельное крестьянство, которое политически индифферентно. Есть перспективы для успешной организации восстания черноморского флота.

2. Если русская армия потерпит какое-либо поражение, то движение против царизма обретет невиданный размах при минимальных затратах. Но даже если нет, то пропаганда будет успешной из-за затяжного характера войны.

3. Важным сопутствующим феноменом может стать крестьянское движение т. к. условия жизни крестьян, по сравнению с 1905 г. ухудшились. В глазах русского крестьянина весь вопрос – в земле.

Скорее всего, он вновь начнет захватывать помещичьи земли и угрожать помещикам.

4. Необходимо снарядить экспедицию в Сибирь со специальным заданием взорвать важнейшие железнодорожные мосты, чтобы помешать поставкам оружия из Америки в Россию. Это экспедицию необходимо снабдить достаточными денежными средствами, чтобы помочь политическим ссыльным совершить побег в центр страны.

5. Подготовить к весне 1917 г. массовую политическую забастовку под лозунгом: свобода и мир. Центром движения будет Петербург, а в нем – Обуховский, Путиловский и Балтийский заводы. Забастовка должна охватить железнодорожные коммуникации Петербург-Варшава. Это дело могут осуществить российские социал-демократы под руководством Ленина.

6. Образование независимой Украины будет одновременно выглядеть и как спасение от хаоса крестьянской смуты, и как освобождение от царского режима.

7. В Петербурге надо создать временное правительство, которое поставит на повестку дня вопрос о прекращении военных действий и заключении мира.

Отдельным документом А. Парвус оговаривал технические аспекты для восстания в России: подготовка точных карт железных дорог, определенное количество взрывчатки, план сопротивления восставшего населения вооруженным силам с особым учетом рабочих кварталов, обороны домов и улиц, сооружения баррикад, защиты от кавалерии и от проникновения пехоты.

Центральное место в осуществлении этого плана принадлежало пропаганде: «В статьях надо представить якобы две противоположные точки зрения, но так, чтобы был убежден в правильности нашей. Все искусство тут должно заключаться в том, чтобы заставить поверить: такой-то факт действительно существует, такая-то необходимость действительно неизбежна, такой-то вывод действительно достоверен т.д.». Вот эту простую, но и великую вещь надо научиться делать самым лучшим, самым совершенным образом. Всякая пропаганда должна быть доступной. Чем к большему количеству людей обращается пропаганда, тем элементарнее должен быть ее идейный уровень. А раз дело идет о пропаганде во время войны, в которую втянут буквально весь народ, то ясно, что пропаганда должна быть максимально проста. Чем меньше так называ-

мого научного балласта в нашей пропаганде, чем больше обращается она исключительно к чувству толпы, тем больше будет успех. А только успехом и можно в данном случае измерять правильность или неправильность данной постановки пропаганды [10, с. 157].

Реализация вышеописанного плана приведет к хаосу и отречению царя. А затем Россия, не приспособленная жить в условиях демократии, рухнет. И был человек, который, по мнению Парвуса, мог бы это осуществить, - Ленин, лидер большевиков. По Парвусу, революция в России – это, прежде всего, бизнес, а для этого нужен первоначальный капитал. Парвус отмечал, что помощь должна достаться прежде всего большевикам: только они способны поднять массы на революцию. Такая оценка немногочисленной, загнанной в подполье партии, лидеры которой прозябали в эмиграции, – еще одно доказательство прозорливости Доктора Слона. По его мнению, финансировать лидирующую партию радикальной оппозиции – эсеров, нет смысла. Они и так столь обеспечены и популярны, что считают себя вправе диктовать условия, а не подчиняться таковым. Большевики – наоборот, следовательно, они управляемы.

Грандиозность его хитроумного плана была в том, чтобы разрушить оборонное сознание. Тысячи оплаченных им журналистов и даже депутатов Государственной Думы злорадствовали по поводу поражения собственной армии, во время успешных наступлений кричали, что война «позорна и бессмысленна». Он стал первым автором по политтехнологии по превращению отечественной войны в гражданскую. Развал Российской империи изнутри был также центральным пунктом в плане Парвуса. Никогда еще Германия не имела такого эксперта по России, который так знал все ее слабости. В период Первой мировой войны Германия вынуждена была сражаться на два фронта, что почти исключает благоприятный исход. В этих условиях выведения России из войны и концентрация сил на западном фронте, где воевали союзники России: Англия и Франция выглядело шансом на победу. Неудивительно, что для руководства кайзеровской Германии этот план по разрушению России изнутри был просто подарком судьбы.

В своем меморандуме А. Парвус постоянно ссылался на опыт первой русской революции 1905 г. Это был его личный опыт, который немецкие чиновники оценили по достоинству. Парвуса назначили главным консультантом кайзера по России. Германия сделала

ставку на внутренние беспорядки в стране противника. Тогда же ему выделяют первый транш – миллион золотых марок. Потом последуют новые миллионы «на революцию» в России. А. Парвус начал издавать в Мюнхене журнал с герценовским названием «Колокол» (Die Glocke).

А. Парвус указал, что его план «может быть осуществлен только русскими социал-демократами, радикальное крыло которых под руководством В. Ленина является наиболее предпочтительным». По воспоминаниям А. Парвуса, В. Ленин, «длительно проживая в Швейцарии, слабо представлял реальную социально-политическую ситуацию в России и целыми днями просиживал в библиотеках Берна, изучая опыт французской революции. Я развил ему свои взгляды. Революция в России возможна только при условии победы Германии». Большинство исследователей датируют встречу В. Ленина с А. Парвусом 14 мая 1915 г. Затем А. Парвус отправился в столицу Дании – нейтральной страны в годы Первой мировой войны. В Копенгагене им был создан оффшор для отмывания немецких денег, выделенных для партийной кассы большевиков. Он был представлен в виде коммерческой экспортно-импортной компании. Из этой конторы, под видом деловых партнеров, в Россию отправлялись представители для создания подпольной революционной сети. А. Парвус осуществлял связь с В. Лениным через Якова Ганецкого, который после успеха большевиков станет заместителем главного комиссара государственного банка советской России. Деятельность Я. Ганецкого по контрабанде оружием стала причиной его ареста и высылки из страны. Тогда А. Парвус открыл в Копенгагене институт изучения социальных последствий войны, среди сотрудников которого был А. Зурабов и М. Урицкий. Они наладили для А. Парвуса работу агентов-курьеров. Среди них были Л. Красин и В. Варовский, входившие в ближайшее окружение Ленина. В советской России Л. Красин станет народным комиссаром торговли и промышленности, а В. Варовский станет полпредом в Швеции.

А. Парвус являлся первооткрывателем того, что современные специалисты по PR-технологиям называют прикрывающими организациями, которые занимались не тем, чем официально объявляли. «Работа в этих организациях была так хорошо поставлена, что часто даже люди, работающие в организации, не знают, что за всем этим стоит германское правительство» [4, с. 46].

Революция фактически мобилизовала русских на разрушение своей страны. А. Парвус уделял внимание «Спилке вызволения Украины», оказывая сепаратистской организации «практическую помощь». Революция активно плела свои сети и в масонских ложах, готовя в их среде будущее Временное правительство. По Парвусу, днем начала революционных событий в России должно было стать 22 января 1916 года. В этот день 45 тысяч рабочих выходят на забастовку в Петрограде в память о «кровавом воскресенье». Еще 10 тысяч начинают бастовать в Николаеве. Обе акции оплачены Парвусом – каждый день забастовки стоит немцам полторы марки на человека в день. Бизнесмен от революции, кажется, сделал все, что мог, но огонь не перебросился, как он рассчитывал, на другие фабрики и заводы. Страна до взрыва еще не созрела.

На него и на Ленина работает война и все более обостряющаяся ситуация в России. Так и приходит февраль 1917 года. Со стороны МИДа Германии вновь возник интерес к Парвусу после февральской революции. Надо было спешить. Временное правительство продолжило войну с Германией, подтвердив союзнические обязательства перед Францией и Англией. Финансирование для Парвуса снова увеличено. Парвус сумел убедить германского министра иностранных дел Брокдорфа в том, что нужно ускорить и спонсировать приход большевиков к власти. В дальнейшем, марксисты уступят Германии все, что только можно. Граф в свою очередь вложил эту идею в голову начальника генштаба Эриха фон Людендорфа. Троцкий позже писал: «Со стороны Людендорфа это была авантюра, вытекавшая из тяжкого военного положения Германии» [1, с. 54]. Парвусу выделили еще пять миллионов марок, и он тут же начал через ленинского посредника Ганецкого переговоры с лидерами большевиков.

Будущим пассажирам знаменитого «пломбированного вагона» Ленин отметил, что ни в коем случае нельзя покупать билеты на немецкие деньги, поскольку их частным образом купил Парвус. Всего в «пломбированном» вагоне разместилось 33 человека. Они подписали обещание не выходить из вагона и не общаться с немцами, но на всякий случай три из четырех дверей были опломбированы. 9 апреля вагон отправился в путь из Цюриха и почти без остановок добрался до станции Засниц, где пассажиры пересели на паром и 13 апреля высадились в Швеции. На пристани их встретил

большевик Ганецкий, передал просьбу Парвуса о встрече. Но Ленин отказался, послав вместо себя Радека. Через него Парвус напомнил Ленину о необходимости ведения мирных переговоров. Только в этом случае, из Германии через Сибирский торговый и Русско-азиатский банки в Петрограде будут поступать средства для большевиков. Радек, от имени Ленина, заверил, что поле прихода к власти большевиков, заключение мира с Германией гарантировано [7, с. 178].

В день приезда Ленина в шведской газете «Политикен» появилась фотография Ленина с подписью: «Вождь русской революции». К этому времени Ленин уже десять лет пробыл вне России — в эмиграции, и на родине его едва ли кто-нибудь помнил, так что подпись эта была абсолютно абсурдна. Но впечатление статья произвела. По заданию Парвуса Яков Ганецкий срежиссировал грандиозную встречу Ленина на Финляндском вокзале в Санкт-Петербурге: с оркестром, цветами, броневиком и матросами-балтийцами. В Берлин ушла срочная шифровка: «Въезд Ленина в Россию удался. Он работает полностью по нашему желанию» [4, с. 349]. Щедрое финансирование большевистской партии привело к тому, что число ее членов увеличилось за период февраль-сентябрь 1917 с 5000 до 350 000 человек. Была создана платная Красная гвардия, бойцы которой получали обеспечение в 8 раз превосходившее жалование русского офицера.

В июле 1917 года с санкции Керенского были обнародованы документы, из которых явствовало, что Ленин и его партия регулярно получают деньги от немецкого правительства. Эти документы — многочисленные телеграммы Ганецкого, содержание которых было подобно отчету об организованных антиправительственных выступлениях. Свидетелями были рядовые участники этих мероприятий, которые при допросе указали, что «большевики платили за забастовочный день больше, чем за рабочий. За участие в демонстрации и выкрикивании лозунгов — от 10 до 70 рублей. За стрельбу на улице — 120-140 рублей» [2, с. 155].

Ленин был обвинен в организации беспорядков против законной власти и в шпионаже в пользу Германии. Чтобы спасти вождя, Центральный Комитет принял решение о переходе Ленина на нелегальное положение. 7 июля 1917 года вождь пролетариата покинул Петроград, в течение дня он скрывался в шалаше на станции Разлив,

а затем был переправлен в Финляндию. Парвуса также привлекли в качестве обвиняемого, но у него было немецкое гражданство, и Германия отказалась выдавать своего подданного. Парвус в своём берлинском издательстве выпустил брошюру под названием «Мой ответ Керенскому и компании»: «Я всегда, – писал Парвус, – всеми имеющимися в моём распоряжении средствами поддерживал и буду поддерживать российское социалистическое движение. Скажите вы, безумцы, почему вас беспокоит, давал ли я деньги Ленину? Ни Ленин, ни другие большевики, чьи имена вы называете, никогда не просили и не получали от меня никаких денег ни в виде займа, ни в подарок...» [5, с. 176]. Но ему не поверили. По невыясненным до сих пор причинам, следователю М. Александрову приказали прекратить дело.

Между тем, Временным правительством планировалось подписание сепаратного мира с Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией, но не с Германией. Была назначена дата на 8-9 ноября. Такой вариант развития событий лишил Ленина его главного козыря в борьбе за власть. «Промедление смерти подобно! Теперь все висит на волоске!» – истерично заклинал Ленин. 25 октября (7 ноября по новому стилю) произошел незаконный захват власти большевиками. 26 октября Парвус был принят в МИДе Германии, где заявил, что положение большевиков непрочное и необходимы 15 млн. марок на пропаганду. Ленин и Троцкий стали вождями, которые вынуждены были подписать позорный договор со спонсором революции – Германией. Условия договора предусматривали около миллиона отторгаемых квадратных километров. Такой была расплата за власть.

Парвус собирался получить контроль над банками в Советской России. Он приехал в Стокгольм и попросил у большевистских эмиссаров разрешения приехать в Россию. Ленин не без удовольствия отказал, передав Парвусу, что запрещает ему появляться в России и что «революцию нельзя делать грязными руками». На этом роль Доктора Слона в русской истории закончилась – тот, кто казался многим всемогущим кукловодом, сам оказался куклой.

После революции в Германии, отданные в Бресте земли вернулись в Россию. Это пресекло на корню новый проект Парвуса: выпуск и распространение на оккупированной территории журналов и газет, разъясняющих политику немецкого правительства. Впрочем, выделенные на это 20 миллионов марок вкуче с доходами от про-

шлых предприятий позволили ему безбедно провести остаток жизни. В 1918 году Александр Лазаревич купил виллу на берегу Цюрихского озера, но скоро швейцарские власти выдворили его как «агента большевиков». В итоге он поселился в Шваненвердере на озере Ванзее близ Берлина – по иронии судьбы там, где 22 года спустя нацисты приняли решение о поголовном уничтожении евреев... Жизнь, проведенная так бурно, подходила к концу – он страдал от целого букета заболеваний, которые усугубил душевный кризис. В тоске он писал одному из друзей: «Окружающий мир полон ненависти. Вся эта мерзость угнетает меня прежде всего потому, что я оказался за бортом интеллектуальной жизни. Мне необходимы перемены, мне нужна жизнь, но вокруг я вижу лишь упадок и разложение». В другой раз он самокритично назвал себя «Мидасом наоборот: все, к чему я прикасаюсь, превращается в дерьмо» [1, с. 312]. Разочарование в жизни, впрочем, не помешало ему по своей привычке обзавестись на новом месте новой любовницей. Это была молодая баварка, нанявшаяся к нему в секретарши; она родила Парвусу дочь Эльзу, а незадолго до смерти он женился на ней и завещал все свое имущество. 12 декабря 1924 года Александр Гельфанд-Парвус скончался от сердечного приступа. На похоронах в Вильмерсдорфском крематории собралось не больше 50 человек.

Его единственный законнорожденный сын, взявший псевдоним Евгений Гнедин, работал в то время в Наркомате иностранных дел СССР. Там же он был арестован в 1938 г. После реабилитации, он был отправлен в командировку в Германию. Адвокаты помогли получить солидное наследство, которое он полностью передал советскому государству. Другие родственники Парвуса бесследно сгинули в бурях XX века.

Таким образом, Парвус сделал из Ленина политического лидера самой большой страны мира теми же методами, что продюсер делает из ординарного певца звезду эстрады. В обоих случаях нужны прежде всего деньги. Однако, считая Ленина недалеким догматиком и надеясь использовать его в своих целях, Парвус начисто проиграл ему борьбу за власть. Ильич использовал его идеи, его организационные способности, его деньги — и закрыл перед ним дверь российской политики.

Использованная литература

1. Бунич И. Золото партии: историко-публицистическое исследование /И. Бунич. – Киев: А. С. К., 2000. – 349 с.
2. Волкогонов Д.А. Ленин: политический портрет: в 2 кн. Кн 1. – М: Новости, 1994. – 410 с.
3. Земан З. Кредит на революцию: план Парвуса / З. Земан. – М.: Центрполиграф, 2007. – 317 с.
4. Катков Г.М. Февральская революция / Г.М. Катков – М.: Центрполиграф, 2006. – 477 с.
5. Соколов Б.В. Парвус. Деньги и кровь революции / Б.В. Соколов – М: Вече, 2016. – 285 с.
6. Солженицын А. Ленин. Цюрих-Петроград: Главы из книги «Красное колесо» - Екатеринбург: Издательский центр У. Фактория, 2001. – 410 с.
7. Хереш Элизабет Купленная революция: тайное дело Парвуса / Элизабет Хереш. – М.: Олма-пресс, 2005. – 378 с.
8. Парвус А. Л. В рядах немецкой социал-демократии / А. Л. Парвус – СПб.: Н. Глаголев, 1907. – 260 с.
9. Парвус А. Л. Колониальная политика и крушение капиталистического строя / пер. Е. Грац, А.Л. Парвус. – СПб.: Новый мир, 1998. – 226 с.
10. Парвус, А.Л. Россия и революция / А.Л. Парвус. – М.: URSS: Леонад, 2015. – 264 с.

ПРОФСОЮЗЫ БЕЛАРУСИ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 Г.: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Дубовик А. К.

г. Минск, БНТУ

Первые профсоюзы стали создаваться в Беларуси еще в конце XIX века. Однако массовым профсоюзное движение стало лишь после Февральской революции 1917 г. [1; 2].

История профсоюзного движения в период революционных событий 1917 г. впервые получила отражение в 1923 г. в монографии «Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику» слушателя Института красной профессуры, впоследствии крупного ученого и общественного деятеля А.М. Панкратовой. Главы 6

и 7 книги посвящены участию фабзавкомов в революционной борьбе в 1917 г. [3]. В 1927 г. увидели свет исследования А.М. Панкратовой «Политическая борьба в российском профдвижении 1917–1918 гг.» и «Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 года» [4; 5]. Однако в них не приводятся фактические данные, касающиеся деятельности рабочих организаций на территории Беларуси.

Ряд материалов, подготовленных истпрофовскими комиссиями при профсоюзных органах, был опубликован в 1927 г. в журнале «Прафесіянальны рух Беларусі», в том числе статья заведующего орготделом ЦСПСБ Л.Б. Каплана [6]. Отдельные факты по истории профсоюзного движения в 1917 г. приводятся и в других журнальных публикациях [7].

В 1957 г. в сборнике «Профсоюзы в борьбе за победу социалистической революции», изданном в Москве к 50-летию Октября, в числе других была помещена статья белорусского историка А.М. Михайлова о деятельности профсоюзов Беларуси в период 1917 г. [8]. Организация и деятельность профсоюзов и фабзавкомов Беларуси в мирный период развития революции, их участие в борьбе за установление и упрочение советской власти показана и в брошюре этого же автора [9]. Вместе с тем тема не получила всестороннего и глубокого освещения из-за небольшого объема брошюры.

Солідные работы по истории Октября и об участии профсоюзов и фабзавкомов России в борьбе за советскую власть были созданы в 1960–1970-е гг. доктором исторических наук А.Г. Егоровой, однако написаны они в основном на материалах центральных российских регионов, факты по Беларуси в них почти не приводятся [10; 11; 12]. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти в Беларуси получила глубокое освещение в работах Н.В. Каменской, И.М. Игнатенко и других белорусских историков, но деятельность профсоюзов в них рассматривается вскользь, основное внимание уделено борьбе партии большевиков за установление Советской власти [13; 14; 15; 16].

Более широкое отражение проблема деятельности профсоюзов Беларуси в 1917 г. нашла в 1964 г. в монографии В.Г. Гневко [17]. Автор использовала большое количество документальных источников и подробно проанализировала деятельность профсоюзов Беларуси в феврале 1917–1918 гг. В книге рассказывается об организации профсоюзов и фабзавкомов и их роли в экономической и поли-

тической борьбе в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Много места отведено борьбе за установление и упрочение советской власти, участию профсоюзов в формировании нового государственного аппарата, организации рабочего контроля, их борьбе с безработицей, продовольственными трудностями, деятельности профсоюзов в 1918 г. на оккупированной немцами территории Беларуси. Большое внимание автор уделила критике бундовцев, меньшевиков, эсеров и других партий в профсоюзном движении, такой подход доминировал в исторической литературе того времени, когда единственно верными считались позиция и курс партии большевиков. По данной теме В.Г. Гневко была защищена докторская диссертация [18]. Участие рабочего класса и профсоюзов в борьбе за социализм нашло освещение также в монографии Н.Е. Завалева [19].

Знаменательным событием в историографии профсоюзов республики явился выход из печати в 1970 г. под редакцией председателя Белсовпрофа И.Н.Макарова коллективного труда «Очерки истории профсоюзов Белоруссии (1905–1969 гг.)», первого исследования, в котором дается хронологическое освещение истории деятельности профсоюзов республики [20]. Авторами книги стали ученые, занимавшиеся изучением истории Беларуси. Глава о событиях 1917 г. написана В.Г. Гневко.

История профсоюзного движения в 1917 г. нашла определенное освещение в ряде коллективных трудов по истории Беларуси, из которых следует, прежде всего, выделить третий том пятитомной «Гісторыі Беларускай ССР» (1973) и второй том «Истории рабочего класса Белорусской ССР» в четырех томах [21; 22]. В последней работе приводится немало фактических сведений, относящихся к истории профсоюзов как массовой организации, родившейся в среде рабочего класса. Основные вехи исторического пути профсоюзного движения, в том числе в 1917 г., дает возможность проследить обобщающая статья «Профессиональные союзы» в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» [23].

Новые подходы в изучении истории нашли место в «Нарысах гісторыі Беларусі» в двух частях [24]. Деятельность профсоюзов после Февральской революции получила отражение в работах доктора исторических наук Н.Е. Семенчика [25; 26]. Автор отмечает, что руководящие позиции в профсоюзном движении

Беларуси в 1917 г. занимал Бунд. Его члены инициировали создание в городах центральных бюро профессиональных союзов и возглавили их. Часть профсоюзов находилась под влиянием большевиков, меньшевиков, эсеров. В ряде профсоюзов преобладали поалейционисты и социалисты-сионисты.

В 2004 г. Федерацией профсоюзов Беларуси отмечалось 100-летие профсоюзного движения Беларуси. В выступлении на торжественном собрании, посвященном этому событию, Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко подчеркнул: «Важнейшим переломным моментом в развитии профсоюзного движения стал 1917 год. Тогда кардинальным образом изменился характер и направления деятельности этой массовой организации. От революционного противостояния с прежними властями она перешла к совместной созидательной деятельности и конструктивному партнерству с новой властью, которая важнейшим своим принципом объявила социальную справедливость и защиту прав трудящегося человека» [27, с. 91].

В связи с юбилеем профсоюзов Беларуси была подготовлена коллективная монография «История профсоюзного движения Беларуси», подраздел 2.1 второй главы которой освещает возрождение и развитие профсоюзного движения после Февральской революции, участие профсоюзов в Октябрьской революции и проведении революционных преобразований в конце 1917 г. [28, с.32-46].

В монографии показано, что после победы Февральской буржуазно-демократической революции впервые сложились благоприятные условия для развития профсоюзного движения в Беларуси. Во второй половине марта в Минске не было дня, чтобы на одном или другом предприятии не созывались собрания рабочих по организации профсоюзов. Как грибы после теплого дождя росли профсоюзы и в других городах. В июне 1917 г. в белорусских губерниях функционировали уже 126 профсоюзов, объединявших 35 тыс. рабочих и служащих. Профсоюзами в Витебске, Могилеве, Минске, Гомеле, Полоцке, Шклове, Орше руководили центральные бюро, в которые входили представители от правлений профсоюзов [28, с. 33, 38].

Важным этапом в развитии профессионального движения в стране стала III Всероссийская конференция профсоюзов, которая состоялась в Петрограде 21–28 июня 1917 г. и избрала ВЦСПС. Своих представителей на конференцию направили и профсоюзы Белоруссии: двух из Гомеля и по одному из Минска и Витебска.

Из четырех делегатов трое были бундовцами, что свидетельствовало о преобладании их в правлениях и центральных бюро профсоюзов края [28, с. 39].

Особенностью профсоюзного движения в 1917 г. явилось создание наряду с профсоюзами фабрично-заводских комитетов (ФЗК). Они избирались на общих собраниях рабочих и служащих предприятий и позволяли объединить всех рабочих на предприятии независимо от их профессиональной принадлежности. В числе первых ФЗК были образованы в марте на папиросной фабрике и механическом заводе «Молот» в Минске, заводе путей сообщения в Новобелице [28, с. 39].

Показано, что профсоюзы и фабзавкомы развернули упорную борьбу за установление 8-часового рабочего дня. Уже в течение марта-апреля он был введен на большинстве предприятий Минской, Витебской и Могилевской губернии. Одновременно пролетарские организации активно выступали за пересмотр расценок труда и повышение заработной платы. При правлениях ряда профсоюзов и фабзавкомов были образованы специальные расценочные комиссии, которым поручалось подготовить новый тариф. В Гомеле добились подписания тарифного договора с предпринимателями. Профсоюзы и ФЗК организовывали забастовки рабочих, создавали специальные стачечные фонды. По неполным данным в течение марта – июня 1917 г. в Беларуси состоялось около 60 забастовок. Как правило, они заканчивались победой рабочих. Немало сделали профсоюзы и фабзавкомы в первой половине 1917 г. по борьбе с безработицей. Они проводили учет безработных, создавали на предприятиях специальные фонды в помощь безработным. На отдельных предприятиях Беларуси в этот период устанавливается рабочий контроль над производством. Осуществление его проявлялось в участии фабзавкомов и профсоюзов в организации внутреннего распорядка предприятий, в регулировании размеров заработной платы, в решении вопросов найма и увольнения работников, обеспечения предприятий сырьем и топливом.

Вместе с тем усиливалась межпартийная борьба в профсоюзном движении. Росло влияние большевистской партии на пролетарские организации. Однако другие партии стремились ограничить борьбу пролетариата постановкой узкоэкономических вопросов. После июльских событий в Петрограде закончился мирный период разви-

тия революции. В этих условиях массовые организации рабочего класса выступили против разгула реакции. По призыву большевиков профсоюзы и фабзавкомы совместно с революционными солдатами Западного фронта решительно встали на отпор корниловскому мятежу, послали в отряды Красной гвардии передовых рабочих.

Осенью 1917 г. профсоюзы и фабзавкомы Беларуси вели упорную борьбу за экономические и политические права рабочих. Важной вехой на пути мобилизация сил рабочего класса на социалистическую революцию стала I Всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов, состоявшаяся 17–22 октября 1917 г. в Петрограде. В работе ее приняли участие и два представителя фабзавкомов Минска и Гомеля. Большинство делегатов шло за большевиками. В принятой резолюции «О текущем моменте» подчеркивалась необходимость перехода власти в руки Советов [28, с. 43].

В книге показано, что профсоюзы и фабзавкомы Беларуси внесли значительный вклад в дело подготовки и проведения социалистической революции, приняли активное участие в борьбе за упрочение советской власти, в проведении первых социалистических преобразований, создании нового советского аппарата в Беларуси. Поддержку победы вооруженного восстания в Петрограде выразили и многие профсоюзы, и фабзавкомы Беларуси. Что касается центрального бюро профсоюзов Минска, то оно с организацией самозванного «Комитета спасения революции» послало туда своего представителя – бундовца Переля. На собрании профсоюзов и фабзавкомов Минска 31 октября руководители центрального бюро выступили против Советов. Однако присутствовавшие на собрании большевики подвергли критике соглашателей, призвали профсоюзы и фабзавкомы сплотиться вокруг Советов и довести революцию до победного конца. По настоянию большевиков на состоявшемся 2 ноября 1917 г. заседании центрального бюро профсоюзов Минска после долгих прений было решено отозвать представителя из «Комитета спасения революции». Но и после этого соглашатели из бюро профсоюзов практически не признавали советскую власть, выступали против участия представителей от профсоюзов в Военно-революционном комитете. Однако центральное бюро профсоюзов Минска не выражало настроения основной массы рядовых членов профсоюзов. Об этом свидетельствовал хотя бы такой факт, что заседание центрального бюро

4 ноября, где принималась резолюция о неучастии в ВРК, покинули представители 9-ти профсоюзов города. Они не хотели своим присутствием поддерживать решение, направленное против советской власти. В конце ноября 1917 г. был образован исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта (Облискомзап). В его составе было 17 представителей от профсоюзов [28, с. 44].

В последнее десятилетия опубликованы также коллективные труды по истории профсоюзов отдельных областей республики (Витебской, Могилевской). В них приводятся и краткие сведения о деятельности профсоюзов этих регионов в 1917 г. [29; 30]. Участие профсоюзов в революционном движении в 1917 г. нашло определенное отражение и в четвертом и пятом томах шеститомной «Гісторыі Беларусі», в разделах, написанных соответственно С.С. Рудовичем и И.М. Игнатенко [31; 32].

Важным событием стал выход в свет в 2011–2012 гг. двухтомной энциклопедии «Профессиональные союзы Беларуси», в многочисленных статьях которой освещены и проблемы истории профсоюзов, приведены биографические сведения о профсоюзных деятелях [33]. Энциклопедия подготовлена большим авторским коллективом. Однако отдельная статья о деятельности профсоюзов в 1917 г. в ней отсутствует.

Таким образом, участие профсоюзов Беларуси в революционных событиях 1917 г. получило достаточно широкое отражение в многочисленных публикациях. Вместе с тем требуется дальнейшее глубокое исследование проблемы с учетом новых подходов в исторической науке, в том числе в оценке Февральской и Октябрьской революций 1917 г.

Литература

1. Дубовик, А.К. Первые шаги / А.К. Дубовик // Человек и экономика. – 1990. – № 6. – С. 28–30.
2. Дубовик, А.К. Из истории возникновения профсоюзов Беларуси (конец XIX – начало XX вв.) / А.К. Дубовик // Труд. Профсоюзы. Общество, 2003. – № 2. – С. 4–11.
3. Панкратова, А.М. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику / А.М. Панкратова; под ред. М.Н. Покровского. – М: Красная новь, 1923. – 432 с.

4. Панкратова, А.М. Политическая борьба в российском профдвижении 1917–1918 гг. / А.М. Панкратова. – Л., 1927. – 146 с.
5. Панкратова, А.М. Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 года / А.М. Панкратова. – М; Л., 1927.
6. Каплан, Л.Б. В период Октября и гражданской войны / Л.Б. Каплан // Прафесіянальны рух Беларусі. – 1927. – № 5. – С. 12-14.
7. Кроник, Я. Октябрь и профессиональное движение / Я. Кроник // Полесский коммунар. – 1926. – № 20. – С. 19–24.
8. Михайлов, А. Профсоюзы Белоруссии – активные участники Великой Октябрьской социалистической революции / А. Михайлов // Профсоюзы в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. – М.: Профиздат, 1957. – С. 174–197.
9. Міхайлаў, А.М. Прафсаюзы Беларусі ў перыяд падрыхтоўкі і правядзення Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі / А.М. Міхайлаў. – Мн.: Дзяржвыд БССР. Рэд. паліт. літ., 1957. – 45 с.
10. Егорова, А.Г. Профсоюзы и фабзавкомы в борьбе за победу Октября. Март – октябрь 1917 г. / А.Г. Егорова. – М., 1960.
11. Егорова, А.Г. Профсоюзы России в 1917 г. / А.Г. Егорова. – М.: Профиздат, 1977. – 184 с.
12. Егорова, А.Г. Партия и профсоюзы в Октябрьской революции / А.Г. Егорова. – М.: Мысль, 1970. – 368 с.
13. Победа Советской власти в Белоруссии / Редкол.: И.И. Минц и др. – Минск: Наука и техника, 1967. – 506 с.
14. Каменская, Н.В. Вялікая Кастрычніцкая рэвалюцыя і ўтварэнне БССР / Н.В. Каменская. – Мн.: Выд-ва АН БССР, 1954. – 183 с.
15. Ігнаценка, І. Кастрычнік у Беларусі / І. Ігнаценка. – Мн.: Беларусь, 1967. – 223 с.
16. Ігнаценка, І.М. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі: асаблівасці і вынікі / І.М. Ігнаценка. – Мінск: БелНДЦДААС, 1995. – 270 с.
17. Гневко, В.Г. Профсоюзы Белоруссии в борьбе за власть Советов (март 1917–1918 гг.). / В.Г. Гневко. – Минск: Наука и техника, 1964. – 209 с.
18. Гневко, В.Г. Рабочий класс Белоруссии и его профессиональные союзы в борьбе за завоевание и укрепление Советской власти (март 1917 – январь 1919 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / В.Г. Гневко; АН БССР, Отделение обществ. наук. – Мн., 1969. – 65 с.

19. Завалеев, Н.Е. Рабочий класс Белоруссии в борьбе за социализм (1917–1932 гг.) / Н.Е. Завалеев. – Мн.: Наука и техника, 1967. – 314 с.
20. Очерки истории профсоюзов Белоруссии (1905 – 1969 гг.). – Минск: Беларусь, 1970. – 474 с.
21. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. / рэдкал. І.Я. Марчанка [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1973. – Т. 3. – 696 с.
22. История рабочего класса Белорусской ССР: В 4-х т. Т. 2. Рабочий класс БССР накануне и в годы Великой Октябрьской социалистической революции и построения социализма (1917–1937). – Минск, 1985. – 488 с.
23. Беланоўскі, М. Прафесійныя саюзы / М. Беланоўскі, В. Космач, І. Мандрык // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск: БелЭн, 1999. – Т. 5. – С. 569–572.
24. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд) і інш. – Мінск: Беларусь, 1995. – Ч. 2. – 560 с.
25. Сяменчык, М.Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцыі рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.). – Мінск, 2001. – Ч. 1. Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму / М.Я. Сяменчык. – Мінск: БДПУ, 2001. – 200 с.
26. Сяменчык, М.Я. Да пытання аб дзейнасці прафесійных саюзаў пасля Лютаўскай рэвалюцыі (сакавік – кастрычнік 1917 г.) / М.Я. Сяменчык // Профсоюзы в социально ориентированной рыночной экономике. – Мн., 2004. – С. 54-55.
27. 100 лет профсоюзному движению Беларуси: Документы и материалы. – Минск: ФПБ, 2004. – 240 с.
28. История профсоюзного движения Беларуси / П.Г. Давидюк, А.К. Дубовик [и др.] / Под ред. Л.П. Козика. – Минск: ФУАинформ, 2005. – 416 с.
29. Агеев, А.Г. Профсоюзное движение Могилевщины / А.Г. Агеев, И.А. Пушкин. – Могилев, 2005. – 216 с.
30. Очерки истории профсоюзов Витебщины / сост. И.К. Возмитель, И.В. Мандрик; редкол.: И.В. Мандрик [и др.]. – Витебск, 2015. – 504 с.
31. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII ст.–пачатак XX ст.). – Мінск: Экаперспектыва, 2005. – 518 с.

32. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2007. – 613 с.

33. Профессиональные союзы Беларуси: энциклопедия в 2 т. / ФПБ; под общей ред. Л.П. Козика. – Минск: МИТСО, 2011. – Т. 1. – 895 с.; 2012. – Т. 2. – 895 с.

ИДЕИ РЕВОЛЮЦИИ И СТРОИТЕЛЬСТВА НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ИСКУССТВЕ КОНСТРУКТИВИЗМА

Кедрик Т. В.

г. Минск, БНТУ

Октябрьская революция 1917 года знаменовала собой радикальную смену социальных и культурных координат. В основе революционной трансформации лежали идеи изменения не только государственного устройства, экономической системы, но и культурных норм, ценностных ориентаций, образцов поведения, моделей мышления и т.д. Неудивительно, что сфера художественной культуры стала предметом революционных экспериментов. Русское авангардное искусство стало основным выразителем революционных идей в искусстве.

Авангард, воинственно настроенный по отношению к «старым» культурным формам, воспринял революцию в родственном ключе – как разрыв с прошлым. Авангардисты считали себя революционерами в искусстве, теперь они получили возможность продолжить эксперимент на более широком поле и трансформировать свои творческие принципы в программу реального преобразования жизни. Революцию осознали как освобождение, приняли и выразили готовность ей служить поэты Н. Асеев, Д. Бурлюк, В. Маяковский, В. Каменский, А. Крученых, Б. Пастернак, С. Третьяков, В. Хлебников и др., художники Н. Альтман, И. Клюн, К. Малевич, Л. Попова, А. Родченко, В. Степанова, В. Татлин, теоретики искусства Б. Арватов, О. Брик, Б. Кушнер, режиссеры В. Мейерхольд, И. Терентьев и др. Их искусство, сохраняющее экспериментальную авангардную составляющую, стали называть «левым».

Революционное «левое» искусство, видевшее своей главной задачей изменение социальной реальности, нашло наиболее яркое воплощение в конструктивизме и производственничестве – течениях, которые были ведущими в советском искусстве первое послереволюционное десятилетие.

Конструктивизм являлся одним из центральных направлений русского авангарда. На его формирование оказали влияние идеи беспредметности в искусстве, преобладающие в творческих концепциях К. Малевича, В. Татлина, А. Родченко и других художников авангарда. Сущность идеи беспредметности заключалась в изъятии из искусства, прежде всего из живописи, объекта, предмета изображения как такового и сосредоточение на свете и цвете, то есть на формальной организации материала. Это было движение протеста против классического искусства, предметами изображения которого были событие, вещь, человек, против искусства музеев и вернисажей. «Беспредметная живопись ушла из музеев, ее место – это улица, площадь, город и весь мир» [8, с. 93]. Творцы-беспредметники считали, что когда из искусства уходит предмет и предметный сюжет, оно как бы лишается внешней темы и вперед выдвигается то, что всегда составляло его внутреннюю проблему – целостность произведения, проблема целостности.

Основным пафосом авангарда становится «требование перехода от изображения мира к его преобразению» [5, с. 10]. Конструктивизм, будучи частью авангарда, полностью разделяет этот пафос. «Жизнь, сознательная и организованная, умеющая видеть и конструировать, есть современное искусство» [10, с. 40].

Реальные исторические условия стали благодатной почвой для реализации идей конструктивизма. Эта ситуация была воспринята художниками не только как несомненное подтверждение теоретических конструкций и художественных интуиций, но и как единственный в своем роде исторический шанс их тотальной практической реализации. По мнению художников авангарда, чтобы построить новый мир, необходимо до основания разрушить старый, дойти до той нулевой точки, с которой можно начать строительство. Именно такая точка была достигнута в России после революции и первых двух лет Гражданской войны. А. Белый писал: «Победа материализма в России привела к полному исчезновению в ней всякой материи» [цит. по: 5, с. 25].

Главной своей задачей конструктивисты видят уничтожение искусства как обособленной сферы эстетической деятельности человека, и презентацию в качестве искусства самой жизни. Социальное творчество – главная черта «нового искусства». Конструктивисты заявляют, что революционность – это непрерывное творение, которое не должны останавливать никакие рамки. «Будьте творцами! Как творец-бунтарь, я говорю вам всем, еще способным разрушить, уничтожить все старое, все изжившее, все мешающее, все умирающее, все лишнее, все поработашающее, угнетающее нас. Вам, стоящим у власти, вам, победителям, говорю: не останавливайтесь на пути революции, идите вперед и, если вам помешают в творчестве жизни рамки ваших партий, договоров, разрушьте их, будьте творцами, не бойтесь потерять что-либо, ибо дух разрушающий есть дух созидающий, и ваше революционное шествие даст вам силы творческой изобретательности и ярким будет ваш путь творчества революции» [8, с. 62]. Конструктивисты были, по сути, первыми практиками искусства, кто заявлял, что порывает со «спекулятивной» эстетической деятельностью и ищет «социально-целесообразные формы художественного труда».

Вся жизнь и человек вместе с его внутренним миром становится лишь частью материала, который подлежит упорядочиванию. Формируется «производственный» подход к искусству. В связи с этой концепцией возникают два образа художника, два пути, по которым может идти творец-революционер. Первый – путь «художника-производственника», иначе проектировщика, «который стал именоваться конструктором, так как он сознательно делал акцент на организационно-конструктивно-изобретательской стороне творчества» [10, с. 65]. Второй, дополнительный к первому, – путь «художника-политика», агитатора, пропагандиста. Перед художником ставились задачи прямого идеологического воздействия. Он должен выступать как «генератор агитационной энергии». «Доказывать, убеждать, пропагандировать – активно, нарочито, сознательно, строя художественную форму в процессе сознательного достижения сознательно же поставленных задач» [10, с. 65]. Мастерство художника – это, прежде всего, вопрос квалифицированности в организации материала. Художником можно быть в чем угодно: в политике, науке, инженерном деле, в текстильной мастерской и так далее. Жизнь и искусство сводятся воедино.

Основным идейным рупором конструктивизма становится журнал «ЛЕФ» (с 1927 «Новый ЛЕФ»), на страницах которого утверждались идеалы нового искусства. Конструктивизм ратовал за дестанковизацию искусства – разрушение конвенций классического искусства с его правилами построения композиции, сюжетностью, которые не отвечает требованиям культурной революции. «Станковая картина, как объект внеутилитарного любования, постепенно теряет потребителя. Кроме того, будучи рассчитанной на продолжительное существование и неповторимость в оригинале, она не может служить целям массовой агитации» [3, с. 34]. Антиэстетизм конструктивистов заключался в ниспровержении эстетических идеалов предшествующей культуры. Они выступают против толкования искусства как творческого акта, против тяги к человеку «нутра», стихий, эмоций в противовес человеку рациональному, человеку расчета. «Творчество», «интуиция», «вдохновение» подвергаются злостному осмеянию, их заменяют терминами «работа», «мастерство», «ремесло», «пример», «техника», «делание вещей». «ЛЕФ» ставит под знак сомнения все искусство в его эстетико-одурманивающей функции. «ЛЕФ» за выработку методов точной фиксации фактов» [12, с. 3].

Революционность и новаторство своего творчества конструктивисты видят, прежде всего, в форме. Вопрос «что изображать» заменяется вопросом «как изображать». «Революция в фотографии состоит в том, что снятый факт, благодаря качеству – «как снято», действовал настолько сильно и неожиданно всей своей специфичной для фотографии ценностью, что можно было не только конкурировать с живописью, а показывать всякому новый, совершенный способ раскрывать мир в науке, технике и в быту современного человечества» [8, с. 200].

Критикуя классическое искусство как устаревшее, несоответствующее потребностям времени, конструктивисты выводят на первый план такие новые виды искусства как фотографию и кино. Именно они соответствуют потребностям «художника-политика», задача которого состоит в точной документальной фиксации факта реальности, процесса преобразования, творения жизни. «Изобразительное умение художника он («ЛЕФ») ориентирует на мощные средства нынешней фиксационной техники – машины и аппарата, Объектив арестовал факт и привел его на экран в том самом виде, в каком он гулял без призора, будучи предоставлен самому себе и, в

ряду себе подобных, растрчивал свое повелительное агитационное действие» [7, с. 16].

Именно фотография сыграла решающую роль в процессе де-станковизации искусства, так как она является более быстрым, точным и объективным средством фиксации факта. Противостояние изобразительного искусства и фотографии представляется как «борьба реальной действительности против художественной схемы, искажающей и деформирующей эту реальную действительность» [2, с. 50]. Конструктивисты отдают себе отчет в том, что объективность фотографии не означает ее нейтральность по отношению к фиксируемому событию или объекту. Задачей фотографа-политика является указание точки зрения, «кино- и фото-глаз заменили несовершенный глаз зеваки и указали, что и как нужно видеть, чтобы делать» [7, с. 16].

А. Родченко, отвечая на критику его фотографий в журнале «Советское фото» за ракурсы снимков, пишет в «Новом ЛЕФе», что человеческое зрительное восприятие извращено однобокостью зрительной мысли, то есть ракурсом «пупа от живописи», и задачей своих снимков он видит демонстрацию существования иных ракурсов. Объектив фотоаппарата, по его мнению, это зрачок культурного человека в социалистическом обществе. «Новый быстрый реальный отображатель мира – фотография – при ее возможностях, кажется, должна бы заняться показыванием мира со всех точек, воспитывать умение видеть со всех сторон. Но тут психика «пупа от живописи» обрушивается с вековой авторитетностью на современного фотографа и учит его бесконечными статьями в журналах по фотографии, вроде «Советское фото», «Пути фотокультуры», давая фотографу в качестве образцов масляные картины с изображением богоматерей и графинь» [9, с. 33]. Чтобы приучить человека видеть с новых точек, считают конструктивисты, необходимо снимать обыкновенные, хорошо знакомые ему предметы с совершенно неожиданных точек и в неожиданных положениях, а новые объекты снимать с разных точек, давая полное представление об объекте.

А. Родченко предлагает манифест нового искусства, в котором призывает «снять с глаз пелену, называемую – «с пупа», «снимать со всех точек, кроме «пупа», пока не будут признаны все точки». А самыми интересными точками современности для фотографа он признает точки «сверху вниз» в «снизу вверх» и их диагонали.

Фотография, в отличие от живописи, обладала еще одним важным преимуществом – возможностью фиксировать объект в его взаимосвязи с окружающей реальностью. Живопись выделяет объект, и это явление не только техническое, но и идеологическое. «Всякая изоляция наркома от окружающей его среды – есть иконография, есть отношение к нему как к героической фигуре, как к тому Наполеону, который является будто бы центральной фигурой в наполеоновских войнах. Всякая фиксация объекта методами старого времени возвращает нас и к идеологии этого старого времени» [1, с. 33].

Всякое социальное творчество и искусство жизни конструктивизм подчиняет идее целесообразности и утилитарности. Важным становится элемент назначения, твердая целевая установка снимающего. «Правильно понять назначение способен не любительствующий фотограф-«щелкач», а только фотограф-общественник, фотограф-публицист, для которого определение содержания (темы) снимка является не самоцелью, а средством сделать определенную общественно-полезную работу. Нужен фотограф-публицист, которого отличает умение толковать тему» [3, с. 28].

Такое отношение к действительности и способам ее фиксации фотоаппаратом было характерно именно для фотографов-лефовцев. На иных позициях стояли журналы «Советское фото» и «Фотограф». В «ЛЕФе» ведется постоянная полемика с авторами этих журналов. Они отстаивали принципы классической эстетики и воспринимали фотоискусство как продолжателя живописной традиции и руководствовались в фото живописными конвенциями. По их мнению, фото должно обладать перспективностью, как и живопись. «В снимке, являющемся строго перспективным изображением, соблюдение правильного расстояния очень важно. Фотографу рекомендуется во избежание перспективного искажения не подходить с аппаратом ближе трехкратной высоты или ширины диаметра снимаемого предмета» [13, с. 205]. Журнал «Советское фото» сохранял установки на эстетизм искусства. «В нашем журнале помещаются главным образом такие фотографии, по которым советский фотолюбитель может чему-либо научиться, или же такие, которые могут доставить советскому зрителю художественное удовольствие» [6, с. 17]. Такие тенденции встречали жесткую критику лефовцев, которые считали, что фотограф должен исходить не из соображений эстетического порядка, не из желания сгладить физические недо-

статки объекта или снять его «красивым», но только из требования зрителя дать ему подлинный документ о подлинном человеке.

В первое послереволюционное десятилетие футуристы занимают ключевые посты в области искусства и проводят свою политику на общегосударственном уровне. Но на переломе 20-30-х годов русские авангардисты утрачивают свои позиции, так как они претендовали на роль идеологов строительства новой жизни, что не согласовалось с ролью, отводимой искусству советским правительством – инструмента, проводника государственной политики. Поэтому большевистское правительство делает ставку на другое направление, ориентированное на поддержание классических образцов искусства. Партия и государство производят окончательный выбор и делают ставку на то художественное направление, которое впоследствии под именем социалистического реализма обретает официальное положение.

В противовес авангардистским художественным объединениям и направлениям, рупором которых являлся журнал «ЛЕФ», создается Ассоциация художников революционной России (АХРР), ядро которой составляли бывшие передвижники и реалисты, они издают журналы «Советское искусство», «Советское фото». «Наш гражданский долг перед человечеством художественно-документально запечатлеть величайший момент истории в его революционном порыве. Мы изобразим сегодняшний быт: быт Красной Армии, рабочих, крестьянство, деятелей революции и героев труда. Мы дадим действительную картину событий, а не абстрактные измышления, дискредитирующие нашу революцию перед лицом мирового пролетариата» [11, с. 310].

Таким образом, эстетика авангарда в конце 20-х годов терпит крах и в искусстве закрепляются новые принципы, стремящиеся унифицировать художественные формы и задать приоритетные, идеологически правильные точки зрения, что впоследствии приводит к тоталитаризации советского искусства. Одно из главных обвинений, которое впоследствии тоталитаризм предъявил авангарду, состояло в элитарности, «в буржуазной замкнутости на формально-эстетических проблемах, непонятности его языка широким массам и даже его антинародности» [4, с. 33].

Использованная литература

1. Брик, О.М. От картины к фото / О.М. Брик // Новый ЛЕФ. – № 3, 1928. – С. 29–33.
2. Брик, О.М. Фиксация факта / О.М. Брик // Новый ЛЕФ. – № 11-12, 1927. – С. 44–50.
3. Волков-Ланнит, Л. Фата на фото / Л. Волков-Ланнит // Новый ЛЕФ. – № 11, 1928. – С.28–36
4. Голомшток, И. Тоталитарное искусство / И. Голомшток. – М.: «Галарт», 1994. – 296 с.
5. Гройс, Б. Утопия и обмен / Б. Гройс. М.: Знак, 1993. – 396 с.
6. Из переписки с читателями // Советское фото. – 1928.– № 2. – С. 15–19.
7. Перцов, В. График современного ЛЕФа / В. Перцов // Новый ЛЕФ. – № 1, 1927. – С. 15–19.
8. Родченко, А. М. Опыты для будущего. / А.М. Родченко. – М.: Грантъ, 1996. – 416 с.
9. Родченко, А.М. Пути современной фотографии / А.М. Родченко // Новый ЛЕФ. – № 9, 1928. – С. 31–39.
10. Сидорина, Е.В. Русский конструктивизм: истоки, идеи, практика. / Е.В. Сидорина. – М.: ВИНТИ, 1995. – 240 с.
11. Советское искусство за 15 лет: материалы и документация. – М.: Изогиз, 1933. – 633 с.
12. Третьяков, С. С Новым годом! С «Новым ЛЕФом!» / С. Третьяков // Новый ЛЕФ. – № 1, 1928. – С. 1–3.
13. Тромин, Н. Пространство и фотография / Н. Тромин // Советское фото. – № 5, 1928. – С. 203–208.

ШКОЛА, НАРОДЖАНАЯ РЭВАЛЮЦЫЯЙ

Куракевіч Н. І.

г. Мінск, БДУІР

Упершыню ў гісторыі Беларусі ў 1920-я гады былі зроблены першыя крокі ў станаўленні і развіцці нацыянальнай школы. Нягледзячы на перашкоды і вялікія цяжкасці, беларускія вучоныя і настаўнікі з энтузіязмам працавалі на ніве народнай асветы. Выхаваўшы арганізацыі вучэбна-выхаваўчай работы нацыянальных школ мае вялікае значэнне для сучаснасці.

У пачатку 1920-х гадоў урадам былі вызначаны задачы школы і прынцыпы яе функцыяніравання. У аснову пабудовы народнай школы ў ССРБ былі пакладзены Палажэнне аб адзінай працоўнай школе і пастанова Першай партыйнай нарады па народнай адукацыі, якая праходзіла ў Маскве ў канцы снежня 1920-пачатку студзеня 1921 г. У Палажэнні аб адзінай працоўнай школе былі сфармуляваны мэты і задачы савецкай школы, вызначаны змест і арганізацыя яе работы. Упершыню на школу ўскладалася задача выхавання новага чалавека, сумленнага грамадзяніна рабоча-сялянскай рэспублікі, арганізатара і будаўніка сацыялістычнай дзяржавы і сацыялістычнага быту на аснове працоўнага метаду [5, арк. 99]. Прынятая партыйнай нарадай школьная сістэма была адобрана канферэнцыяй КП(б)Б і II Усебеларускім з'ездам Саветаў.

На II Усебеларускім з'ездзе Саветаў, які праходзіў у Мінску ў снежні 1920 г., былі вылучаны наступныя асноўныя задачы па праблемах асветы: усебаковая палітычная асвета працоўных мас, арганізацыя сеткі навучальных устаноў на мясцовых мовах, падрыхтоўка для іх работнікаў асветы; хутчэйшы рамонт школьных будынкаў, забеспячэнне іх палівам; адкрыццё Беларускага дзяржаўнага універсітэта; арганізацыя прафесійна-тэхнічнай адукацыі; дапамога дзецям сялян і беднаты, арганізацыя дзіцячага харчавання, стварэнне школьных сталовых; прыцягненне ўсіх школьных работнікаў Беларусі да арганізацыі школьнай справы, забеспячэнне іх харчаваннем, мануфактурай [4, арк. 14-15].

У снежні 1920 г. у Мінску адбылася Першая партыйная нарада па пытаннях народнай адукацыі, скліканая ЦК КП(б)Б. Выпрацаваная першай партыйнай нарадай па народнай асвете школьная сістэма была адобрана ў кастрычніку 1921 г. V з'ездам Камуністычнай партыі Беларусі. Наркамасветы распрацаваў мерапрыемствы па пераходу на новую сістэму народнай асветы. Рэарганізацыі школ папярэднічала дэтальнае вывучэнне матэрыяльнай базы і кваліфікацыі педагогаў школ II ступені. Наркамасветы прыняў канкрэтны план рэарганізацыі школ II ступені. Такіх школ у 1921-1922 гг. з поўным складам класаў у Беларусі працавала 56. Таму практычнае правядзенне гэтай рэформы не сустрэла вялікіх цяжкасцей.

Пытанне аб правядзенні рэформы было разгледжана калегіяй НКА ССРБ і прапанавана канферэнцыі загадчыкаў павятовых аддзелаў народнай адукацыі і загадчыкам школьных пададдзелаў.

У выніку разгляду стала зразумела, што на Беларусі правесці яе, з аднаго боку, лягчэй у параўнанні з Расіяй і Украінай. З другога – тэа ж прычыны, па якіх неабходна перайсці да рэформы, асабліва рэльефна выступаюць на Беларусі. Да таго ж у нас школ II ступені ў поўным сэнсе гэтага слова было вельмі мала ў сувязі з частымі акупацыямі.

Наркамасветы ССРБ, прыняў 16 лютага 1922 г. новую сістэму народнай адукацыі, па якой сямігадовая агульнаадукацыйная політэхнічная школа была прызнана асноўным тыпам масавай навучальнай установы ў нашай рэспубліцы. Яна ахоплівала дзяцей і падлеткаў ва ўзросце ад 8 да 15 гадоў і падрыхтоўвала іх да прафесійнай адукацыі ў чатырохгадовых тэхнікумах [1, с. 1]. Адзіная працоўная школа з'яўлялася дзяржаўнай, існаванне прыватных школ не дазвалялася, хоць згодна са Статутам адзінай працоўнай школы ССРБ, насельніцтва мела права арганізоўваць школы з дазволу раённых выканаўчых камітэтаў на ўласныя сродкі паводле ўзгаднення з органамі народнай асветы [6, с. 3].

Адзіная працоўная сямігадовая школа падзялялася на 2 канцэнтры: першы складаўся з 4 груп навучання для дзяцей 8 - 11 гадоў, другі - з трох груп (класы ў той час называліся групамі) навучання для дзяцей 12-15 гадоў. Абодва канцэнтры маглі існаваць як разам, так і паасобку [5, арк. 100-101].

Адзінай школа называлася таму, што ўся сістэма ад дзіцячага сада да ўніверсітэта прадстаўляла сабой адну неразрыўную лясвіцу. Усе дзеці павінны былі пасгупаць у адзін і той жа тып школы і пачынаць сваю адукацыю аднолькава [3, арк. 60]. Колькасць навучэнцаў у кожнай групе сямігадовай школы не павінна была перавышаць 40 чалавек, прычым хлопчыкі і дзяўчынкі вучыліся разам. Навучанне павінна было весціся на беларускай мове. Мова беларуская і руская (першая – як мова большасці насельніцтва Беларусі, другая – як маючая агульнасаюзнае значэнне) з'яўляліся абавязковымі прадметамі выкладання ў сямігадовай школе. Абавязковым з'яўлялася і выкладанне адной замежнай мовы.

Канкрэтны план рэарганізацыі быў распрацаваны Наркамасветы ССРБ. Згодна з ім, школы II ступені, якія мелі ў сваім складзе толькі два малодшыя класы, лёгка рэарганізоўваліся ў сямігодкі шляхам зліцця з класамі пачатковай школы. Школы II ступені, якія мелі

ў сваім складзе ўсе 4 класы, прадугледжвалася рэарганізаваць у сямігодкі і тэхнікумы паступова на працягу некалькіх гадоў з такім разлікам, каб забяспечыць вучням двух старшых класаў магчымасць скончыць поўны курс або паступіць у тэхнікум.

Рэарганізацыі папярэднічала дэталёвае вывучэнне матэрыяльнай базы школ. Па якасці абсталявання школы дзяліліся на 4 катэгорыі: са спецыяльным абсталяваннем, добрым, здавальняючым і дрэнным. Такая класіфікацыя школ дазваляла вызначыць базу для стварэння тэхнікумаў. Колькасць школ II ступені ў Беларусі стала хутка скарачацца, іх рэарганізацыя супала з ажыццяўленнем мерапрыемстваў па планамернаму скарачэнню школьнай сеткі, выкліканаму цяжкім эканамічным становішчам краіны. Са 122 поўных і няпоўных школ II ступені, якія існавалі ў пачатку 1921 г., да 1 студзеня 1922 г. захавалася толькі 27. Да вясны 1922 г. школы II ступені на тэрыторыі Беларусі перасталі існаваць [2, с. 98]. Сямігодка на доўгі час стала асноўным тыпам агульнаадукацыйнай школы. Працягваць адукацыю магчыма было ўжо толькі па лініі прафесійных навучальных устаноў. Падрыхтоўка ў тэхнікумы з'яўлялася адной з асноўных задач, якія вырашаліся сямігадовай працоўнай школай. Часова не ставілася задача развіцця школ II ступені.

На базе сямігодкі было вырашана ствараць спецыяльную адукацыю. Асноўнай яе формай Партыйная нарада прызнала тэхнікум, дзе адначасова павінна была завяршацца агульная сярэдняя адукацыя. Дзевяцігадовыя школы былі рэарганізаваны ў сямігодкі. Такая сістэма народнай адукацыі ў асноўным адпавядала ў той час задачам гаспадарчага і культурнага будаўніцтва.

Выкарыстаная літаратура

1. Асноўныя прыныцыпы арганізацыі працоўнай 7-мёх гадовай школы. – Мінск: Дзярж. выд. Беларусі, 1921, – 7 с.
2. В Народном Комиссариате Просвещения ССРБ (Хроника) // Школа и культура Советской Белоруссии. – 1921, – № 1–2. – С. 98–111.
3. НА Республики Беларусь, ф. 42, воп. 1, спр. 1.
4. НА Республики Беларусь, ф. 701, воп. 1, спр. 10.
5. НА Республики Беларусь, ф. 101, воп. 1, спр. 2190.
6. Статут адзінай працоўнай школы БССР. – Мінск: Выд. народнага камісарыята асветы, 1926. – 50 с.

ПИТИРИМ СОРОКИН О РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Курилович Н. В.

г. Минск, БГУ

Питирима Александровича Сорокина (1889-1968) справедливо относят к числу классиков мировой социологической науки. Значимость фигуры этого учёного и то огромное влияние, которое он оказал на развитие обществоведения, в современном научном дискурсе являются общепризнанными.

Жизненный путь основоположника теории социальной стратификации представляет собой ярчайший пример восходящей вертикальной мобильности: родившись в семье простой крестьянки и мещанина, он сумел стать профессором с мировым именем. Кстати, само понятие «социальная мобильность» впервые в научный оборот ввёл именно Питириим Сорокин.

Земляк жителей края Коми родился зимой 1889 года в селе Турья Вологодской губернии Российской империи. Детство, отрочество и юность будущего социолога прошли в России. Здесь же началась его успешная академическая карьера. На родине он опубликовал свои первые социологические труды, заявив о себе как, глубокий и интересный аналитик. Однако осенью 1922 года П.А. Сорокин оказался в числе тех представителей «контрреволюционной» интеллигенции, которые были насильственно высланы из Советской России за границу по инициативе В.И. Ульянова-Ленина. Поводом к высылке 33-летнего социолога стала его идейная оппозиция новой власти. С этого момента времени начинается жизнь учёного в эмиграции: сначала Германия, затем Чехословакия и, наконец, США, где, занимаясь активной преподавательской и научно-исследовательской деятельностью, он прожил 45 лет своей жизни. Умер выдающийся социолог в возрасте 79 лет в американском городе Винчестер (штат Массачусетс).

Перипетии жизненного пути крупнейшего социолога XX века обусловили тот факт, что в научной и учебной литературе традиционно выделяют два периода его творчества: российский и американский. Последний период был более длительным и плодотворным, поэтому неслучайно в США П.А. Сорокина относят к числу основателей американской социологии. Высокая оценка его личного вклада в эту науку подтверждается тем, что русский по проис-

хождению учёный в 1965 году был избран президентом Американской социологической ассоциации.

Творческий путь П.А. Сорокина – это неустанная и напряжённая работа над многочисленными трудами (более пяти десятков монографий и несколько сотен статей), в числе которых следует назвать такие произведения как «Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» (1914), «Проблема социального равенства» (1917), двухтомная «Система социологии» (1920), «Социальная мобильность» (1927), «Современные социологические теории» (1928), четырёхтомная «Социальная и культурная динамика» (1937-1941), «Кризис нашего времени» (1941), «Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии» (1947), «Социальная философия в век кризиса» (1950), «Американская сексуальная революция» (1957), «Власть и нравственность» (1959), автобиографический роман «Дальняя дорога» (1963). В своих научных работах П.А. Сорокин стремился синтезировать лучшие достижения социально-гуманитарного знания с целью построения того, что он называл «интегральной социологией».

Будучи непосредственным участником революционных событий 1917 года в России, Сорокин знал о них не понаслышке. Как социолог, он не мог не задаться вопросом о том, какова природа такого сложного социального феномена как революция. Результатом поисков ответа учёного на этот важный вопрос стала его работа под названием «Социология революции», которая была издана в США в 1925 году. Книга пользовалась большой популярностью и была переведена на многие языки мира. Это произведение практически единодушно признаётся одним из выдающихся достижений в изучении революций, а выводы его автора и по сей день не утратили своей актуальности и значимости.

Работа «Социология революции» занимает в творческом наследии П.А. Сорокина особое место уже в силу того, что рукопись монографии, к написанию которой он приступил ещё в 1922 году, была полностью подготовлена в 1923 году во время непродолжительного пребывания её автора в Чехословакии, т.е. фактически сразу после принудительной высылки учёного из Советской России. По сути дела, книга стала своеобразным подведением итогов российского периода творчества социолога и началом американского

периода его жизни. Обращаясь к богатому историческому материалу, статистическим данным, достижениям в области научного знания и собственным наблюдениям очевидца российских событий 1917-1922 гг., социолог формулирует свою теорему революции, которую, образно говоря, виртуозно доказывает в тексте работы.

Цель своей монографии сам автор сформулировал следующим образом: «Не порицание или похвала, не апофеоз или оплёвывание революции являются целью данной работы, а изучение революции такой, какова она есть на самом деле» [1, с. 33].

В интересующей нас книге внимание учёного сфокусировано на социальной природе революции, которую он раскрывает, обобщая и анализируя опыт революционных событий разных стран и разных эпох. В структуре работы «Социология революции» её автор выделяет шесть очерков, в которых последовательно, всесторонне, нередко эмоционально (в сугубо «сорокинском» стиле), но, главное, с позиций социологической науки репрезентируются итоги наблюдения и изучения явлений, типичных для революций. Так, в первом очерке книги учёный фокусируется на анализе деформации поведения людей в революционные эпохи, при этом он выделяет две неразрывно связанных друг с другом стадии революции. Второй очерк посвящён рассмотрению последствий влияния революций на демографические процессы (рождаемость, смертность, брачность) и состав населения. Анализ трансформации социальной структуры общества в периоды революций нашёл своё отражение в третьем очерке работы П.А. Сорокина. Четвёртый очерк содержит выводы учёного об изменениях социальных процессов в области управления, экономики и духовной жизни общества, охваченного революционной стихией. Иллюзии революции, под которыми имеются в виду сильнейшие контрасты между лозунгами революции и их реальным воплощением в жизнь, раскрываются автором монографии в её пятом очерке, представляющем собой, как отмечает во введении книги сам П.А. Сорокин, «философию революции». И, наконец, причины революции подробно анализируются социологом в очерке под номером шесть. Таково в общих чертах содержание работы «Социология революции».

В своей теоретической основе социологический анализ революции П.А. Сорокина, очевидно, опирается на антропологическую концепцию близкую концепции французского мыслителя Эмиля

Дюркгейма. Вслед за ним русский учёный также подчёркивает двойственность человеческой природы, констатируя наличие в ней как генетически унаследованных безусловных рефлексов (их принято называть инстинктами), так и сформированных под влиянием социальной среды условных рефлексов (их принято называть формами общественного поведения и морали). Первые, по мнению П.А. Сорокина, объективно сильнее вторых. Продолжая эту линию рассуждения, социолог приходит к выводу, что именно во времена революции, которую можно трактовать как особую разновидность массового поведения, мы наблюдаем «ущемление» безусловных рефлексов «значительной части членов общества».

К числу необходимых и достаточных условий наступления революций социолог относит три фактора: «1) рост ущемления главных инстинктов, 2) массовый характер этого ущемления, 3) бессилие групп порядка уравновесить пропорционально усиленным торможением возросшее давление ущемленных рефлексов» [1, с. 323]. Таковы, по мнению П.А. Сорокина, основные причины любой конкретной исторической революции. При этом социолог подчеркивает, что поводом для начала революции, как правило, является какое-нибудь событие, которое на самом деле играет всего лишь роль катализатора процесса революционных трансформаций.

Особую роль учёный отводил ущемлению «рефлексов питания», в том числе и в революционных событиях 1917 года в России. В своей работе социолог не без злой иронии писал по этому поводу: «Наконец, фактор голода лежал и в основе революции 1917 г. Мы на себе испытали, как с 1916 г. наше питание (особенно в городах) резко пошло на убыль. К концу 1916 и началу 1917 г. города стали голодать. Итогом явились сначала разрозненные разгромы рынков, лавок, магазинов, рост недовольства и агитации. В январе-феврале 1917 г. в городах (благодаря слабости власти и целому ряду благоприятных обстоятельств) разразился хлебный бунт, начавшийся с остановки и опрокидывания трамваев и перешедший в опрокидывание более солидных вещей, вроде престолов и правительств. Опрокинули монархию. Но голод усиливался. Параллельно “углублялась” и революция: в октябре опрокинули Временное правительство и стали “социализировать буржуев” ...» [1, с. 371-372].

Революция 1917 года, по мнению социолога, была вызвана «сильнейшим ущемлением» практически у всех социальных групп

целого ряда безусловных рефлексов. В их числе, помимо уже упоминавшихся пищевых инстинктов, П.А. Сорокин называет инстинкты индивидуального и группового самосохранения (ущемление которых было обусловлено неудачами войны и лишениями миллионов мобилизованных солдат); инстинкты свободы (ущемление которых было вызвано введением с 1914 года военных положений, военной цензуры и военных судов); инстинкты собственности (ущемление которых было связано с обнищанием из-за войны большинства населения страны и обогащением небольшой группы лиц, нажившихся на войне) и половые инстинкты (ущемление которых произошло под воздействием аморального образа жизни «верхов» и так называемого «распутинства») [1, с. 385-386]. Таким образом, социолог уверен, что ущемление важнейших инстинктов у значительной части населения страны на фоне «импотентности» царской власти предопределило неизбежность революционной стихии в России. Другими словами, налицо были все три необходимых и достаточных условия наступления революции.

В результате «ущемления» важных инстинктов, как считает П.А. Сорокин, происходит «отмирание» условных рефлексов, которые ранее тормозили безусловные импульсы, что в свою очередь приводит к «биологизации» поведения индивидов, или – в терминологии социолога – к «массовой революционной деформации поведения». Помимо деформации поведения масс революции, особенно кровавые и длительные, активно изменяют «биологический» состав населения, влияя на процессы рождаемости, брачности и смертности. При этом, как полагает П.А. Сорокин, революции убивают «лучших», способствуя выживанию «худших» по своим свойствам членам общества. Иначе говоря, революция становится орудием «отрицательной селекции» и ухудшения «биологически-расовых свойств» народа. Учёный обращает внимание на то, что часто революции приводят к добровольной или же принудительной эмиграции интеллектуальной элиты, не поддерживающей новую власть, что вкупе с резким ростом смертности усугубляет процесс вырождения и моральной деградации общества. Жертвой такой вынужденной эмиграции, как уже отмечалось выше, стал и сам социолог.

Интересны выводы крупнейшего социолога XX века о двух стадиях революции. Если лейтмотивом первой стадии любой революции становится желание «безудержной свободы», то лейтмотивом

второй стадии, трактуемой П.А. Сорокиным как стадия «реакции» или «контрреволюции», выступает желание «порядка во что бы то ни стало». Если на первой стадии революции происходит активное «отмирание» условных рефлексов, то на второй стадии приходит время их активного «возрождения» путём применения жестоких стимулов, по сути дела, террора. Именно вторую стадию революции, по мнению учёного, можно было наблюдать в России в 1922-1923 гг. В качестве основных причин наступления второй стадии революции социолог называет «дальнейшее ущемление инстинктов и истощение энергии масс» [1, с. 410].

В целом П.А. Сорокин подчёркивает, что глубокие (длительные и кровавые) революции вызывают очень негативные изменения в политической, экономической и духовной жизни общества.

Таким образом, изучение выводов автора рассматриваемой нами работы не оставляет даже тени сомнения в том, что он не являлся апологетом «идола Революции». Призывая к проведению необходимых социуму реформ, Питирим Александрович Сорокин выступал убеждённым противником любых насильственных революционных преобразований общественной жизни. Более того, ссылаясь на данные уголовной статистики и многочисленные свидетельства историков разных эпох, выдающийся социолог убедительно доказывает, что «революция не только фактор криминализирующий, но эссенция и квинтэссенция самой кровавой и жестокой преступности» [1, с. 142]. Иначе говоря, рост убийств, зверств и пыток, ложь и цинизм – таково краткое резюме практически всех известных человечеству революций, начиная с античных времён и по настоящее время. Это резюме и есть тот справедливый приговор, который современник и непосредственный очевидец событий 1917 года вынес не только одной из самых великих по своей глубине и размаху революций в мире, но и всем революциям в целом.

Использованная литература

1. Сорокин, П.А. Социология революции / П.А. Сорокин. – М.: РОССПЭН, 2005. – 702 [1] с.

ПАСЛЯРЭВАЛЮЦЫЙНАЕ НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЕ АДРАДЖЭННЕ БЕЛАРУСІ І БЕЛАРУСАЎ: ПАЛІТЫКА БЕЛАРУСІЗАЦЫІ І ЯЕ ВЫНІКІ

Лепеш А. В.

г. Мінск, БНТУ

Пасля Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. беларускі нацыянальна-вызваленчы рух прыклаў вялікія намаганні па ажыццяўленні ідэі стварэння беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці. Аснову дзяржаўнага суверэнітэту яго прадстаўнікі бачылі ў развіцці нацыянальнай свядомасці беларусаў. У выніку шматгадовай паланізацыі і русіфікацыі яе узровень знаходзіўся на нізкай адмечыне.

Ідэя нацыянальна-культурнага адраджэння набыла трывалы штуршок для рэалізацыі сярод удзельнікаў нацыянальнага руху пасля выдання бальшавікамі аднаго з першых дакументаў Савецкай улады – Дэкларацыі правоў народаў Расіі, якая была прынята Саветам народных камісараў РСФСР 2 лістапада 1917 [1]. У Дэкларацыі былі абвешчаны чатыры асноўныя прынцыпы нацыянальнай палітыкі:

1. Роўнасць і суверэннасць народаў Расіі.
2. Права народаў Расіі на вольнае самавызначэнне і стварэнне самастойнай дзяржавы.
3. Фдмена усялякіх нацыянальных і нацыянальна-рэлігійных прывілеяў і абмежаванняў.
4. Вольнае развіццё нацыянальных меншасцяў і этнаграфічных груп, што насялялі тэрыторыю Расіі.

Вынікам гэтай Дэкларацыі стала прага народаў шматнацыянальнай былой Расійскай імперыі да стварэння самастойных дзяржаў. У Беларусі таксама была спроба стварыць самастойную дзяржаву на Першым Усебеларускім з'ездзе (снежань 1917 г.), але бальшавікі, якія страчвалі кантроль над вялізнымі тэрыторыямі, вымушаны былі адмовіцца ад заяўленай пазіцыі і перайсці да прагматычнай палітыкі аднаўлення ўнітарнай дзяржавы. Рэзалюцыі Першага Усебеларускага з'езда і найперш дакумент пра неадкладнае ўтварэнне Усебеларускага Савета Рабочых, Салдацкіх і Сялянскіх дэпутатаў, які часова станаўіўся на чале кіраўніцтва краем, падаліся бальшавікам як непрызнанне Савецкай улады на Беларусі, імкненне рэстаўрыраваць капіталізм. І ў ноч на 18 снежня 1917 года Першы Усебеларускі з'езд быў разагнаны; прэзідыум і асобныя дэлегаты арыштаваны.

Папулярызацыя беларускай культуры і асабліва мовы сталі неад’емнымі фактарамі працы БНР, а пасля і Беларускага нацыянальнага камісарыята (Белнацкама), які згуртаваў вакол сябе найвыдатнейшую інтэлігенцыю Беларусі і заснаваў першую савецкую газету на беларускай мове – “Дзянніца”.

Традыцый нацыянальна-адраджэнчаскага руху, рост нацыянальнай свядомасці беларусаў, ініцыятыва інтэлігенцыі дыктавалі неабходнасць выпрацоўкі дзяржаўнай палітыкі ў адносінах да нацыянальна-культурнага будаўніцтва. Афіцыйны курс на ажыццяўленне беларусізацыі пачаўся ў ліпені 1924 г. Перадумовамі палітыкі беларусізацыі сталі:

–развіццё рыначных адносін на вёсцы пасяля X з’езда РКП(б) (сакавік 1921 г.) і пераход да новай эканамічнай палітыкі (свабода гандлю, грашовы падатак, арэнда і наём рабочай сілы, інвентару і г.д.);

–палітычная амністыя 1923 г. для тых беларускіх дзеячаў, якія не выступалі са зброяй у руках супраць савецкай улады;

–першае ўзбуйненне тэрыторыі БССР (сакавік 1924 г., калі БССР перадалі 16 паветаў Віцебскай, Гомельскай і Смаленскай губерняў і тэрыторыя Беларусі павялічылася да 110 тыс. км², а колькасць насельніцтва - да 4,2 млн. чалавек. Да гэтага БССР уключала толькі 6 паветаў Мінскай губерні – Бабруйскі, Барысаўскі, Ігуменскі, Мазырскі, частка Мінскага і Слуцкага з тэрыторыяй у 52,3 тыс. км² і з насельніцтвам у 1,5 млн. чалавек);

–пачатак дзейнасці даследчых (Інбелкульт) і вышэйшых навучальных устаноў (БДУ, БПІ і інш.).

Беларусізацыя як дзяржаўная палітыка 1920-х гг. мела тры этапы:

1. Складванне перадумоў (1921 – пачатак 1924 гг.);
2. Рэальнае ажыццяўленне (1924 – 1928 гг.);
3. Згортванне (з 1929 г.).

15 ліпеня 1924 г. на другой сесіі ЦВК БССР была прынята пастанова “Аб практычных мерапрыемствах па правядзенні нацыянальнай палітыкі”. З гэтага часу праграма беларусізацыі набыла сілу закона.

Пад беларусізацыяй у шырокім сэнсе слова разумелася наступнае [3]:

1. Развіццё беларускай культуры: стварэнне школ, тэхнікумаў, ВНУ з беларускай мовай навучання, адкрыццё культурна-асветніцкых устаноў, развіццё беларускай літаратуры, выданне на беларускай мове кніг, газет, часопісаў, разгортванне навукова-даследчай работы па ўсебаковым вывучэнні гісторыі Беларусі

Сапраўды, праблема мовы адводзілася цэнтральнае месца ў мерапрыемствах палітыкі беларусізацыі. Афіцыйна заяўлялася, што на тэрыторыі БССР роўнапраўнымі прызнаваліся чатыры мовы – беларуская, руская, польская і яўрэйская. Улічваючы тое, што ў БССР паводле перапісу 1926 г. большасць складалі беларусы (80,6 %; яўрэі – 8,2 %; рускія – 7,7 %; палякі – 2 %; украінцы – 0,7 %, іншыя – 0,8 %), беларуская мова абвешчлася мовай зносінаў паміж дзяржаўнымі ўстановамі, паміж дзяржаўнымі органамі БССР і СССР, а таксамі саюзным рэспублікамі мовай зносінаў прызнавалася руская мова.

У 1924-1925 гг. Наркамасветы атрымаў загад аб увядзенні беларускай мовы ў якасці абавязковай ва ўсіх школах; у ВНУ быў план заснаваць спецыяльныя кафедры па вывучэнні гісторыі развіцця Беларусі; пры прыёме ў ВНУ і тэхнікумы павінны былі патрабаваць веданне беларускай мовы. Тэрмін беларусізацыі школ прадугледжваўся ў тры гады. Сапраўды, да 1928 г. каля 80 % агульнаадукацыйных школ было пераведзена на беларускую мову навучання.

Важным накірункам моўнай палітыкі з’явілася павелічэнне колькасці газет, кніг, часопісаў на беларускай мове. За гады беларусізацыі было створана выдавецтва “Савецкая Беларусь”, пачалося выданне газеты “Савецкая Беларусь” і часопіса “Наш край”, адкрыта Беларуская дзяржаўная бібліятэка. У 1927 г. у рэспубліцы выходзілі 20 газет, з іх 10 – на беларускай мове, 3 – на яўрэйскай, 3 – на рускай, 2 – на польскай, 1 – на змешанай.

1920-я гг. – зорны час для працы беларускіх літаратараў. Былі створаны літаратурна-мастацкія аб’яднанні пісьменнікаў – “Маладняк” (М. Чарот, К. Чорны, М. Лынькоў, К. Крапіва, М. Гарэцкі), “Узвышша” (Я. Колас, Я. Купала, Ц. Гартны). Выдаваліся часопісы “Маладняк”, “Полымя”, “Узвышша”.

Для падрыхтоўкі навуковых кадраў стваралася шырокая сетка курсаў беларусазнаўства. Можна канстатаваць, што час напярэдадні афіцыйнага правядзення палітыкі беларусізацыі стаў часам стварэння

навуковай платформы ў БССР. Так, у 1920 г. пачаў сваю працу Беларускі політэхнічны інстытут (БП), у 1921 г. быў адкрыты Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (БДУ), у 1922 г. – Інбелкульт, які ў студзені 1929 г. быў ператвораны ў Акадэмію Навук БССР. У 1919-1920 гг. назіраецца дзейнасць педагагічных інстытутаў у Мінску, Віцебску, Магілёве, Гомелі, Горы-Горацкага земляробчага інстытута. У 1924 г. адкрыўся Віцебскі ветэрынарны інстытут. Кіраўнікамі вядучых навуковых устаноў былі прызначаны прадстаўнікі гістарычнай інтэлігенцыі, якія выдатна ведалі асаблівасці беларускай мовы, гісторыі, культуры. Так, першым рэктарам БДУ стаў вядомы гісторык-славіст У.І. Пічэта, першым кіраўніком БП – таксама гісторык Н.К. Ярашэвіч, першым прэзідэнтам АН БССР – грамадска-палітычны дзеяч, гісторык, вучоны У.М. Ігнатоўскі.

2. Вылучэнне прадстаўнікоў мясцовага насельніцтва на партыйную, савецкую, прафесійную і грамадскую работу.

Гэта называлася палітыкай карэнізацыі. Ставілася задача адбіраць прадстаўнікоў карэннага насельніцтва на тую ці іншую пасаду не па нацыянальнай прыкмеце – беларус-не беларус, а па дзелавым якасцям, веданню ўмоў і асаблівасцей Беларусі, дасканалому валоданню беларускай і рускай мовамі. Дзякуючы такому памяркоўнаму падыходу, у 1927 г. працэнтная доля беларусаў і прадстаўнікоў астатніх нацыянальнасцяў у розных установах была наступная [2]:

	Беларусы	Рускія	Яўрэі	Палякі
Адміністрацыйныя ўстановы	51,3	18,0	24,8	0,1
Гаспадарчыя установы	30,8	13,1	49,3	1,1
Судовыя органы	26,3	21,1	42,1	–
Зямельныя органы	59,5	24,1	10,1	–

Як відаць з прыведзеных лічбаў, беларусы пераважалі ў адміністрацыйных і зямельных органах, яўрэі – у гаспадарчых і судовых, што тлумачылася традыцыйна лепшай падрыхтоўкай апошніх у галіне эканомікі і юрыспрудэнцыі. Таксама да 1927 г. павялічылася на 48 % удзельная вага мясцовага беларускага насельніцтва сярод раённых кіраўнікоў.

3. Перавод справаводства партыйнага, дзяржаўнага, прафесійнага і кааператыўнага апаратаў і часцей Чырвонай Арміі на беларускую мову. Агульны тэрмін для перавода справаводства на беларускую мову для ўсіх устаноў вызначаўся ў тры гады. Ужо да 1927 г. каля 80 % служачых у цэнтральных органах улады валодалі беларускай мовай. Першымі, у найкарацейшы час, за адзін год (да ліпеня 1925 г.) перайшлі на беларускую мову кіраўніцтва справамі ЦВК і СНК БССР, Наркамасветы і Наркамзем.

На жаль палітыка беларусізацыі была згорнута пачынаючы з 1929 г. Прычынамі згортвання з'явілася вяртанне да ідэалогіі сусветнай рэвалюцыі, адмова ад нэпа, уніфікацыя і цэнтралізацыя дзяржаўнага кіравання і культурнага развіцця. Тым не менш, гэтыя амаль што пяць год вяртання да сваіх каранёў дапамаглі беларусам “людзьмі звацца”, смела заявіць аб сваёй самаідэнтыфікацыі і на культурным, і на палітычным узроўні.

Выкарыстанная літаратура

1. История Советской Конституции. Сборник документов, 1917 - 1957 гг. / Отв. ред.: Гайдуков Д.А., Коток В.Ф., Ронин С.Л. – М.: Изд-во АН СССР, 1957.

2. Лыч Л., Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі. – Мн.: ВП “Экаперспектыва”, 1997.

3. Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике: по материалам Национальной комиссии ЦИК БССР: [в 2 ч.]. – Ч. 1: Белорусизация.

БЕЛАРУСЬ – УКРАИНА: НА ПУТИ К НЕЗАВИСИМОСТИ

Литвиновская Ю. И.

г. Минск, БГУИР

Первая мировая война явилась своего рода катализатором национально-освободительного движения на европейском континенте. В ходе войны и после нее на карте Европы стали появляться новые государства, которые стремились утвердиться в качестве субъектов международных отношений. Провозглашение Белорусской Народной Республики (БНР) 24 марта 1918 г. и Украинской Народной Республики (УНР) 7 ноября 1917 г. было первой попыткой двух

народов в XX веке осуществить идею национальной государственности. С их образованием возник и не менее сложный вопрос вхождения новых государств в международное сообщество, в систему международных отношений.

В сложившейся в ходе мировой войны и первые годы после ее окончания геополитической реальности Белорусская Народная Республика не смогла добиться признания своей независимости ни со стороны стран Антанты, ни со стороны государств Четвертного союза. И та и другая сторона не решалась предпринимать какие-либо действия без учета позиции России. Вместе с тем, активные попытки деятелей БНР добиться каких-либо подвижек в решении проблемы на международной арене способствовали тому, что и руководство Советской России было вынуждено обратить более серьезное внимание на белорусский вопрос.

Со своей стороны, правительство БНР, понимая ключевое значение позиции РСФСР для будущего белорусской государственности, предпринимает неоднократные попытки вступить с ней в договорные отношения, но реального успеха на этом направлении не было.

Не менее важно для руководства БНР было установить добрососедские отношения с Украиной. 22 марта 1918 г. украинское правительство было официально уведомлено об образовании Белорусской Народной Республики. Один из видных деятелей белорусского национального движения А.И. Цвикевич 25 марта был назначен послом в Украине и одновременно главой делегации БНР по ведению переговоров международного характера в Киеве и Москве. В апреле 1918 г. белорусская делегация прибыла в Киев [2, с. 60; 10, с. 79]. В состав дипломатической миссии кроме А.И. Цвикевича входили и другие известные представители белорусского национального движения – С.А. Рак-Михайловский и Л.И. Левченко. В задачу миссии входило добиться признания Украиной независимости БНР и заключение соглашения об обмене дипломатическими представителями, проведение переговоров о границах, установление экономических связей. Последний вопрос, в силу чрезвычайно сложного финансового состояния республики, имел особо важное значение. Делегация намеревалась выяснить вопрос о предоставлении Украиной займа БНР [13, с. 69–70; 10, с. 80]. Не исключалась также возможность вступить в переговоры с РСФСР, через ее представителя в Киеве Х.Г. Раковского [11, с. 27].

Находясь в Киеве, члены белорусской дипломатической миссии имели неоднократные встречи с руководителем Центральной Рады М.С. Грушевским, министром иностранных дел Н.М. Любинским, военным министром А.Т. Жуковским и другими должностными лицами. Официальные переговоры между правительственными делегациями начались 19 апреля 1918 г. По их итогам глава украинской делегации А. Лихнекевич заявил, что уже сам факт переговоров между УНР и БНР можно рассматривать как акт признания Белорусской Народной Республики Украиной. Официального признания БНР Украина в данный момент сделать не может, заявил он, так как она связана Брестским мирным договором, который запрещает признавать новые государственные образования на территории России [10, с. 81].

В результате апрельских переговоров в Киеве украинское правительство дало согласие на создание на своей территории белорусской военной комиссии с правом формирования воинских соединений. Достаточно сказать, что в Украине для этого была серьезная база в виде большого количества беженцев из Беларуси. Главными центрами средоточения белорусских беженцев были Киев и Одесса. Была достигнута договоренность об установлении консульских отношений. В июне 1918 г. украинское консульство появилось в Минске (консулом был А. Квасницкий), а белорусские в Киеве и Одессе (консулы, соответственно П. Тремпович и С. Некрашевич). В Киеве начали работать «Белорусский комитет помощи жертвам войны» и «Общество украинско-белорусского сближения» [5, с. 368].

Самым сложным вопросом являлось установление линии государственной границы. Делегация БНР предлагала положить в основу разграничительной линии «принцип этнографический, но в тесной связи с принципом географическим и экономическим» [2, с. 185].

Переговоры шли сложно и к согласию не привели. Фактически украинская граница, установленная Брестским мирным договором, проходила севернее железнодорожной линии Брест – Брянск, оставая в составе Украины Гомельский, Мозырьский и Речицкий уезды. В итоге, в конце апреля был заключен прелиминарный договор по которому установление пограничной линии откладывалось до заключения соответствующего соглашения между УНР и РСФСР [2, с. 133].

Российско-украинские переговоры по вопросу о границе проходили в мае 1918 г. Их вело правительство гетмана Скоропадского. Для участия в этих переговорах прибыл и член Рады БНР Роман Скирмунт. Но его дипломатическая миссия успеха не имела [5, с. 368].

Рассматривая белорусско-украинские отношения в первые месяцы существования двух государств, то есть в 1918 году, следует, в первую очередь учитывать такое явление как германский фактор в Восточной Европе. Именно от позиции Берлина зависел характер и объем этих отношений. В этом плане необходимо отметить, что летом 1918 г. в немецкой печати появилось сообщение, что правительство РСФСР обратилось к правительству Германии с пожеланием, чтобы Германия, кроме уже признанных государств, не признавала новых, которые могут образоваться на территории бывшей Российской империи. Это пожелание было учтено в подписанном 27 августа 1918 г. дополнительном договоре между Германией и Советской Россией и закреплено в его четвертой статье [5, с. 366–369].

Белорусская Народная Республика не располагала достаточным количеством кадров, которые могли бы вести дипломатические переговоры. И там где было возможно, имелась в наличии белорусская диаспора, как это было в Украине, представители БНР использовали интеллектуальный потенциал местных белорусских организаций, привлекая их членов для работы в миссиях БНР в качестве советников и консультантов.

В Киеве с белоруской дипломатической миссией активно сотрудничал профессор М.В. Довнар-Запольский. Родившись в г. Речице Минской губернии, он значительную часть своей жизни связал с Украиной, обучаясь, а затем работая в Киеве. Здесь он создал собственную школу по истории России, занимаясь также проблемами социально-экономической истории Беларуси и Украины [6, с. 427].

Митрофан Викторович с энтузиазмом встретил известие о принятии Радой БНР 25 марта 1918 г. Третьей Уставной Грамоты, которая провозглашала Беларусь независимым государством. Свое отношение к этому событию он высказал в публикациях «Лесы зроблены» и «Асновы дзяржаўнасці Беларусі». Последняя в 1919 г. издана в Гродно на белорусском и основных европейских языках.

С прибытием в Киев белорусской дипломатической миссии М.В. Довнар-Запольский оказал серьезную поддержку молодой

республике, являясь консультантом делегации. Он вел большую пропагандистскую работу, освещая в газетах «Белорусское эхо» и «Белорусское слово» деятельность миссии, положение беженцев, события на Родине; ознакомил общественность Украины с важнейшими документами правительства БНР, опубликовав текст Уставных грамот, основные постановления Народного Секретариата.

В это же время начинается и процесс становления экономических связей между государствами. В обязанности белорусских дипломатов входило возбуждение вопроса о получении займа и восстановлении товарного обмена. Со своей стороны Центральная Рада, стремясь оказать поддержку Раде БНР, принимает решение о выделении ей 300.000 рублей [7, с. 37; 9, с. 82].

Для налаживания экономического сотрудничества на постоянной основе в Киеве открывается белорусская торговая палата. 24 апреля 1918 г. Народный Секретариат БНР утвердил устав и персональный состав Белорусской торговой палаты в Украине. Газета «Вольная Беларусь» писала по этому поводу: «Палата мае мэтай наладзіць абмен тавараў паміж Беларуссю і Украінай і першым чынам арганізаваць закупку хлеба і дапамагаць у перавозцы яго і іншых прадуктаў для Беларусі» [4, с. 1]. Палату в Киеве возглавил М.В. Довнар-Запольский.

На следующий день в Минске была образована Белорусская центральная торговая палата. Ее руководителем стал П. Кричевский, народный секретарь финансов БНР. Центральная палата должна была стать регулятором товарообмена Беларуси с соседними государствами и прежде всего с Германией, Украиной, Россией и Литвой. Немецкие оккупационные власти согласились содействовать торговому обмену и не реквизируют поступающие товары. Все это дало возможность Белорусской центральной торговой палате открыть в Мозыре, Лунинце, Речице, Гомеле, Полоцке и Орше регистрационные пункты товаров [5, с. 378–379].

11 июля 1918 г. М.В. Довнар-Запольский подписал с представителями украинского правительства торговое соглашение на длительный срок – до заключения торгового договора [10, с. 90].

Обстоятельный разговор о перспективах экономического сотрудничества на постоянной основе шел во время визита в Киев, направленной 3 сентября 1918 г., специальной правительственной делегации БНР во главе с председателем Центральной торговой па-

латы П. Кричевским. Было достигнуто полное взаимопонимание украинской стороны по вопросам двусторонней торговли. Она должна была осуществляться через руководимую М.В. Довнар-Запольским Киевскую белорусскую торговую палату. В обмен на поступающие из Беларуси лесоматериалы, дрова, спички Украина обязалась поставлять муку, сахар, мыло. [5, с. 378-379].

В 1918 г. ни Германия, ни Советская Россия не были заинтересованы в существовании белорусского государства. Но несмотря на неблагоприятные внешнеполитические обстоятельства Рада БНР настойчиво добивалась признания республики на международной арене. И здесь наиболее благоприятной для нее была позиция Украины. Рада БНР пыталась использовать это обстоятельство и расширить двустороннее сотрудничество. 19 сентября 1918 г. в Киев прибыла чрезвычайная делегация правительства БНР по переговорам. Ее возглавлял А.И. Луцкевич. Вопросы признания, границы и экономического сотрудничества были определяющими на этих переговорах, длившихся до середины октября 1918 г. [10, с. 82–83].

В октябре состав переговорной делегации в Киеве несколько изменился в связи с утверждением А.И. Луцкевича главой правительства БНР и одновременно народным секретарем по иностранным делам. Процесс переговоров продолжили прибывшие из Минска А.А. Смолич, Ф.Ф. Гриб и И.И. Красковский. 20 ноября переговорную делегацию в Киеве вновь возглавил А.И. Цвикевич. Вместе с И.И. Красковским и, назначенным 17 ноября генеральным консулом в Киеве А.О. Мадзалевским, он имел полномочия вести переговоры как с украинским правительством, так и с находившимися на Украине военными и дипломатическими представителями стран Антанты. [10, с. 84–85].

После своего образования правительство БНР развило значительную дипломатическую активность по поиску путей достижения признания белорусской независимости иностранными государствами. В сложившейся ситуации, когда территория Беларуси была оккупирована немецкими войсками, особую значимость приобретал вопрос о признании республики Германией. 25 апреля 1918 г. Рада БНР направила кайзеру специальную телеграмму. Немецкое правительство официально БНР не признало, однако военные власти поощряли деятельность правительственных структур БНР, в ведение которых были переданы вопросы торговли, промышленности,

народного образования, пропаганды. В течение 1918 г. были также установлены консульские отношения кроме Украины с Чехией, Литвой, Латвией, Эстонией и Советской Россией. Консульство в Москве возглавлял А.Л. Бурбис. В 1918 г. он являлся генеральным консулом БНР при правительстве РСФСР [3, с. 133; 14, с. 111].

Рада БНР прилагала усилия, чтобы добиться признания со стороны западных держав. Осенью 1918 г. были посланы делегации в Германию, Швейцарию, Данию и США, а в 1919 г. на Парижскую мирную конференцию. Однако, по целому ряду причин, в том числе и в связи с тем, что правительство БНР не имело реальной опоры внутри страны и контроля над определенной территорией, эти шаги не привели к успеху [1, с. 146].

В этих условиях лидеры БНР вынуждены были искать прямые контакты с советским правительством. Первым шагом в этом направлении была встреча А.И. Луцкевича в октябре 1918 г. с членом советской делегации в Украине Х.Г. Раковским. «Тогда, – писал в своем дневнике А.И. Луцкевич, – после шести-семи бесед, по два-три часа каждая, Раковский формировал возможное соглашение на таких трех основах: признание независимости Белоруссии, одновременное провозглашение федерации с Советской Россией и введение в Белоруссии Советской конституции» [12, с. 124].

Переговоров с Х.Г. Раковским, имевших место в октябре 1918 г., А.И. Луцкевич касается также и в так называемом «Пакутным дакуменце-споведзі», написанном в 1940 г., в котором он говорит о своем стремлении к поиску мирных путей решения «белорусского вопроса». Автор отмечает: «Я зрабіў спробу пашукаць якія-небудзь асновы для мірнай перадачы ўлады ў Беларусі саветам. Я лічыў, што калі б Рада рэспублікі дабраахвотна перадала сваю ўладу мяркуюмай Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспубліцы, то такім шляхам фармальна была б вернута Саветам і Заходняя Беларусь, акт адказу ад якой Савецкай Расіі быў апаратэставаны і не прызнаны ўрадам БНР. З другога боку, я разлічваў, што пры такім кроку застануцца пры рабоце па крайняй меры тыя дзеячы Рады і Секрэтарыята, якія не праяўлялі сваёй контррэвалюцыйнасці, і яны тады маглі б унесці ў Савецкі ўрад Беларусі, у яго дзейнасць элементы нацыянальныя. Таварыш Ракоўскі паведаміў аб гэтым у Маскву і запрасіў мяне паехаць з ім туды, калі адказ будзе прыныцова станоўчым. Але адказ да Ракоўскага не прыйшоў.

Мабыць, Савецкія ўлады ў Маскве, згаджаючыся на стварэнне Савецкай Беларусі, рашылі – і зусім справядліва – здзейсніць гэта самастойна без удзелу беларускіх нацыяналістаў» [15, с. 157].

Пополнение Рады правымі элементамі восенню 1918 г. прывело к палітычнай ізаляцыі. От нее отвернулася беларуская інтэлігенцыя, боровшаяся за рэалізацыю нацыянальных ідеалав.

В такой ситуации радовские круги все чаще говорили и начинали кое-что предпринимать в направлении установления связей с Москвой. У Советского правительства также появились основания для контактов с правительством БНР. Изменение внутривнутриполитической ситуации в Польше вызвало у правительства РСФСР интерес к БНР. Чтобы не дать Польше возможности использовать БНР в антисоветских целях, Москва была заинтересована в решении «белорусского вопроса» в направлении поиска основы для создания единого белорусского государства. У советского руководства возникла идея пригласить А. Луцкевича в Москву для всестороннего обсуждения сложившейся новой ситуации. Естественно для этого требовалась подготовка. Поэтому было решено не давать ответ на запрос Х.Г. Раковского, а непосредственно предложить председателю правительства БНР приехать в Москву в ноябре 1918 г.

А.И. Луцкевич, зная о нежелании Германии решать белорусский вопрос без участия Советского правительства, также пришел к выводу о необходимости поездки в Москву. И во второй половине ноября 1918 г. по приглашению правительства РСФСР он прибыл туда для переговоров [8, с. 207].

Стороны условились, что после ухода немецких войск из Беларуси, члены президиума Рады БНР и министры продолжают переговоры в Минске с целью образования Советского правительства Беларуси на широкой основе. Однако, когда 10 декабря 1918 г. Красная Армия вступила в Минск, большинства членов Рады БНР, в том числе и главы правительства А.И. Луцкевича в городе не осталось. Недоверие к большевикам взяло верх в их сознании.

Деятельность белорусской дипломатической делегации в украинской столице также продолжалась до начала декабря 1918 г., когда она прекратила свою работу в связи с вынужденным переездом правительства 8 декабря из Минска в Вильно. [10, с. 85].

Характеризуя процесс становления белорусско-украинских отношений, следует отметить, что, несмотря на ограниченные воз-

возможности двух государств, оно было наиболее широким и подлинно добрососедским. Существовала возможность политического союза между государствами. Но следует отметить и весьма существенное обстоятельство, которое сдерживало это сотрудничество, не давало возможности ему раскрыться в полной мере. В Киеве знали о весьма скромной социальной базе белорусского правительства.

Весной 1918 г. (22 марта) глава Минского комитета защиты прав и интересов граждан Украины М. Лебединец докладывал украинскому правительству: «Народный Секретариат не имеет не только реальной силы, достаточного количества людей для организации государственного управления, но и необходимых для этого финансовых средств. Так, что в ближайшее время надежды Беларуси на самоопределение не имеют под собой реальной почвы» [10, с. 84].

Вместе с тем, рассматривая эти события нельзя не отметить, что провозглашение БНР и УНР являлось исторической закономерностью, логическим итогом всей предшествующей борьбы белорусского и украинского народов, их политических партий и организаций за воплощение в жизнь идеи национальной государственности. Рассматриваемые события свидетельствуют насколько непростым был путь к независимости белорусского и украинского народов.

Использованная литература

1. Апостол национального возрождения // Неман. – 1995. – № 1. – С. 127–158.
2. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі: У 2 кн. – Вільня, Нью-Ёрк – Минск, Прага, 1998. – Т. 1. – Кн. 1. – 860 с.
3. Біч, М.В. Бурбіс Алесь / М.В. Біч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск, Беларуская энцыклапедыя, 1994. – Т. 2. – С. 133–134.
4. Вольная Беларусь. – 1918. – № 16.
5. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVІІІ – пачатку XXІ ст. У дзвюх кнігах. – Мінск, Беларуская навука, 2011 – 2012. – Кн. 1 – 584 с.
6. Энциклопедія історії України. – Київ, Наукова думка, 2004. – Т. 2. – 511 с.
7. Знешняя палітыка Беларусі: Зборнік дакументаў і матэрыялаў: В 3 т. – Мінск, БелНД і ДАС, 1997–2000. – Т. 1 (1917–1922 гг.) – 1997. – 398 с.

8. Ігнаценка, І.М. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі: асаблівасці і вынікі / І.М. Ігнаценка. – Мінск, БелНДЦДААС, 1995. – С. 270.
9. Канчер, Е.С. Белорусский вопрос / Е.С. Канчер. – Петроград, 1919. – 132 с.
10. Павлова, Т.Я. Внешнеполитическая деятельность Белорусской Народной Республики в 1918–1920 гг. / Дис.... канд. ист. наук: 07.00.15. / Т.Я. Павлова. – Минск, 2001. – 109 с.
11. Паўлава, Т. Знешнепалітычная дзейнасць і дыпламатыя БНР у 1918 г. / Т. Паўлава // Беларускі гістарычны часопіс. – 2000. – № 1. – С. 24–28.
12. Сидоревич, А.М. Антон Луцкевич / А.М. Сидоревич // Неман. – 1990. – № 7. – С. 91–167.
13. Скалабан, Віталь. Беларусь і Украіна: разам да незалежнасці / Віталь Скалабан // Спадчына. – 1998. – № 1. – С. 197–206.
14. Станкевіч, А. Да гісторыі беларускага палітычнага вызвалення / А. Станкевіч. – Вільня, 1934. – 128 с.
15. Шашкевіч, М. На злome часу / М. Шашкевіч // Маладосць. – 1989. – № 8. – С. 150–163.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ТВОРЧЕСКИХ БИОГРАФИЯХ УРОЖЕНЦЕВ БЕЛАРУСИ: ЭСТЕТИКА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА И ДИЗАЙНА

Лойко А. И.

г. Минск, БНТУ

Революция 1917 года оказала воздействие на различные сферы политики, экономики, социальной и духовной структуры общества. Она создала практическую возможность реализации социалистических и коммунистических идей. Эти идеи были популярны в Испании, Италии, России, Франции. Творческая интеллигенция, представлявшая изобразительное искусство, с энтузиазмом восприняла революцию в России, поскольку социалистическая идеология лежала в основе деятельности художников модерна Испании, Италии, Франции. Ими была разработана эстетика, обосновывавшая творческую свободу художника не только в изображении реальности, но и ее конструировании. За основу брались оригинальные идеи психоаналитической философии, экзистенциализма, философии жизни,

интуитивизма, абстракционизма. В результате эстетика изобразительного искусства оказалась представленной футуризмом, фовизмом, сюрреализмом, кубизмом, супрематизмом, орфизмом. Центром европейской эстетики модерна в изобразительном искусстве стал Париж. Здесь на мультикультурной основе сформировались творческие лаборатории, в том числе с участием художников из Беларуси. Одним из самых известных из них был Л. Бакст, поскольку он имел опыт не только в области изобразительной практики, но и преподавания в художественной академии Санкт-Петербурга.

Именно его С. Дягилев уговорил принять участие в организации и проведении русских сезонов в Париже. Уроженец белорусского города Гродно смог создать сценическую и костюмную основу для многих спектаклей, чем обеспечил общий успех русских сезонов в Париже. Сезоны способствовали популяризации русской культуры в Европе. Они создали основу для благоприятного отношения европейцев к творческой интеллигенции из России [1]. Это обстоятельство сыграло важную роль в период революционных событий 1917 года в России. Многие выдающиеся представители интеллигенции, высланные революционными властями Советской России из страны или ее добровольно покинувшие, продолжили творческую деятельность в странах Европы. Среди них был известный уроженец Беларуси профессор Санкт-Петербургского университета Н. Лосский [2].

Исходу творческой интеллигенции России в Европу предшествовал обратный процесс активного проникновения эстетики модерна в Россию. Этому способствовали владельцы частных коллекций, которые приобретали в Европе произведения искусства и приглашали российских художников для ознакомления с ними в свои загородные имения. Одним из них владел С.И. Мамонтов. Оно находилось в селе Абрамцево. Сюда приезжали И. Репин, А. Поленов, В. Васнецов, А. Серов, В. Врубель. Под Смоленском имела имение М. Тенищева. В ее имении бывали Н. Рерих, С. Малютин. Художники давали не только оценки их покупкам, но и сами оказались под влиянием эстетики изобразительного модерна. Не стала исключением и Беларусь. Здесь была хорошо развита инфраструктура художественных школ, дававших стартовое образование в области изобразительного искусства и эстетики. Среди этих школ среди учеников ценились Виленская рисовальная школа профессора живописи И.П. Трутнева, рисовальная школа художника Я. Кругера в Минске, витебская художественная школа Ю. Пэна.

В виленской и минской рисовальных школах получили стартовое художественное образование П. Кремень, М. Кикоин, Х. Сутин. У Ю. Пэна обучались Л. Лисицкий, О. Цадкин, М. Шагал. Продолжали художественное образование белорусские художники в Санкт-Петербурге и в Париже. В 1910 году Париж стал центром левых по социалистической направленности экспериментальных направлений в искусстве [3]. В России художники выработали евразийскую модификацию эстетики модерна и постмодерна, получившую название русского авангарда. М. Ларионов писал: Мы стремимся к Востоку и обращаем внимание на национальное искусство. Мы протестуем против рабского подчинения Западу, возвращающего нам наши же и восточные формы в опошленном виде и все нивелирующего» [4].

Русский авангард, базировавшийся на эстетике модерна, культивировал радикальное отношение к мировосприятию. Примером стало беспредметное искусство В. Кандинского. К. Малевич во время работы в Витебском народном художественном училище культивировал русский авангард в форме абстрактного максимализма и мессианского утопизма, акцентированного на идеологии Пролеткульта. Эта идеология в области искусства была разработана и организационно осуществлена уроженцем Гродненской губернии А.А. Богдановым. Интересы этого человека сочетали образ революционера, ученого-экспериментатора, теоретика в области философии, экономики, управленческих наук. Пролеткульт был акцентирован на принципе классовой борьбы пролетариата с различными проявлениями буржуазной культуры. В содержании искусства доминировали броские уличные панорамы плаката, призывов, агитации. Будущее практически полностью вытеснило настоящее и прошлое. М. Шагал, пригласивший К. Малевича в Витебск для работы в созданном им народном художественном училище, на основании выданного им революционными властями России мандата комиссара по искусству Витебской губернии, оказался втянутым в жесткую дискуссию с представителем радикального крыла русского авангарда. В этой дискуссии он имел уже хорошо сформировавшуюся эстетическую позицию, близкую к философии постмодерна. Суть этой философии заключается в сохранении в структуре современности культурной традиции, реализма. Это направление русского авангарда обосновывали И. Репин, часто бывавший в предместьях Ви-

тебска и оказавший влияние на учителя М. Шагала Ю. Пэна [5]. Во время учебы в Художественной академии Санкт-Петербурга М. Шагал слушал лекции П.П. Чистякова. В лекциях он делал акцент на бытовой жанр и повседневность, народную тематику.

Русский авангард в версии эстетики постмодерна формировал у художников интерес к иконам, произведениям народного творчества – вышивке, резьбе по дереву, росписи, фольклору, лубку. М. Шагал также проявил интерес к иконописи, лубку, еврейскому местечковому быту, традиционному хасидскому образованию [6]. В его картинах постоянно присутствует любовь к Витебску времен его детства. Позже У. Эко напишет: «Постмодернизм – это ответ модернизму» [7, с. 461]. Ответ М. Шагала в рамках дискуссии по вопросам эстетики русского авангарда был для К. Малевича убежден и он начал борьбу за доминирование в стенах народного художественного училища. На его сторону перешло большинство преподавателей и учащихся. В 1920 году М. Шагал уехал из Витебска в Москву, затем в Берлин и Париж. В начале второй мировой войны он уехал в США. В 1948 году он вернулся в Париж. Здесь он активно общался с одной из талантливых учениц, проходившей в двадцатые годы обучение в Смоленском филиале Витебского народного художественного училища. Это была Н. Ходасевич-Леже [8]. Она родом из Борисовского уезда. Через Варшаву она уехала в Париж, где посвятила себя синтезу художественных практик современного изобразительного искусства. В годы второй мировой войны она активно участвовала во французском движении Сопротивления. После Второй мировой войны организовывала аукционы картин, в том числе М. Шагала, с целью оказания помощи советским военнопленным, оказавшимся на территории Франции. Ее деятельность в области развития советско-французских отношений была высоко оценена в СССР.

Трагическими в свете революции 1917 года оказались биографические судьбы представителей национального возрождения в области литературы, театра, архитектуры. Эти люди не могли покинуть Родину из-за чрезмерной любви к ней. Янки Купала, Якуб. Колас смогли сохранить тематику, акцентированную на связи с традициями белорусского народа. Театральная культура приобрела народную основу. Ее представляют академические театры имени Янки Купалы в Минске, имени Якуба. Коласа в Витебске. Уникальна

творческая судьба белорусского оперного певца М. Забейды-Сумицкого. В годы первой мировой войны он с семьей мигрировал в Россию. Здесь семью и застала революция 1917 года и гражданская война. В результате певец оказался в Харбине на территории Китая. В городе он совершенствовал в местной оперной труппе свое профессиональное мастерство. В конечном итоге творческий путь привел его в Прагу.

Прикладные аспекты эстетики дизайна формировались тезисом философии модерна о том, что человек, создающий красивые вещи должен жить в красивом окружении. Еще один тезис указывал на связь искусства с ремеслом. Более широкий контекст русского модерна выражали такие ключевые слова как повседневность, искусство, архитектура, графика, книжное дело, ювелирное искусство, дизайн [9]. На этих традициях формировались практики дизайна. Их питали народные промыслы и в свете революционных событий 1917 года монументальный конструктивизм. Получили развитие памятники монументальной пропаганды, объемное оформление площадей в честь первой годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции. На первом плане были категории «Земля», «Человечество», «Пролетариат», «История». Дизайн обосновывался как альтернативная методология станковой живописи. Так, Б.И. Арватов требовал отмены станковой живописи и требовал слияния искусства с промышленной деятельностью и конструктивистской методологией. Эту позицию активно воплощал В. Е. Татлин. Он начал с изучения проблемы материала в искусстве. В 1919 году он стал трактовать дизайн как вид проектировочной деятельности в рамках реализации стратегии монументальной революционной пропаганды. Он предложил к рассмотрению проект монумента под названием «Памятник III Интернационала». В здании-памятнике должен был разместиться Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов Земного Шара. Было спроектировано башенное сооружение высотой 400 метров. Оно состояло из висячих конструкций в виде четырех самостоятельных висячих зданий. Они имели формы куба, пирамиды, цилиндра, полушария. По проекту они должны были вращаться вокруг собственной оси. Основным материалом был металл и стекло. С землей они соединялись электрическими подъемными устройствами. Это было первое практическое использование висячих конструкций в строительстве. Под влиянием В. Татлина нахо-

дидлись многие конструктивисты, такие как Л. Попова, А. Родченко. Последовавшая после революции 1917 года гражданская война резко ограничила спрос на дизайнерские решения в области архитектуры и строительства. Поэтому часть творческих лабораторий сосредоточилась на революционной полемике [10]. Часть дизайнеров оказалась вовлеченной в программу ГОЭЛРО. Востребованным оказался их опыт в области промышленного дизайна. Такой опыт в энергетике имели и белорусские инженеры.

В рамках программы ГОЭЛРО энергетике отводилась ключевая роль в создании промышленной и культурной инфраструктуры. При этом В.И. Ленин, инициировавший эту программу, опирался на уже существовавший в Российской империи дореволюционный опыт электрофикации городских пространств, транспортных систем, промышленных зон.

Подобный опыт электрофикации городского пространства был накоплен в Беларуси. Он был приобретен на уровне городских властей, благодаря энтузиазму таких людей, как К. Гуттен-Чапский. Он возглавлял минскую городскую власть в период с 1890 по 1901 год. Вопрос о введении в городе электрического освещения возник в 1892 году. Было закуплено оборудование. Оно было установлено в здании водокачки в пределах города Минска. Был установлен паровой котел, паровая машинная система Вестингаузен, динамомашинные системы Балтийского электрического завода. Установленное оборудование трансформировало здание водокачки в здание первой в Минске электрической станции. Это событие произошло 12 января 1895 года. В 1899 году станция получила название «Эльвод». От нее по городу протянулась система электропитания уличного освещения. Использовались лампы накаливания фирмы Габриэль и Анжено и лампы вольтовой дуги Сот-Гарле. Благодаря усилиям К. Чапского город Минск приобрел необходимую инфраструктуру коммуникаций, культуры, канализации, водоподачи, медицинского обслуживания, социальной помощи. Благодаря этой программе была обеспечена преемственность в деятельности городских властей, государственных учреждений и организаций. Теоретические споры в области эстетики и дизайна прекратились в конце двадцатых годов, когда в советской культуре стали доминировать практики социалистического реализма и индустриализации. Биография многих представителей

культуры двадцатых годов полна трагических событий. Немногие из них нашли себе место в парадигме индустриальной культуры и созданной ею инфраструктуре творческих лабораторий.

Эту основу формировали Высшие государственные художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС). В 1927 году они были переименованы в Высший художественно-технический институт. После 1930 года на его базе были созданы Московский архитектурный, Московский полиграфический, художественный факультет Московского текстильного института. В Витебске К. Малевичем было создано объединение Учредителей нового искусства (УНОВИС). Поскольку индустриальная инфраструктура в СССР только создавалась, то от промышленности было мало заказов на дизайнерские разработки. Дизайнеры вырабатывали профессиональные приемы конструирования в практиках плаката, книги, одежды, ткани, мебели, оформления объемных агитационных установок, трибун, эстрад, газетно-журнальных киосков. Архитектурный дизайн был акцентирован на планировании городской среды, создании проектов промышленных городов, зон отдыха, объектов культуры. Не стал исключением и Минск. В его пространстве появились оригинальные объекты культуры, испытавшие влияние общей атмосферы индустриализации. Так, архитектурную основу оперного театра сформировала конструкция зерноуборочного комбайна. Официальное международное признание к индустриальному дизайну пришло только в 1957 году, когда был учрежден Международный совет организаций промышленного дизайна (ИКСИД). В 1965 году членом этой организации стал ВНИИ технической эстетики СССР.

В начале XXI столетия в Беларуси резко вырос интерес к представителям национальной культуры, творческие биографии которых формировались событиями переломных эпох, в частности, революцией 1917 года. В этом интересе есть аспект воздействия механизмов исторической памяти и актуальные задачи развития постиндустриальной экономики, связанные с приоритетами туризма, создания привлекательного образа Беларуси как открытой страны с богатыми культурными традициями. Под эти задачи трансформировались практики дизайна. Приоритетную роль стали играть компьютерный, ландшафтный, упаковочный дизайн. В рамках методологии креативной индустрии возник интерес к проблематике постмодернизма.

Постсоветским государствам пришлось определять ценностные приоритеты в развитии общества XXI века. Одни из них пошли по пути деиндустриализации, тотального отказа от советского периода истории. Другие – как Беларусь остались в парадигме преемственности. Это позволило сохранить ресурсы общества, созданные предшествующими поколениями, в том числе и результаты трудов, созданных в рамках реализации программ ГОЭЛРО, социалистической индустриализации, культурной революции.

Использованная литература

1. Лойко, А.И. Роль русской философии в создании атмосферы межкультурного диалога в Беларуси / А.И. Лойко // Русская философия в духовно-культурном пространстве Беларуси: история и современность. – Минск: Медисонт, 2013. – С. 180–193.
2. Лойко, Л.Е. Н.О. Лосский в традиции русской философии серебряного века / Л.Е. Лойко // Духовность. Образование. Наука: толерантность и нравственность в структуре духовной жизни общества. – Минск: БНТУ, 2017. – С. 152–157.
3. Зингерман, Б.И. Парижская школа / Б.И. Зингерман. – М.: Союзтеатр, 1993. – 384 с.
4. Ларионов, М. Предисловие / М. Ларионов // Каталог выставки картин группы художников «Мишень». – М., 1913.
5. Косарева, С.Г. Особенности межэтнического взаимодействия в социокультурном пространстве белорусских городов во второй половине XIX–начале XX вв. (на примере г. Витебска) / С.Г. Косарева // Актуальные проблемы регионоведения. – Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2011. – С. 106–112.
6. Шатских, А. Евреи в русском авангарде / А. Шатских // Шагаловский сборник. – Витебск, 2004. Вып. 2. – С. 102–115.
7. Эко, У. Имя розы / У. Эко. – М.: Книжная палата, 1989.
8. Дубенская, Л.А. Рассказывает Надя Леже / Л.А. Дубенская. – М.: Детская литература, 1978. – 288 с.
9. Борисова, Е.А. Русский модерн / Е.А. Борисова, Г.Ю. Стернин. – М.: Советский художник, 1990.
10. Яковлева, Ю. Интертекстуальность как вид речевой агрессии (на материале газетно-журнальной полемики 1920-х гг.) / Ю. Яковлева // Стылістыка, мова, мауленне і тэкст. Зборнік навуковых прац. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2017. – С. 212–217.

ВЛИЯНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИМОНИАЛЬНЫХ ЧЕРТ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЮРОКРАТИИ

Лугвин С. Б.

г. Гомель, ГГТУ

С приходом к власти большевиков в России была предпринята попытка широкомасштабной социально-политической инженерии, нацеленная на реализацию утопического проекта совершенного общества. В ее основе лежали парадигма механицизма и волонтаристский стиль мышления. Считалось, что использование властных рычагов пролетарского государства с опорой на «классовый инстинкт» трудящихся масс вполне достаточны для радикального переустройства социальной жизни на коммунистических началах даже при отсутствии необходимых для этого экономических и культурных предпосылок. В результате практической реализации подобного проекта в стране была создана этакратистская система, в которой тоталитарно-бюрократические методы управления, репрессии и идеологическое воздействие играли ведущую роль в организации всех социальных процессов.

До своего прихода к власти большевики питали иллюзию, что Советы как политический механизм диктатуры пролетариата способны привлечь к управлению государством самые широкие трудящиеся массы. «Рабочие, завоевав политическую власть, – писал В. И. Ленин накануне Октябрьской революции, – разобьют старый бюрократический аппарат, заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих, против превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас меры, подробно разработанные Марксом и Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время; 2) плата не выше платы рабочего; 3) переход немедленный к тому, чтобы *все* исполняли функции контроля и надзора» [1, с. 109]. По мнению Ленина, развитие капитализма создает для этого все необходимые предпосылки. Крупное производство, фабрики, железные дороги, почта и банки упрощают функции управления «до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответствующих расписок» [1, с. 101]. Подобные идеи порождали крайне упрощенное представление об управленческом труде и приводили к недооценке профессиональной подготов-

ки руководящих кадров, что в дальнейшем негативно отразилось на качестве государственного аппарата, порождая некомпетентность и дилетантизм чиновников.

Основываясь на идеологической доктрине полновластия Советов, большевики отвергли принцип разделения властей, который они рассматривали как буржуазную выдумку, лишь отвлекающую пролетариат от его истинных целей. Образцом для подражания для них стала Парижская Коммуна, которая по мысли К. Маркса являлась «работающей корпорации, в одно и то же время законодательствующей и исполняющей законы» [2, с. 341]. Отсюда не случайно, что после революции новые органы государственного управления - Советы во многом воспроизвели политические механизмы Коммуны. В лице своих высших органов – сначала съездов Советов, а с 1936 г. Верховных Советов – они не только издавали законы, но и решали любые административные вопросы. Одновременно Советское правительство (сначала Совнарком, а с 1946 г. Совет Министров) как исполнительный орган власти имело право издавать декреты, обладающие силой закона. Законами становились и решения партийных органов. А в годы «развитого социализма» функции законов выполняли совместные постановления ЦК КПСС, ВЦСПС и Совета Министров. Считалось, что они имеют даже «большую юридическую силу, чем закон, так как подкреплены авторитетом партии, мудрость которой не может подвергаться сомнению» [3, с. 162]. В подобных условиях законодательная и исполнительная власти являлись таковыми лишь по названию. На деле же они концентрировались в руках Коммунистической партии, сфера компетенции которой не была зафиксирована ни в одном законе. Тем самым в Советском Союзе был возрожден присущий самодержавной России принцип единства и неделимости государственной власти.

Возникшее внеправовым путем Советское государство не только унаследовало характерную для царской России недооценку формально-правовых норм, но и довело эту ситуацию до абсурда. Абсолютизация классовых компонентов права привела к игнорированию его общечеловеческих начал и породила представление о нем как о возведенной в закон воле господствующего класса. Отвергнув «узкий горизонт буржуазного права», В.И. Ленин объявил, что диктатура пролетариата создает свое собственное «пролетарское право». При этом оно рассматривалось лишь как простой инструмент государ-

ственной власти, подчиненный решению чисто политических задач. Недооценка роли правовых механизмов государственного управления сопровождалась расширением поля личного усмотрения чиновников и порождала власть человека, а не закона. Нигилистическое отношение к праву предопределяло зависимость судебной власти от партийно-государственных органов и ставило под сомнение принцип беспристрастности суда, презумпцию невиновности, формальные процедуры судебного процесса и т. п. В итоге был восстановлен характерный для традиционного общества синкретический характер государственной власти, при котором судопроизводство являлось лишь одной из функций органов управления.

Первоначально большевистские лидеры крайне негативно относились к бюрократии, определяя ее как орудие классового подавления и угнетения. Так, говоря, например, о дореволюционной бюрократии, В. И. Ленин неизменно подчеркивал лишь ее дисфункциональные свойства: оторванность от общества, привилегированное положение, погоню за должностями, чиновничество, коррумпированность, формализм и т. п. Считалось, что с упразднением частной собственности и буржуазного государства исчезнет и бюрократия. Придя к власти, большевики предприняли ряд практических мер по разрушению старого государственного аппарата. «Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов» (1917 г.) упразднил все юридические акты, регламентирующие дореволюционную государственную службу: табель о рангах, Устав о службе гражданской и др. Это лишило административно-служебную деятельность всякого правового регулирования. Однако по мере осознания того, что альтернативы бюрократическому управлению просто не существует, большевики были вынуждены встать на путь создания новых бюрократических структур. В подобных условиях административные функции Советов были переданы их постоянным аппаратным структурам – исполкомам и президиумам исполкомов, работники которых не избирались, а назначались партийными комитетами.

Новая бюрократия во многом унаследовала институты, кадровый персонал и принципы организации царской системы управления. При этом, как отмечают Т.П. Коржихина и А.С. Сенин, «использовался не только старый аппарат учета и распределения, связи, путей сообщения и т. п., но и отдельные элементы буржуазного карательного механизма» [4, с. 176]. Иерархия и бюрократическое единооб-

разие, присущие царским министерствам, были распространены на все органы власти и управления, включая Советы. Так, например, Постановлением ВЦИК (1922 г.) были учреждены унифицированные структуры и штаты для всех наркоматов и местных Советов. В исполкомах Советов было введено строго установленное число отделов и подотделов, фиксированное количество служащих, определена их субординация, упорядочена система отчетности и пр. Решения исполкомов более высокого уровня стали обязательными для исполкомов более низкого уровня. Отраслевые отделы подчинялись не только территориальному Совету, но и соответствующему наркомату в центре. Все это привело к возникновению иерархически организованного государственного аппарата, широко использующего постоянных чиновников.

Решение практических задач по созданию нового государственного аппарата заставило большевиков отказаться от выборности служащих, их сменяемости и уравнинии в оплате труда с рабочими. В 1922 г. Совнарком принял «Временные правила о службе в государственных учреждениях и предприятиях», которые «содержали отдельные элементы Устава о гражданской службе досоветской России. Однако по степени проработки вопросов организации государственной службы они не могли идти ни в какое сравнение со старым Уставом» [5, с. 40]. Подобно царскому Уставу правила устанавливали запреты, регулирующие прием на государственную службу, регламентировали вопросы совмещения должностей, отношения с коммерческими предприятиями. Однако они не затрагивали целый комплекс вопросов, связанных с наймом и увольнением чиновников, условиями прохождения государственной службы, определением их прав и обязанностей, правовых и социальных гарантий и пр. Принятые первоначально как временные нормы, в дальнейшем Правила стали постоянными. Помимо них государственная служба в СССР регулировалась также ведомственными актами, законодательством о труде и постановлениями Совета министров. Однако Советское государство никогда не имело единого закона о государственной службе.

По своему качеству новая советская бюрократия существенно уступала дореволюционной российской бюрократии. Отрицательную роль сыграло упразднение прежних нормативных актов, отстранение от дел многих опытных чиновников и периодические

«чистки» государственного аппарата. Негативное влияние оказал также принцип классового подхода, устанавливающий безусловный приоритет классовой сознательности и классового происхождения над любыми управленческими знаниями и навыками. Между тем растущие масштабы огосударствления экономики и потребности модернизации страны требовали создания высокопрофессионального административного аппарата, что вынудило власть предпринимать определенные меры по его рационализации.

В результате уже в начале 20-е гг. в практику административной работы стали внедряться принципы научной организации управленческого труда (НОУТ), нацеленные на образцовую постановку делопроизводства, оптимизацию документооборота, совершенствование отчетности и пр. Одновременно развилось ноутовское движение, нацеленное на популяризацию научных методов управления и формирование у служащих высокой культуры управленческого труда. Однако интерес к НОУТ оказался недолговечным и в конце 20-х гг. полностью угас.

И.В. Сталину и его окружению требовалась не рациональная бюрократия веберовского типа, а бюрократия патримониального типа, способная быть лишь послушным исполнителем спускаемых сверху распоряжений. Она должна была демонстрировать не знание формальных правил и самостоятельность в работе, а постоянное самоотречение, политическую преданность и личную верность вождю, приказания которого имели безусловный приоритет над любыми нормами и формальными предписаниями. Яркую характеристику управленцев подобного типа дал известный русский философ Г. П. Федотов: «Вглядимся в черты советского человека, конечно, того, который строит жизнь, не смят под ногами, на дне колхозов и фабрик, в черте концлагерей. Он очень крепок, физически и душевно, очень целен и прост, живет по указке и по заданию, не любит думать и сомневаться, ценит практический опыт и знания. Он предан власти, которая подняла его из грязи и сделала ответственным хозяином над жизнью сограждан. Он очень честолюбив и довольно черств к страданиям ближнего – необходимое условие советской карьеры. Но он готов заморить себя за работой, и его высшее честолюбие – отдать свою жизнь за коллектив: партию или Родину, смотря по временам. Не узнаем ли мы во всем этом служилого человека XYI века? Напрашиваются и другие исторические аналогии:

служака времен Николая I, но без гуманности христианского и европейского воспитания; сподвижник Петра, но без фанатического западничества, без национального самоотречения» [6, с. 212].

Требования неукоснительного послушания и исполнительности порождали директивно-приказной стиль управления и военизированный характер государственной службы. Считалось, что партия не просто руководит социалистическим строительством, а ведет напряженную борьбу на всех фронтах (в терминологии Сталина: «фронт борьбы между пролетариатом и кулачеством», «фронт борьбы между деревенской беднотой и кулачеством», «фронт сельскохозяйственной кооперации», «фронт строительства», «фронт молодежи» и т. п.), широко используя при этом военную стратегию и тактику. Отсюда не случайно, что политическое руководство Сталин отождествлял с командованием, отдачей приказов и безропотным подчинением. Весьма показательно определение, данное им Коммунистической партии: «Партия – это командный состав и штаб пролетариата» [7, с. 72]. Характеризуя партийную иерархию, он охотно использовал военную лексику: высшие руководители – «партийный генералитет», средние руководители – «партийное офицерство», низший командный состав – «партийное унтер-офицерство». По мнению Сталина, государственный аппарат должен быть во всем подобен военному. Отсюда его стремление унифицировать и ранжировать всех чиновников по образцу Красной армии, для чего в ряде министерств были введены особые мундиры и знаки отличия (после смерти Сталина в большинстве из них форма была отменена). Военизированный характер государственной службы лишь усиливал патримониальные свойства советской бюрократии.

С самого начала ядром советского государственного аппарата стала партийная номенклатура как подобие политической бюрократии. Именно она обеспечивала проведение политической линии партии во всех сферах общественной жизни и на всех этажах государственного управления. Номенклатурный принцип назначения, возникнув в 20-е гг., окончательно оформился во второй половине 30-х гг. и просуществовал до конца 80-х. При отборе кандидатов в номенклатуру более всего ценилось их происхождение, анкетные данные, преданность вождю и партии. Деловые и профессиональные качества также могли учитываться, но в меньшей степени.

Психологические последствия такого подхода хорошо показал М. Восленский: «Каждый должен чувствовать, что он занимает место не по какому-то праву, а по милости руководства, и если эта милость прекратится, то он легко может быть заменен другим. Этот принцип кадровой политики порождал у счастливых назначенцев не просто покорность воле начальства, но бурное стремление выслужиться, чтобы хоть таким путем стать незаменимыми» [8, с. 212].

В период преобладания директивно-приказных методов управления с их акцентом на волевые качества руководителя, утвердилось мнение, что номенклатурное чиновничество с одинаковым успехом может руководить любой сферой общественной деятельности, будь то профсоюзы, образование, промышленность, сельское хозяйство и пр. В подобных условиях широко распространилось номенклатурное перемещение кадров по различным отраслям народного хозяйства и сферам деятельности, которое с решением задач индустриализации и растущим усложнением функций управления оказалось крайне непродуктивным. А потому, начиная с 60-х гг., к руководящим работникам стали предъявляться новые, более высокие, требования, связанные с наличием у них высшего образования, профессионального или партийного. Однако номенклатурное перемещение кадров продолжало сохраняться.

Наличие номенклатурного чиновничества еще более усиливало сходство советской бюрократии с бюрократией патримониального типа, которая полностью зависела от милости и расположения господина и не обладала устойчивой административной специализацией. Тем более что денежное содержание номенклатурных чиновников неизменно дополнялось всякого рода привилегиями и натуральными выплатами. Однако, несмотря на свой архаизм, в условиях отсутствия рыночных отношений и преобладания директивно-приказных методов управления номенклатура обладала некоторой функциональностью. Именно она обеспечивала согласованную работу всех звеньев государственного аппарата, его нацеленность на решение любых задач, поставленных властью.

Возрождение бюрократических структур было вызвано, с одной стороны, необходимостью практического решения задачи по организации управления в стране, где нужно было преодолевать хозяйственную разруху и осуществлять экономическую модернизацию, а с другой – потребностью радикального переустройства всей жиз-

ни общества на коммунистических началах, что требовало установления государственного контроля над всеми сферами общественной жизни. В подобных условиях большевики были вынуждены отказаться от идеи «отмирающего государства» и встать на путь создания мощного государства, опирающегося на постоянный бюрократический аппарат.

Использованная литература

1. Ленин, В.И. Государство и революция / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М.: Политиздат, 1981. – Т. 33. – С. 1–120.
2. Маркс, К. Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества Рабочих / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: в 39 т. – 2-е изд. – М.: [б. и., б. г.]. – Т. 17. – С. 320–385.
3. На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе / Под общ. ред. В.В. Журавлева. – Москва: Политиздат, 1990. – 447 с.
4. Коржихина, Т.П. История российской государственности / Т.П. Коржихина, А.С. Сенин. – М.: Интерпракс, 1995. – 352 с.
5. Мельников, В.П. Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность: в 2 ч. / В.П. Мельников, В.С. Нечипоренко. – М.: Изд-во Рос. акад. упр., 1993. – С. 54–60.
6. Федотов, Г.П. Россия и свобода / Г.П. Федотов // Знамя. – 1989. – № 12. – С. 197–214.
7. Сталин, И. В. О политической стратегии и тактике русских коммунистов. набросок плана брошюры / И.В. Сталин // Сочинения: в 13 т. – М.: Политиздат, 1953. – Т. 5. – С. 62–87.
8. Восленский, М. Номенклатура. Фрагменты книги / М. Восленский // Новый мир. – 1990. – № 6. – С. 205–230.

НОВЫЯ МЕТАДАЛАГІЧНЫЯ ПАДЫХОДЫ ДА ВЫВУЧЭННЯ КАСТРЫЧНІЦКІХ РЭВАЛЮЦЫЙНЫХ ПАДЗЕЙ 1917 г.

Мікалаева Л. В.

г. Мінск, БДУИР

Гісторыкі-прафесіяналы добра разумеюць значэнне метадалогіі для ажыццяўлення даследавання. Метадалогія гісторыі з'яўляецца

своеасаблівым механізмам навуковага пазнання [7, с. 11]. Агульнавядома таксама, што перад метадалогіяй стаіць і задача па ўдасканаленні паняццыйнага апарата. Ад ступені яго распрацаванасці і дыферэнцыраванасці залежыць узровень развіцця навукі. Разам з тым, у працэсе ўдакладнення паняццяў адны з іх адміралі і ім на змену прыходзілі новыя, другія змянялі свой сэнс, трэція пашыралі свой змест [7, с. 7]. Да ліку апошніх належыць і паняцце “рэвалюцыя”.

Для пачатку паспрабуем вызначыцца з азначэннем гэтай дэфініцыі. Па звестках тлумачальнага слоўніка С.І. Ажэгава, рэвалюцыя – гэта “1. Коренной переворот в обществе, который приводит к ликвидации общественного и политического строя и передает власть в руки передового класса. 2. Коренной переворот, резкий скачкообразный переход от одного качественного состояния к другому” [3, с. 585]. У сучаснай паліталогіі рэвалюцыя (ад лац. *revolutio*) – гэта “глубокое и качественное изменение в развитии общества, в способе производства, в различных областях знаний”. Пры гэтым сцвярджаецца, што рэвалюцыі ўзнікаюць у выніку паступовага нарастання супярэчнасцей, што накапліваюцца ў працэсе эвалюцыйнага развіцця, якія вырашаюцца пераваротам, скачком, рэзкімі зменамі [4, с. 338]. Такім чынам, рэвалюцыі з’яўляюцца вынікам аб’ектыўнага заканамернага працэса і ўзнікаюць на пераломным этапе, калі склаўшыся супярэчнасці ці канфлікты не могуць быць вырашаны ніякім іншым спосабам. Яны гістарычна непазбежныя.

Вялікі ўклад у распрацоўку тэорыі рэвалюцыі ўнеслі тэарэтыкі-марксісты. Яны шырока выкарыстоўвалі паняцце “сацыяльная рэвалюцыя” для характарыстыкі грамадскага развіцця. Класічная яго фармулёўка прыведзена ў “Большой Советской Энциклопедии”, артыкул у якой сцвярджае, што сацыяльная рэвалюцыя – гэта “способ перехода от исторически изжившей себя общественно-экономической формации к более прогрессивной, коренной качественной переворот во всей социально-экономической структуре общества. ...Революция никогда не является плодом заговора одинок или произвольных действий изолированного от масс меньшинства. Она может возникнуть только в результате объективных перемен, приводящих в движение массовые силы и создающих революционную ситуацию”. Аб’ектыўныя асновы сацыяльнай

рэвалюцыі карэняцца ў способе вытворчасці. Пры гэтым адзначаецца, што рэвалюцыя непазбежна сустракае на сваім шляху перашкоду ў выглядзе палітычнай улады пануючага класа. Таму “первым актом сацыяльнай рэвалюцыі з’яўляецца рэвалюцыя палітычная, т.е. завоеванне дзяржаўнай улады рэвалюцыйным класам” [2, с. 545]. Такім чынам, сацыяльныя і палітычныя рэвалюцыі ўзнікаюць як наступства нарастання супярэчнасцей ў грамадстве на пэўным этапе яго развіцця і прадстаўляюць сабой найбольш вострыя формы барацьбы паміж нараджаючыміся новымі і аджываючымі старымі формамі грамадскіх адносін.

Разам з тым, даследчыкамі вылучаюцца шэраг тыпаў сацыяльных і палітычных рэвалюцый: антыімперыялістычныя (нацыянальна-вызваленчыя, антыкаланіяльныя), буржуазныя, буржуазна-дэмакратычныя, народныя, народна-дэмакратычныя, сацыялістычныя. Сацыялістычная рэвалюцыя разглядалася савецкімі вучонымі як “гістарычна апошні тып палітычных рэвалюцый” [9, с. 235]. Прычым працяглы перыяд тэарэтыкі марксізму лічылі, што перамога сацыялістычнай рэвалюцыі магчымая толькі ў выніку гвалтоўнага пераварота (узброенага паўстання) ці грамадзянскай вайны. Толькі ў канцы 1950-х гг. яны прыйшлі да высновы пра магчымасць мірнай заваёвы ўлады працоўнымі, у т. л. і парламенцкім шляхам [4, с. 339].

У наш час навукоўцы працягваюць карыстацца напрацоўкамі тэарэтыкаў марксізму, сцвярджаючы, што сацыялістычная (пралетарская) рэвалюцыя – гэта “высшыі тып сацыяльнай рэвалюцыі, в ходзе якой ажыццяўляецца пераход ад капіталізму да сацыялізму і камунізму. Такая рэвалюцыя павінна ліквідаваць частную ўласнасць на сродкі вытворчасці, замяніў яе дзяржаўнай, скончыць з анархіяй у вытворчасці, перавесці яе на планавую аснову, уцвердзіць уладу рабочага класа – диктатуру пролетаріата ў той ці іншай форме, вырашыць нацыянальныя пытанні, перастроіць эканамічныя адносіны сацыяльную структуру, моральнасць, культуру грамадства і т.д.” [4, с. 339].

Звяртаючыся да падзей кастрычніка 1917 г. у Расійскай дзяржаве, у т. л. на тэрыторыі Беларусі, трэба адзначыць шырокую тэрміналагічную варыяцыйнасць выснаваў абзначаных падзей. Адны гісторыкі па-ранейшаму лічаць іх Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыяй, паклаўшай пачатак навінага перыяду

ў гісторыі ўсяго чалавецтва. Другія сцвярджаюць, што, наадварот, гэта быў пераварот [1], бальшавіцкі загар, проста ўзброенае паўстанне [5, с. 202] і г.д. Аднак сярод апошніх беларускіх энцыклапедычных выданняў устаяўся погляд на кастрычніцкія падзеі 1917 г. як на сацыяльную рэвалюцыю, у ходзе якой да ўлады прыйшла партыя бальшавікоў, што ўзяла курс на ліквідацыю капіталістычных адносін і пабудову сацыялізму [6, с. 552]. Пераважная большасць сучасных гісторыкаў ужывае для пазначэння сітуацыі восені 1917 г. назву “Кастрычніцкая рэвалюцыя”.

Да вывучэння рэвалюцыйных падзей 1917 г. гісторыкамі ўсё часцей пачынаюць прыцягвацца метадалагічныя напрацоўкі сенежытыкі – тэорыі і метадаў самаарганізацыі, што ператвараецца ў наш час у ядро сучаснай навуковай карціны свету. Супраць-пастаўленне фармацыйнага і цывілізацыйнага метадалагічных падыходаў да даследавання і вывучэння гісторыі падштурхоўвае навукоўцаў да сінегретычнай метадалагічнай мадэлі. Заходзячы з яе пастулатаў, грамадства разглядаецца як унутрана збалансаваная сістэма, што абменьваецца энергіяй са знешнім светам, сістэма, у якой элемент выпадковасці мае двайную накіраванасць, знішчаючы старое і ствараючы новае [7, с. 33].

Пад уплывам пераносу парадыгмальных устаноў і прынцыпаў з іншых дысцыплін аб’ектамі сучасных гістарычных даследаванняў усё часцей становяцца ўнікальныя сістэмы, што характарызуюцца адкрытасцю і самаразвіццём. Гэта – гістарычна развіваючыся сістэмы, якія з’яўляюцца больш складаным тыпам аб’екта нават у параўнанні з самарэгулюючыміся сістэмамі. Гістарычна равіваючаяся сістэма “формирует с течением времени все новые уровни своей организации, причем возникновение каждого нового уровня оказывает воздействие на ранее сформировавшиеся, меняя связи и композицию их элементов” [8, с. 183]. Фарміраванне кожнага такога ўзроўню суправаджаецца праходжаннем сістэмы праз станы няўстойлівасці (кропкі біфуркацыі), і ў гэтыя моманты нават невялікія выпадковыя ўздзеянні могуць прывесці да з’яўлення новых структур.

Улічваючы тую абставіну, што чалавек з’яўляецца часткай такіх сістэм, любое яго дзеянне можа стать фактарам, здольным кожны раз відазмяняць поле магчымых станаў сістэмы. Уключаючыся ва ўзаемадзеянне, чалавек у пераломныя моманты сутыкаецца з

проблемай выбара пэўнай лініі развіцця з мноства магчымых шляхоў эвалюцыі сістэмы. Прычым сам гэты выбар “необратим и не может быть однозначно прочитан” [8, с. 184].

Такім чынам, сінергетыка дэманструе працэс самаарганізацыі адкрытых нелінейных сістэм, якой таксама з’яўляецца грамадства, і паказвае дваістую прыроду хаоса. Хаос разбуральны, бо складаныя сістэмы могуць быць няўстойлівымі да самых малых уздзеянняў ці флуктуацый на мікраўзроўні. У той жа час ён канструктыўны, бо з’яўляецца механізмам узгаднення тэмпаў эвалюцыі, пры аб’яднанні простых сістэм у складаныя ці пры змяненні розных рэжымаў развіцця сістэмы.

Раней выпадковасць выдалялася з навуковай тэорыі, што выклікала да жыцця сцвярджэнне аб тым, што адзінкавае чалавечае намаганне не можа мець уздзеяння на ход гісторыі. Таму дзейнасць кожнага асобнага чалавека не разглядалася як істотная для макрасацыяльных працэсаў. Сінергетычная ж мадэль паказвае, што ў моманты няўстойлівасці нават самыя малыя ўздзеянні могуць разрастацца ў макраструктуры. У сілу гэтага намаганні аднаго чалавека ў вызначаных станах няўстойлівасці сацыяльнага асяроддзя могуць аказваць уплыў на макрасацыяльныя працэсы, якія характарызуюцца прынцыповай незваротнасцю. Такі падыход патрабуе неабходнасці ўсведамлення кожным чалавекам вялікай адказнасці за лёс сваёй сацыяльнай сістэмы, за будучае ўсяго грамадства. Разам з тым, у рамках такога падыходу ўзвышаецца роля асобы ў гісторыі. Прадстаўнікі сінергетычнай парадэгмы надзяляюць такой роллю любую нармальную асобу [7, с. 37].

Часы войн і рэвалюцый з’яўляюцца тыповымі прыкладамі кропак біфуркацыі. У перыяд рэвалюцыі адбываецца сутыкненне асоб, што прадстаўляюць розныя пласты грамадства. Тым самым пашыраюцца межы паняцця “сацыяльная рэвалюцыя”: у ім з’яўляецца антрапалагічны складнік. У выніку само паняцце “сацыяльная рэвалюцыя” напauняецца новым зместам [7, с. 8].

У межах сінергетычнай мадэлі ўстойлівасць і раўнавага разглядаюцца ў якасці тупікоў эвалюцыі. Сама ж гістарычная эвалюцыя “характарызуецца переходом от одной относительно устойчивой системы к другой системе с новой уровневой организацией элементов и саморегуляцией” [8, с. 183]. Гэта значыць

менавіта няўстойлівасць азначае развіццё, якое адбываецца праз выпадковае ўздзеянне на сістэму ў кропцы біфуркацыі.

Рэвалюцыя з'яўляецца адным з такіх момантаў няўстойлівасці. У стане рэвалюцыі грамадства пераходзіць у стадыю актыўнасці, абстраюцца сацыяльныя канфлікты. Тысячы людзей, галоўным чынам з ліку бяднейшых пластоў насельніцтва, што найбольш пацярпелі ад функцыянавання старой сістэмы, імкнуцца заявіць і паказаць сябе, у першую чаргу, у палітычнай дзейнасці. Але ў такім стане калектыўнага ўзрушання нібы зусім адключанай аказваецца здольнасць кожнай асобы да лагічнага мыслення. Чалавек ў аналагічных абставінах становіцца залежным ад нейкага параметру парадку, які часта знаходзіць адлюстраванне ў стыхійна ўзнікшым лозунгу [7, с. 34]. Прыкладам можа служыць сітуацыя ў Расіі восенню 1917 г., калі высунутыя бальшавікамі папулярныя лозунгі: “Мір – народам!”, “Зямля – сялянам!”, “Фабрыкі – рабочым!” сталі сілай, што садзейнічала поспеху бальшавікоў [6, с. 552].

Адным з важнейшых цэнтраў барацьбы за ўладу ў Беларусі і на Заходнім фронце падчас кастрычніцкіх падзей 1917 г. быў Мінск. Выканкам Мінскага Савета рабочых і салдацкіх дэпутатаў, у якім пераважалі бальшавікі, 25 кастрычніка 1917 г. выдаў загад № 1 “Да насельніцтва Мінска і яго наваколляў”, дзе казалася аб пераходзе ўлады Саветам. 26 кастрычніка бальшавікі Мінска стварылі Ваенна-рэвалюцыйны камітэт (далей – ВРК) Заходняга фронту [6, с. 553]. І хаця выканкам Мінскага Савета звярнуўся 26 кастрычніка да ўсіх рэвалюцыйных арганізацый краю з прапановай пачаць фарміраванне часовых органаў улады на месцах, фактычна ён праводзіў бальшавіцкую ізаляцыянісцкую лінію, абапіраючыся на ВРК Заходняга фронту. Былі праігнараваны патрабаванні шэрагу Саветаў рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў аб стварэнні дэмакратычнага ўрада. Адбылося сутыкненне з Камітэтам выратавання рэвалюцыі, прадстаўляўшым партыі эсэраў, меншавікоў і бундаўцаў. Назіралася канцэнтрацыя сіл бальшавікоў (26 лістапада 1917 г. быў створаны Абласны выканаўчы камітэт Саветаў рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў Заходняй вобласці і фронту [6, с. 554]), а не збліжэнне з сацыялістычнымі партыямі. На думку даследчыкаў, вялікую ролю ў гэтым адыграла асоба К.І. Ландара, які займаў пасады старшыні Мінскага Савета, ВРК Заходняга фронту, Савета Народных Камісараў Заходняй вобласці і фронту.

Яго пазіцыя паслужыла той флуктуацыяй, якая выклікала буйныя наступствы. Супярэчнасці толькі ўзраслі пасля роспуску Іўсебеларускага з'езда ў Мінску і Устаноўчага сходу ў Петраградзе [7, с. 35]. Аднак, з пункта гледжання сінергетыкі, адсутнасць К.І. Ландара ў Мінску восенню 1917 г. магла выклікаць да жыцця іншае развіццё падзей, па сутнасці стварыць новую гісторыю. З гэтай роллю асобы звязаны выбар альтэрнатыў.

Такім чынам, сінергетычны падыход да аналізу гістарычна развіваючыхся сістэм сведчыць аб магчымасці існавання для падобных складаных сістэм некалькіх альтэрнатыўных шляхоў развіцця. Увага чалавека да гісторыі амаль заўсёды мае пад сабой яўны ці скрыты пошук заканамернасцей і інварыянтаў. Асабліва ў пераломныя моманты, паколькі абвостраны пошук на пераломках эпох заўсёды звязаны з ацэнкай альтэрнатыўных шляхоў далейшага развіцця. Пры гэтым кожная альтэрнатыва правяраецца на трываласць, у тым ліку з дапамогай рэтраспекцыі, праз зварот да гісторыі, калі мы ўзнаўляем логіку развіцця ідэй, што вядуць да шукаемага выніку. У дадзеным кантэксце праблематыка новых метадалагчных напрацовак у рамках сенергетычнай параджымы ператвараецца ў адзін з перспектывных накірункаў даследавання.

Выкарыстаная літаратура

1. Кастрычніцкая рэвалюцыя 1917 // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. – Мінск: БелЭН, 1997. –Т. 4. Кадэты – Ляшчэня. – С. 139–141.
2. Красин, Ю.А. Революция социальная / Ю.А. Красин// Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. – М.: Изд-во “Советская энциклопедия”, 1975. – Т. 21: Проба – Ременсы. – С. 545–546.
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / С.И.Ожегов. – 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1987. – 797 с.
4. Революция // Политология: Энциклопедический словарь/ Общ. ред. и сост: Ю.И. Аверьянов. – М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. – С. 338–340.
5. Рудовіч, С.С. Беларусь у перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. / С.С. Рудовіч // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. – Мінск: БелЭн, 2004. – Т. 18. Кн. 2: Рэспубліка Беларусь. – С. 199–204.

6. Рудович, С.С. Октябрьская революция 1917/ С.С. Рудович/ Республика Беларусь.: Энциклопедия: в 6 т. – Минск: БелЭн, 2007. – Т. 5. – С. 552–554.

7. Сидорцов, В.Н. Методология истории: Курс лекций/ В.Н. Сидорцов. – Минск, БГУ, 2010. – 207 с.

8. Степин, В.С. Философская антропология и философия науки / В.С. Степин. – М.: Высшая школа, 1992. – 191 с.

9. Сцяпанаў, В.І. Рэвалюцыя сацыяльная/ В.І. Сцяпанаў, Ю.А. Гусеў// Беларуская Савецкая Энцыклапедыя: у 12 т. – Мінск: Беларуская савецкая энцыклапедыя, 1973. – Т. 9: Рабор – Сочы. – С. 234–235.

ОКтябрьская революция как фактор справедливости в технократическом мире и белорусской истории

Мушинский Н. И.

г. Минск, БНТУ

В 2017 г. отмечается столетний юбилей Великой Октябрьской социалистической революции. Удалённость исторической перспективы позволяет, предположительно, перейти к вынесению объективных справедливых оценок, отстранённых от политической ангажированности в конкретно-исторических условиях как с той, так и с другой стороны. Это представляется вполне целесообразным и необходимым, поскольку Октябрьская революция, как бы то ни было, остаётся выдающимся событием новейшей истории, далеко не утратившим свой общественный резонанс до настоящего времени. Дискуссии по её поводу и через сто лет во многом сохранили свою напряжённость, особенно в суверенных государствах, возникших в наше время на постсоветском пространстве: одни исследователи и публицисты («демократической волны») считают непоправимой исторической ошибкой «коммунистический переворот», повлёкший огромные человеческие жертвы в ходе разгоревшейся вскоре гражданской войны, продразвёрстки, «красного террора», сталинских репрессий и т.д. Другие акцентируют несомненные плюсы, предпочитая не замечать недостатков: преодоление социального неравенства, индустриализация, победа в Отечественной войне, полёт Гагарина в космос, возникновение

ряда национальных государств, в том числе БССР (и современной независимой Беларуси), – всё это, в той или иной степени, – итоги и последствия Октября. С их точки зрения, «исторической ошибкой» являлся распад СССР, перечеркнувший «социалистические завоевания», вызвавший многочисленные социокультурные проблемы (бездуховность, «цветные революции», украинский кризис и т.п.). Обе стороны апеллируют к понятию «исторической справедливости», акцентируя при этом субъективный фактор (как будто, стоило их вовремя осознать, и «ошибок истории» удалось бы избежать, или каким-либо образом можно «исправить» их последствия в настоящее время, осуществить «покаяние», компенсировать «моральный вред» потомкам и т.д.). Между тем, диалектико-материалистическая методология, признавая «роль личности в истории» (в том числе – В.И. Ленина и других «большевистских вождей», совершивших пролетарскую революцию в 1917 г.), главную роль оставляет за объективными факторами «общественного бытия» (философская категория «материи» как «объективной реальности, данной в ощущениях, но не тождественной им»), в силу которых революция не могла не произойти (как, впрочем, и распад СССР). Основным из этих факторов является развитие производительных сил общества, экономического «базиса» той или иной «формации»; соответствие ему (либо несоответствие) идеологической и социально-политической «надстройки» как раз и выражает объективное содержание и критерий справедливости в конкретно-исторических условиях. Диалектика, как теория развития, предполагает, что один и тот же феномен общественной жизни может быть как справедливым, так и несправедливым в разные периоды своего становления (к примеру, сейчас и сто лет назад); всё зависит от его соответствия уровню научно-технического прогресса в его совокупном влиянии на все стороны социокультурного бытия. Осмыслить указанные процессы на этико-теоретическом уровне помогает, в частности, современная «философия техники».

Влияние научно-технического прогресса является в наше время самоочевидным, его констатируют все новейшие философские системы, как марксизм (а также – неомарксизм и постмарксизм), так и разные течения позитивизма (сциентизма), экзистенциализма, постмодернизма, даже фрейдовского психоанализа. Промышленный переворот Нового времени сразу сделал устаревшими и «не-

справедливыми» дворянские привилегии и феодально-монархическую форму правления. Появление заводов и фабрик, широкое внедрение паровой машины и других полезных изобретений привело к изменению социально-классовой структуры, заставило искать новые «более справедливые» формы политической организации, допускающие рыночные отношения и свободную конкуренцию как стимул дальнейшего развития производительных сил. В большинстве западноевропейских стран произошли буржуазно-демократические революции: в XVI веке в Нидерландах, что совпало с освобождением промышленно развитых областей от владычества испанских монархов; в XVII – в Англии, в XVIII – Великая французская революция; при этом диктатура Кромвеля, «Империя» Наполеона и его наследников (Наполеона III и др.), а также последующие «реставрации», явились кратковременными периодами централизации власти в условиях чисто военного противостояния и переходной формой к окончательному «торжеству демократии». По аналогичным военно-политическим причинам монархия более длительное время сохранялась на окраинах европейского континента: Россия и Австро-Венгрия вели борьбу с Турцией (лидером исламского мира), Германия в эпоху Фридриха Великого и канцлера Бисмарка проходила стадию создания национального государства. Тем не менее, эти страны тоже были вынуждены проводить промышленную модернизацию (хотя бы в той же военной области, например – в России реформы Петра I, отмена крепостного права после поражения в Крымской войне), что неизбежно порождало внутрисполитическое противостояние, выразившееся, в частности, в Февральской революции (причём обе стороны были по-своему «правы» с точки зрения принципов социальной справедливости).

Однако промышленный переворот породил не только конфликт «старого» и «нового» в организации общественной системы, но и существенные противоречия внутри зарождающейся структуры, связанные с несправедливым распределением полученной на заводах и фабриках прибыли («прибавочной стоимости»). В условиях ничем не ограниченной «демократии» основная часть созданных материальных благ доставалась собственникам средств производства («капиталистам», «буржуазии»), а не гораздо более многочисленному классу наёмных работников («промышленному пролетариату»). Устранить эту несправедливость поставили целью многочисленные

рабочие партии, появившиеся в конце XIX века. Организуя забастовки и демонстрации, представляя интересы «трудящихся» в свободной прессе, парламентских дискуссиях, они боролись за «восстановление социальной справедливости». Часть из них выступила с экономическими и умеренными политическими требованиями: повышение зарплаты, сокращение рабочего дня, введение пенсий, оплачиваемых отпусков и выходных дней, пособий по безработице, легальных способов защиты своих прав – доступа к печатным изданиям, участия в парламентской деятельности и т.п. Именно эти требования путём постепенных законодательных уступок были в конце XX века реализованы в «западных» промышленно развитых странах (несомненно, свою роль сыграл наглядный пример Октябрьской революции: буржуазия осознала шаткость своего положения и согласилась во имя справедливости «пожертвовать частью, чтобы не потерять всё»). Таким образом, промышленные рабочие успешно ассимилировались в капиталистическое «общество справедливости», пополнили «средний класс», излишки заработной платы в свою очередь вложили в акции предприятий, стали получать дивиденды от их прибыли, окончательно утратили «революционность». Противостояние переместилось в другие области (на это указывает современная философия нео- и постмарксизма): истинным «угнетённым пролетариатом» попеременно становились женский пол (движение феминизма, «сексуальная революция»), учащаяся молодёжь (студенческие «бунты» 1968 г.), население слаборазвитых стран «третьего мира» (практика международного терроризма, «миграционный кризис» начала третьего тысячелетия). Эти коллизии ещё требуют инновационных решений в будущем, пока они существуют – до установления подлинной справедливости во всём мире ещё далеко.

Совсем иначе обстояло дело на рубеже XIX–XX вв.: рабочий класс реально оставался «угнетённым сословием», которому «ничего терять, кроме своих цепей», в том числе – в западноевропейских странах; он активно боролся за свои права, «за социальную справедливость», причём далеко не всегда легитимными средствами. Наиболее радикальные рабочие партии («классический» марксизм) требовали полного сосредоточения власти в своих руках и окончательной отмены частной собственности на средства производства (т.е., по сути, «диалектического синтеза» западных промышленных

технологий и восточной авторитарной структуры управления), считали это единственным возможным условием достижения справедливости в её логическом завершении.

Парадоксально, что реализовать этот проект впервые удалось в странах с отнюдь не самым передовым уровнем промышленного производства (соответственно, рабочим классом как его составляющей); наоборот, – с многовековой аграрной структурой, санкционированной централизованной монархической властью и религиозной идеологией (всё это требовало радикальной модернизации в условиях наступившего в остальном мире научно-технического переворота). Это были Россия и Китай (и сопредельные регионы), примерно в одно и то же время проигравшие западной коалиции Россия – Крымскую войну, Китай – «опиумные» войны; при этом именно России, несомненно, принадлежал исторический приоритет: коммунисты здесь пришли к власти в 1917 г. впервые в мире, в Китае же это произошло почти на полвека позже и, очевидно, под влиянием исторического примера СССР (а также – при его прямой военно-политической поддержке).

Можно предположить, что для российской революции роль катализатора сыграла Первая мировая война, в которой Китай, разумеется, не мог столь же активно участвовать. Научно-технический прогресс предполагает не только механизацию производства, но и развитие средств коммуникации (транспорта и связи). На этой основе уже в конце XIX в. наступила «первая волна» глобализации, когда паровоз, пароход, телеграф, телефон и радио охватили весь земной шар, объединили материальные ресурсы самых удалённых регионов. Возникла проблема политического синтеза, создания единого правительства, «империи» в мировом масштабе (которая ещё не решена до настоящего времени), и промышленно развитые страны развязали с этой целью «империалистические войны», начали между собой вооружённую борьбу за рынки сбыта, сферы влияния и, в конечном итоге, за «мировое господство». Российское самодержавие, выступив на стороне Антанты против Тройственного союза, оказалось в наиболее сложном положении после того, как мировая война вступила в затяжную позиционную фазу (когда технические средства обороны – пулёмёт в сочетании с колючей проволокой – оказались сильнее любых наступательных порывов). Российскому кризису способствовала как промышленная отсталость

(в сравнении с другими западноевропейскими странами), которую так и не смогли окончательно преодолеть половинчатые экономические реформы царского правительства, так и преимущественно аграрный характер хозяйственной системы. Частные поставщики оказались неспособны обеспечить материальными ресурсами массовые армии, уже комплектовавшиеся на основе всеобщей повинности (знаменитый «снарядный голод» 1915 г.). В то же время, простые крестьяне «в солдатских шинелях» ощущали как разительную несправедливость то, что одни богатеют на военных поставках, а другие годами «сидят в окопах» без всякой надежды на скорую победу, в то время как дома их хозяйство приходит в упадок, а сезонные сельхозработы остаются не выполнены. На рубеже 1916-17 гг. удержать солдатскую массу на линии фронта уже было невозможно никакими средствами: царь с этой целью сначала принял верховное командование, а потом вообще отказался от власти; Временное правительство попыталось «вдохновить» солдат демократическими лозунгами (отмена чинов, созыв комитетов, проведение митингов), направило по фронтам агитаторов, создало из имевших до этого освобождение от службы добровольцев «ударные батальоны смерти», женские части, национальные формирования (воевавшие впоследствии в Гражданской войне на обеих сторонах – чехословацкий корпус, петлюровцы, «красные» латышские стрелки и китайские «интернационалисты»), монголы барона фон Унгерна – «нового Чингисхана» и т.п.), - всё было напрасно, фронт разваливался неотвратимо.

Между тем большевистская рабочая партия изначально выступала с пораженческими призывами «превращения империалистической войны в гражданскую», поскольку ставила «классовую солидарность трудящихся» выше национальных и государственных различий («пролетарии всех стран – соединяйтесь!»). В 1917 г., когда первоначальный «патриотический» энтузиазм всех враждующих сторон уже иссяк в условиях затяжной позиционной войны, поставившей стратегический человеческий ресурс на грань «промышленного» самоуничтожения без всякой надежды на победу; когда все понимали, что война «зашла в тупик», но не знали, как её прекратить, поскольку ни одна из сторон так и не достигла окончательной «справедливости», – большевистский план неожиданно оказался востребован. Возникла мысль о том, что простые солдаты с обе-

их сторон должны взять дело войны и мира в свои руки, самоорганизоваться в «Советы депутатов», консолидироваться с трудящимися тыла (рабочими и крестьянами), самим заключить мир «без аннексий и контрибуций» по примеру стихийных фронтовых «братаний», и разойтись «по домам». Заинтересованных в продолжении войны капиталистов (обогащавшихся на военных поставках) и офицеров с генералами (получавших чины и ордена «на солдатской крови») следовало подавить силой оружия. Этот план, в целом, оказался реализован (в первую очередь в России, по указанным выше причинам), с чем связано «триумфальное шествие советской власти» 1917 г.

В дальнейшем, однако, возникли сложности: в силу неоднородности социального состава враждующих сторон остановить военные действия на всех фронтах одновременно не получилось (не осуществился план «перманентной мировой революции»), пришлось заключать на самых унижительных условиях Брестский мир («похабный», по словам Ленина). Значительная часть российского общества его не признала и попыталась в глубине территории организовать для продолжения германской войны новую Добровольческую армию (при поддержке Антанты), что в дальнейшем привело к развязыванию Гражданской войны и к иностранной интервенции. Частная «мелкобуржуазная» собственность на землю не позволила организовать нормальное снабжение городского населения (это послужило одной из причин краха царского режима, «мужички» попросту «придержали хлеб», ожидая повышения закупочных цен), поэтому, опираясь на рабочие «красногвардейские отряды», пришлось перейти к практике «военного коммунизма» и «продразвёрстки». Тогда «мужички» вообще перестали работать, начался массовый голод, его сопровождали крестьянские восстания в ряде областей и Кронштадтский мятеж; только экстренный переход к практике НЭП частично спас положение в стране. В дальнейшем, уже в советские времена, крестьянство посредством «коллективизации» всё же удалось поставить под контроль «социалистического государства», провести на этой основе индустриализацию страны, через четверть века после «великого Октября» под новыми лозунгами и в новой обстановке одержать окончательную Победу над германским реваншизмом и, ещё позже, в конце XX века, «на равных» вести ракетно-ядерное противостояние с США (и их сателлитами) в «холодной войне». В этом

и состоял, в конечном итоге, всемирно-исторический смысл Великой Октябрьской социалистической революции, обусловленный общими тенденциями технократического развития мирового социума.

В конкретных условиях пришлось отказаться от идеи «мировой революции» и создания единой «советской республики», «общества социальной справедливости» в глобальном измерении (после неудачной советско-польской войны 1921 г., когда у поляков национальный интерес возрождения утраченной в 18 в. государственности возобладал над «классовой солидарностью», не позволил перенести «революционный пожар» дальше – в Германию, Европу и на другие континенты). Переход к более реалистической концепции «построения социализма в отдельно взятой стране» сопровождался драматическими коллизиями внутривластной борьбы «троцкистов» со «сталинистами», «чистками» и массовыми репрессиями 1937 г. Ещё один важный исторический итог событий Октября 1917 г. это то, что в ходе всех многочисленных исторических пертурбаций многие народы на территориях распавшихся крупных империй (Российской, Османской, Австро-Венгрии и др.) получили национальную независимость, поскольку «ідея нацыянальнага вызвалення... ідея незалежнасці народу гэта ідея справядлівая» [1, с. 18]. Это в полной мере касается современной суверенной Республики Беларусь, которая через историческую преемственность (БССР, ЛитБелССР, ССРБ, БНР) генеалогически несомненно связана с процессами национального возрождения, политически оформленными в ходе Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.

Использованная литература

1. Суліма. «Гэтым пераможаш! ...» (Нарысы крытычнага аптымізму) // Заходняя Беларусь: Зборник. Кн.1. – Вільня, 1923. – 123 с.

ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА КАК ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЕКТ

Панченко А. В.

г. Минск, БНТУ

Корифеи социально-политической науки XIX в. – К. Маркс и Ф. Энгельс разработали целостное учение, в котором принципи-

альным стало положение о революции. Тезис о революциях как «локомотивах истории», сбрасывающих оковы с новых производительных сил и взрывающих старые, отжившие производственные отношения – красной нитью проходит через все учение.

Анализ истории и практики общественного развития дал основание К. Марксу и Ф. Энгельсу выдвинуть и обосновать определенные ступени (стадии) или общественно-экономические формации, которые последовательно преодолевает «паровоз революции» продвигаясь по спирали эволюции человеческого общества: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и собственно социалистическую (коммунистическую) формации. При этом важно отметить, что первые четыре стадии «опрокидываются» по результатам социальной революции, тогда как капитализм уничтожается в результате политической революции и установления диктатуры пролетариата. Почему в своей теории К. Маркс и Ф. Энгельс противопоставляют революции социальные политическим? Все дело в том, что докапиталистические эпохи были не в состоянии рекрутировать из своей среды особый по силе, воле, историческому нетерпению класс, который оказался бы способным совершить политическую революцию и которому «нечего терять, кроме своих цепей». Такой класс сумела породить лишь эпоха капитализма – рабочий класс, пролетариат – «могильщика капитализма». Будучи ведомым особым боевым отрядом – политической организацией – партией, пролетариат совершает политическую революцию.

Революции, говорит Маркс, это не случайное, а закономерное явление. Ибо к ним приводят глубокие противоречия в развитии общества. Но чтобы революция произошла, необходимо вызревание объективных и субъективных предпосылок или факторов. К объективным предпосылкам К. Маркс относит сами противоречия в развитии материального производства, прежде всего, противоречия в экономике, промышленности. А к субъективным предпосылкам – неспособность конкретных элит, лидеров управлять и разрешать эти противоречия. Вместе взятые эти предпосылки не гарантируют еще самой революции. Для этого нужна революционная ситуация – совокупность объективных условий, выражающих экономический и политический кризис общества. Позднее В.И. Ленин раскрыл содержание «революционной ситуации»: «Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господ-

ство: тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому... Обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов... Значительное повышение... активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами», к самостоятельному историческому выступлению. Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция – по общему правилу – невозможна», – писал В.И. Ленин [1, с. 218–219].

Коротко говоря, революционную ситуацию В.И. Ленин определил через такую формулу: это когда «верхи не могут управлять по-старому, а низы не хотят жить по-старому», – наступает революционная ситуация. Но возникает вопрос: «Если положить на чаши весов два фактора – объективные и субъективные предпосылки для совершения революции, то какие перевесят»? На этот вопрос В.И. Ленин отвечал так: «Перевесят субъективные факторы». Поскольку «старое правительство само не упадет, если его не уронить». И подтолкнуть старое правительство к падению должна политическая организация – партия нового типа.

Для К. Маркса и Ф. Энгельса было совершенно очевидно, что революционный класс окреп в странах Западной Европы и, прежде всего, в Англии, Франции, Германии как наиболее промышленно развитых государствах. Поэтому совершение политической революции социалистического типа мыслилось К. Марксу и Ф. Энгельсу как развертывание западно-европейского революционного процесса. Прогнозировалось, что революционный процесс в Западной Европе даст старт политическим революциям во всемирном масштабе и вовлечет в свою орбиту рабочий класс других народов и государств, станет форпостом создания Мировой Республики Советов в исторической перспективе.

Были ли у Российской Империи начала XX в. соответствующие объективные (материальные, классовые, прежде всего) предпосылки для совершения политической революции по Марксу? Совершенно очевидно, что не было. Российская Империя в указан-

ный период представляла собой аграрное и полуиндустриальное общество, где неразвитость капитализма и рабочего класса в условиях глубоко укорененного сословно-помещичьего строя, была кричащей.

В этой связи Ф. Энгельс в конце своей жизни, отвечая на вопрос «отца российского марксизма» Г.В. Плеханова о гипотетической перспективе совершения революции в России, допускал возможность ее осуществления в стране. Однако при этом Ф. Энгельс оговаривался, что стеновым хребтом социальной и экономической жизни России является не пролетариат, а крестьянская община, которая способна стать «могильщиком капитализма», но с большим трудом. В дальнейшем, развивая эту мысль Ф. Энгельса, Г.В. Плеханов убеждал, что «русская история еще не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма», а для самого краха мирового капитализма «потребуется как минимум столетие» [2, с. 68]. Позднее незадолго до своей кончины в 1918 г. Г.В. Плеханов составил политическое завещание, в котором выступит против большевистской революции ставшей, по его мнению, результатом «малоразвитого капитализма», «малоразвитого пролетариата, нищеты, бескультурья и низкого сознания трудящихся». По мысли Г.В. Плеханова, революция с неизбежностью повлечет за собой «неограниченный, тотальный классовый террор, который легко может превратиться в тотальный государственный» [3].

С начала XX вв. в Российской Империи были инициированы реформы «сверху» под руководством П.А. Столыпина. Их цель – перевести Россию на путь перехода от собственности государственной к индивидуальной. Но реформы П.А. Столыпина стали попыткой нарушить принцип общинного землевладения и, следовательно, общинно-коллективистского мировосприятия. Столыпинские реформы оказались безуспешным стремлением заставить Россию не только «перескочить» через несколько этапов исторического развития общества, но, главное, поломать многовековые исторические традиции России (этатизма, общинно-артельные способы хозяйствования, тотальность (целостность) менталитета людей и его побудительные мотивы). В стране усилились радикальные идеологии и практики террора. Так, в 1906 г. в Минске от рук террориста И Пулихова погиб губернатор П. Курлов. А в 1911 г. в Киеве террористом Д. Богровым был застрелен и сам зачинатель реформ –

П.А. Столыпин. По наблюдениям видного либерального публициста начала XX в. А.С. Изгоева, радикализм вкупе с социализмом стал служить той «колыбелью, в которой пестовалась политическая мысль» [4, с. 4]. Возможно ли было иными нерадикальными и неревolutionными методами разрешить острейшие противоречия в Российской империи начала XX в.?

Традиции этатизма, стремления к сильной власти в политике, общинно-артельные способы хозяйствования в экономике, целостность менталитета в духовной сфере – оказали решающее влияние на неспособность общества принять и последовать постепенному реформистскому пути. В годы Первой Мировой войны аграрно-индустриальная страна не выдержала напряжения и вступила в полосу острого и затяжного кризиса. В условиях российской действительности до 1917 г., где общественно-политические и социальные антагонизмы достигли своей критической точки и где мирные, конституционные формы борьбы себя исчерпали либо были дискредитированы, – наиболее эффективным средством разрешения объективно назревших задач признавалось революционное решение.

Безусловно, в российском обществе сохранялись реальные политические альтернативы революционному направлению. Так, либеральная политическая альтернатива, которую выражали П. Милюков, П. Новгородцев, П. Струве и др. выступала за ликвидацию абсолютной монархии в стране и замене ее конституционно-парламентарным строем, настаивала на введении всеобщего избирательного права, демократических свобод, реализации требований культурного самоопределения наций и народностей России. С другой стороны, «корниловская политическая альтернатива» (август, 1917 г.) показывала реальную возможность военного переворота и установления военно-бюрократического, диктаторского режима.

Однако со стороны огромных масс населения была оказана поддержка большевикам во главе с В.И. Лениным. Эта поддержка показала, что большевистские лидеры не только уловили сущность исторических традиций России, но и предложили народу вариант общественного переустройства, который соответствовал их стремлениям на отторжение тяжелейшего груза первоначального накопления капитала и капиталистической модернизации «вдогонку». Это был груз, который привел Россию к катастрофическому социальному расслоению населения и деградации страны

Как подчеркивал Н. Бердяев, будучи в эмиграции в своей книге «Истоки и смысл русского коммунизма», именно ленинизм оказался «наименее утопическим и наиболее реалистическим», оказался способным «овладеть положением». Только он «соответствовал массовым инстинктам и реальным соотношениям, которые сложились в России в 1917 году». Большевики оказались той единственной силой, «... которая, с одной стороны, могла покончить разложение старого и, с другой стороны, организовать новое». «Никогда в стихии революции, и особенно революции созданной войной, не могут торжествовать люди умеренных, либеральных, гуманитарных принципов. Принципы демократии годны для мирной жизни, да и то не всегда, а не для революционной эпохи. В революционную эпоху только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии. Нужно было взбунтовавшимся массам дать лозунги, во имя которых эти массы согласились бы организовать и дисциплинировать, нужны были заражающие символы» [5, с. 114-115].

Из всех политических альтернатив, реально существовавших в Российской Империи накануне Октябрьской революции 1917 г., большинство народа выбрало и поддержало альтернативу В.И. Ленина – более всех привлекавшей новизной, радикализмом, обещаниями. При этом важно иметь в виду, что революция была бы невозможна, если бы большая часть народа не пошла за В.И. Лениным и не решила попытаться жить по-новому.

В настоящее время продолжают многолетние дискуссии и споры о том, имел ли место тайный сговор большевистских лидеров и их зарубежных покровителей с целью совершения революции. Некоторыми аналитиками давно развивается тезис, согласно которому деятельность В.И. Ленина и большевиков напрямую финансировалась Генеральным штабом Германии, руководство которого полагало, что при помощи большевиков сумеет нейтрализовать Россию и вывести ее из войны путем активизации радикально-революционных элементов, что помогло бы развалить Россию в результате внутренней борьбы. Подобные суждения одним из первых озвучил бывший руководитель Временного Правительства А.Ф. Керенский, который уже в эмиграции в Англии, публично выступал со ссылкой на имеющиеся документальные факты, свидетельствующие о переводе крупных сумм денег в валюте и зо-

лоте через Сибирский банк со стороны Германии на поддержку большевистской революции [6, с. 376].

Тем не менее, большевики во главе с В.И. Лениным и их последователи не делали тайны из своих планов и замыслов. Они не скрывали своих перспектив на революцию как стратегическую задачу, а установление диктатуры пролетариата рассматривалось как вспомогательное средство для достижения цели. Большевистские агитаторы и пропагандисты массово и открыто агитировали на тысячных митингах, в прессе, в полках, на общественных съездах, где излагалась программа их стратегии и тактики. Именно у большевиков во главе с В.И. Лениным оказались наилучшие шансы на победу. Возможность не была упущена.

В 1989-1991 гг. незадолго до распада СССР, в стране развернулась острая общественно-политическая дискуссия о судьбах Октябрьской революции 1917 г., участники которой высказали суждения, не утрачившие своей актуальности и в наши дни. Суть позиций ученых, среди которых П.В. Волобуев, Г.З. Иоффе, В.И. Старцев, А.П. Бутенко, В.П. Булдаков и др. сводилась к мысли о том, что к периоду, когда произошла Октябрьская революция 1917 г. «по силе революционных классов, т.е. по зрелости политических предпосылок революции, Россия превзошла другие страны». «Октябрьская революция, как и все великие революции в мировой истории произошла тогда, когда в начале XX века пришел ее черед». «В стране за 12 лет произошли три революции. Три массовые революции подряд (первая революция – 1905 г.; вторая революция – февраль, 1917 г.; третья революция – октябрь, 1917 г. – *авт.*) объективно свидетельствовали о том, что перемены назрели, стали жизненной тенденцией, требованием большинства классов и групп страны» [7, с. 65-84]. Несмотря на попытки царского режима вовлечь Российскую Империю в орбиту западной модернизации «вдогонку» при помощи инициирования и поддержки реформаторской деятельности П.А. Столыпина, народные массы, в своей основе, оставались слабо поддающимися капиталистической модернизации. Это противоречие обнажилось в расколе общества, в неспособности правительственных кругов консолидировать общество и противостоять жесткой поляризации социальных сил.

Глубокое социальное расслоение катастрофическим образом сказалось на демографическом потенциале страны. В условиях повсеместной нищеты и неграмотности средняя продолжительность

жизни в Российской Империи составляла 33 года. Издававшийся в России «Вестник воспитания» в 1906 г. опубликовал подсчеты, из которых вытекало, что всеобщая грамотность в европейской части страны достижима разве что через 120 лет, в Сибири и на Кавказе – через 430 лет, а в Средней Азии – через 4 600 лет. Фактически это было не развитие, а деградация. Сама жизнь народа требовала прорыва этого деградационного варианта движения и выхода на путь социального развития. Революция, которую возглавил и осуществил В.И. Ленин, опиралась на исторические традиции России и выражала эти традиции. Революция вывела страну на принципиально новую парадигму развития – из отсталой, деградирующей – на путь построения общества социальной справедливости. Следствием революции стали острый и затяжной кризис во всех сферах жизни, а также нежизнеспособность других, не революционных политических альтернатив общественному развитию. Но если для К. Маркса и Ф. Энгельса революция была возможна лишь в развитых странах Западной Европы, то для В.И. Ленина наоборот – «наша отсталость двинула нас вперед» [8, с. 235]. В этом смысле Октябрьская революция 1917 г. произошла не «по Марксу». Она произошла «по Ленину», который существенно скорректировал теорию революции К. Маркса и Ф. Энгельса. В чем состоит принципиальная новизна взглядов В.И. Ленина на революцию по сравнению с интерпретациями К. Маркса и Ф. Энгельса?

В.И. Ленин разработал теорию перерастания капитализма в последнюю, высшую стадию своего развития – империализм. В.И. Ленин установил, что с переходом капитализма на стадию монополистического капитализма происходит утверждение системы империализма. Империализму имманентно присуща тенденция к интернационализации капитала путем преодоления рамок национального государства. Это проявляется в институционализации и деятельности международных монополий: корпораций, трестов, синдикатов, подчиняющих своему влиянию весь мир путем интернационализации системы эксплуатации. В итоге устанавливается мировое господство монополий – система империализма, которая сопровождается ростом реакции по всей линии – милитаризма, паразитизма, коррупции, олигархии, подавление свободы, демократии, а в области идеологии – рост шовинизма, национализма, расизма, мистики с целью духовного порабощения и одурманивания масс.

По существу свойственный империализму паразитизм, «проявляется в необычайном росте класса или, вернее, слоя рантье, т. е. лиц, живущих «стрижкой купонов», – лиц, совершенно отделенных от участия в каком бы то ни было предприятии, – лиц, профессией которых является праздность». «Доход рантье впятеро превышает доход от внешней торговли в самой «торговой» стране мира! Вот сущность империализма и империалистического паразитизма». «Понятие: «государство-рантье» или государство-ростовщик, становится поэтому общеупотребительным в экономической литературе об империализме... Мир разделился на горстку государств-ростовщиков и гигантское большинство государств-должников», – отмечал В.И. Ленин [9, с. 397–398].

В.И. Ленин доказывал, что империализм стал высшей и вместе с тем последней стадией развития монополистического капитализма, на которой происходит формирование материальных предпосылок и субъективных факторов перехода к более высокому, социалистическому общественному строю и совершается сам переход. Однако в силу того факта, что монополистический капитализм в различных государствах развивается неравномерно и, следовательно, не везде он достиг своей высшей и последней стадии – империализма, то победа пролетарской революции становится возможной не во всемирном масштабе одновременно, как прогнозировали К. Маркс и Ф. Энгельс, но сначала в нескольких странах или даже в одной стране. В данном контексте В.И. Ленин выдвинул положение о «слабом звене» в системе империализма и совершения политического прорыва (революции). Таковым «слабым звеном» в ленинской интерпретации и стала Российская империя первой трети XX в., вступившая в Первую мировую войну, по определению В.И. Ленина, войну «империалистическую», «грабительскую».

Таким образом, Октябрьская революция 1917 г. есть «отличный от западно-европейского, вариант пути к современной индустриальной цивилизации», но с известными отклонениями от западно-европейского пути развития. Россия входила во «второй эшелон» капитализма, который представляли страны-маргиналы, расположившиеся на периферии развития капиталистического мира. Все они попытались решить задачу ускоренной капиталистической модернизации с помощью правоавторитарных режимов. В то время как

Октябрьская революция 1917 г. оказалась попыткой леворадикального «уклонения» от военно-диктаторского режима [7, с. 16. 83].

В конечном итоге Октябрьская революция 1917 г. стала главным событием XX в. потому, что именно она в решающей мере определила тот постиндустриальный, информационный облик современного мира, который мы знаем и видим. Главный итог революции – народные массы пришли в движение во всем мире. Революция расшевелила всех.

Использованная литература

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26.
2. Безелянский Ю. Отец русского марксизма // Наука и жизнь. – 2010. – № 3. – С. 67–73.
3. Политическое завещание Г.В. Плеханова. Приложение к газете «Хранить вечно» // Независимая Газета. 30.11.1999.
4. Изгоев А. С. Наши политические партии. – Петроград, 1917.
5. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990.
6. Керенский А.Ф. Интервью г-те «Интернешнл геральд трибьюн». 23 августа 1968 г. // Буржуазные идеологи о 50-летию Советской власти. Вып. 2. – М., 1968.
7. Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? / Под ред. П.В. Волобуева. – М.: Политиздат, 1991.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36.
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27.

СТАНАЎЛЕННЕ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ ПАД УЗДЗЕЯННЕМ РЭВАЛЮЦЫЙ 1917 Г. І АДНОСІНЫ ДА ЯЕ ГЕРМАНІІ І САВЕЦКАЙ РАСП

Саракавік І. А.

г. Мінск, Акадэмія кіравання
пры Прэзідэнце Рэспублікі
Беларусь

XX стагоддзе ў сьвядомасці сучасніка ўвайшло ў гісторыю такімі важнейшымі падзеямі, як Першая і Другая сусветныя войны, знікненне з карты свету Расійскай імперыі і ўтварэнне на яе аснове Савецкага Саюза, а затым і распад СССР. Асабліва значымай падзеяй для народаў пострасійскай імперыі з'явіліся Лютаўская і

Кастрычніцкая рэвалюцыі 1917 г. Яны актывізавалі імкненні народаў, у тым ліку і беларускага, да сваёй дзяржаўнасці.

Працэс гэты пачаўся раней. Асаблівасцямі беларускага нацыянальнага руху ў пачатку ХХ ст. стала тое, што ён, у адрозненне ад рухаў іншых народаў, развіваўся пад кіраўніцтвам адной партыі – Беларускай сацыялістычнай грамады; па характару ў асноўным быў сялянскім, народніцкім; меў адносна слабую матэрыяльна-фінансавую базу; на яго ўздзейнічалі такія сілы, як урадавы чарнасоценна-акцябрысцкі блок, польскія шляхецка-клерыкальныя групы [18, с. 435].

Характэрна, што да Першай сусветнай вайны дзяржаўнасць прадстаўлялася ў выглядзе аўтаноміі Беларусі ў складзе Расіі. Яна выказвалася прадстаўнікамі як уплывовых колаў (памешчыкам Р.А. Скірмунтам, присяжным павераным А.Р. Лядніцкім, князем Г. Друцкім-Любецкім, ксяндзом Ф.С. Трасуном, баронам Э.Ю. Ропам і інш.), так і левых партый на чале з сацыялістам А. Луцкевічам, хаця яны былі падзелены сацыяльна-эканамічнымі і духоўнымі бар’ерамі [6, с. 316–327].

Ведаючы пазіцыю Расіі і намеры Германіі, кіраўнікі беларускага нацыянальнага руху імкнуліся адраджэння Вялікага Княства Літоўскага ў выглядзе канфедэрацыі Беларусі і Літвы. 15 снежня 1915 г. у Вільні быў надрукаваны ўніверсал аб утварэнні ВКЛ з раўнапраўных частак – Літвы і Беларусі. У лютым 1916 г. у адозве Рады канфедэрацыі да грамадзян была выкладзена дзяржаўная платформа. У ёй гаварылася, што, па-першае, літоўскія і беларускія землі павінны былі ўтварыць дзяржаўную цэласнасць з адным соймам у Вільні. Па-другое, у склад Беларуска-Літоўскай дзяржавы ўваходзілі ўсе акругі, занятыя нямецкімі войскамі, – Ковенская, Віленская, Гродзенская і Сувалкаўская, літоўскія часткі Курляндыі, а таксама часткі Мінскай губерні; усім нацыям на гэтых землях забяспечваліся поўныя правы. Па-трэцяе, неабходна было сабраць Устаноўчы сойм у Вільні з мэтай распрацоўкі канстытуцыі новай дзяржавы [1, с. 32–34]. Аднак гэта ідэя не была рэалізавана з-за пазіцый літоўцаў, палякаў, немцаў. Літоўцы баяліся, што ў супольнай дзяржаве, як малы народ, будуць залежаць ад беларускай дамінацыі. Палякі хацелі аднавіць Рэч Паспалітую ў межах 1772 г. і таму разглядалі Беларусь па-ранейшаму як «крэсы усходні». Немцы прытрымліваліся стратэгічнай задачы – аслабіць царскую Расію,

вывесці яе з вайны. Беларускія землі разглядалі як сродак дасягнення мэты – імі можна было гандляваць.

У гады Першай сусветнай вайны дзяржаўнасць беларускага народа ў многім залежыла ад пазіцый Германіі і Расіі. Немцы захапілі прыкладна 25% тэрыторыі Беларусі з насельніцтвам звыш 2 млн чалавек. Стаўленне нямецкай палітычнай эліты да яе не было адназначным, існавала некалькі праектаў. Паводле першага меркавалася занятыя землі далучыць непасрэдна да Германіі. Аўтары другога прапаноўвалі з расійскай і аўстрыйскай частак Польшчы стварыць самастойную польскую дзяржаву пад пратэктаратам Аўстрыі. Трэці праект, падтрыманы Галоўным ваенным камандаваннем, прадугледжваў прыняцце канкрэтнага рашэння, зыходзячы з ходу ваенных дзеянняў. Менавіта ён і быў прыняты. У адпаведнасці з апошнім праектам Германія і праводзіла сваю палітыку на ўсходзе. 5 лістапада 1916 г. Германія і Аўстра-Венгрыя аднавілі Польскае каралеўства ў існуючых раней межах як незалежную дзяржаву з манархічна-канстытуцыйным ладам [15, с. 8].

Галоўнай жа мэтай нямецкага камандавання было вывесці Расію з вайны, захаваць яе як эканамічнага партнёра з яе вялізным унутраным рынкам, дабіцца ад яе пэўных уступак. З мэтай аслаблення царскай Расіі і ўмацавання свайго тылу нямецкае камандаванне дазволіла ўтварыць у Вільні Цэнтральны саюз беларускіх нацыянальных грамадскіх арганізацый на чале з Беларускім народным камітэтам (БНК) – каардынацыйным органам беларускіх палітычных, грамадскіх і прафесійных арганізацый [27, с. 18]. Палітычная дзейнасць яго была скіравана на ўтварэнне Беларуска-Літоўскай дзяржавы з унутраным размежаваннем «аўтаномных Беларускай і Літоўскай зямель паводле матчынай мовы жыхароў» [28, с. 438].

Па другі бок фронту на беларускай этнічнай тэрыторыі размяшчаліся расійскія арміі. Беларускія гарады, мястэчкі і вёскі прыкметна папоўніліся расійскімі войскамі і іх тылавымі службамі. У прыфрантавой паласе сабралася больш за мільён бежанцаў з Польшчы і заходніх раёнаў Беларусі [2, с. 577]. Адносіны царскай Расіі да Беларусі ў час вайны не змяніліся: не прызнала афіцыйнай беларускую мову, не дазваляла ствараць нацыянальныя арганізацыі; па-ранейшаму прытрымлівалася пазіцыі адзінай і недзялімай

імперыі. Такі ж падыход меў і Часовы ўрад. На яго думку, тэрытарыяльная праблема будучай Расіі павінна была вырашацца ўсерасійскім устаноўчым сходам.

На гэты час у Беларусі існавалі розныя падыходы адносна яе дзяржаўнасці. На захадзе і ў цэнтры пераважалі незалежніцкія настроі, на ўсходзе схіляліся да федэратыўнай сувязі з дэмакратычнай рэспубліканскай Расіяй у форме абласной аўтаноміі ці аўтаномнага краю. Пытанне аб дзяржаўнай незалежнасці не ставілася.

Скарыстаўшыся шэрагам унутраных і знешніх прычын у Расіі, а таксама папулісцкімі лозунгамі, паўваеннай пабудовы сваёй арганізацыі большавікі змаглі ў Кастрычніку ўзяць уладу ў свае рукі. На погляд жа Г.В. Пляханава, яе рабочы клас быў малалікім, каля 2,5% усяго насельніцтва [19, с. 33], і не падрыхтаваны для ўзяцця палітычнай улады. І таму, «несвоечасова захапіўшы палітычную ўладу, рускі пралетарыят не зробіць сацыяльную рэвалюцыю, а толькі выкліча грамадзянскую вайну» [22, с. 105].

З пункту гледжання марксізму ў Беларусі абсалютна не існавала аб'ектыўных і суб'ектыўных умоў для сацыялістычнай рэвалюцыі. Індустрыялізацыя адсутнічала. Рабочы клас быў малалікім. Большавікі тут не мелі дастатковай сацыяльнай апоры. Тым не менш, 25 кастрычніка быў утвораны Мінскі Савет рабочых і салдацкіх дэпутатаў, 26 лістапада – Абласны выканкам Саветаў рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў Заходняй вобласці і фронту.

У выніку Беларусь апынулася перад выбарам: ісці па шляху нацыянал-дэмакратычнаму ці па большавіцкаму. Справа ў тым, што яшчэ 25-27 сакавіка 1917 г. з'езд беларускіх партый і арганізацый прыняў рашэнне ўтварыць Беларускаю краёвую раду і яе выканаўчы орган – Беларускі нацыянальны камітэт і дабівацца дзяржаўна-тэрытарыяльнай аўтаноміі Беларусі ў складзе федэратыўнай дэмакратычнай рэспублікі Расіі. Другі падобны з'езд у Мінску 8-12 ліпеня 1917 г. перайменаваў БНК у Цэнтральную раду беларускіх арганізацый і партый, якая ў сваю чаргу 15-20 верасня была пераўтворана ў Вялікую беларускую раду (ВБР) [24, с. 232–235]. Улічваючы кастрычніцкі пераварот большавікоў, 27 кастрычніка 1917 г. ВБР выдала Грамату да беларускага народа аб недапушчэнні бязладдзя на тэрыторыі Беларусі, а 15 лістапада – адозву, у якой прапаноўвалася заключыць мір з Германіяй,

аб'яднаць Беларусь, утварыць дэмакратычную рэспубліку, злучаную з Вялікарасіяй, суседнімі рэспублікамі на аснове фэдэрацыі, перадаць сялянам зямлю, утварыць беларускае войска, правесці 5 снежня 1917 г. у Мінску з'езд прадстаўнікоў беларускага народа для вызначэння яго будучыні [23, с. 241].

Каб перахапіць ініцыятыву ВБР, бальшавікі праз Беларускі абласны камітэт пры Усерасійскім Савеце сялянскіх дэпутатаў (БАК) прынялі Дэкларацыю, ухваленую Леніным і Сталіным, аб скліканні 15 снежня 1917 г. у Рагачове надзвычайнага беларускага з'езда для ўтварэння аўтаномнай Беларусі як часткі Расійскай рэспублікі. Паколькі арганізацыйна яны не паспявалі гэта ажыццявіць, то вырашылі далучыцца да правядзення з'езда ў Мінску і на ім “раскалоць” з'езд, схіліць прысутных да прыняцця свайго рашэння.

На з'ездзе выявіліся чатыры асноўныя падыходы да дзяржаўнасці Беларусі: незалежнасць у рэспубліканскай форме, абласны статус у складзе Расіі, аўтаномны статус са сваёй адміністрацыяй і Краёвай радай, асімілятарскі падыход. Калі большасць дэлегатаў не падтрымала прапанову БАК, у ноч з 17 на 18 снежня па загаду Аблвыкамзаха з'езд быў распушчаны, а прэзідыум – арыштаваны [16, с. 185-187]. Выканкам Рады імкнуўся ўстанавіць сувязь з СНК РСФСР, але не знайшоў там паразумення. Сталін у студзені 1918 г. на III Усерасійскім з'ездзе рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў назваў яго «з'ездам памешчыкаў» [9, с. 69].

8 лютага 1918 г. Германія на перамовах у Брэст-Літоўску аб'явіла ультыматум Расіі. Ленін вымушаны быў пагадзіцца з германскімі ўмовамі міру, а Л.Д. Троцкі адмовіўся [10, с. 340]. Тады 18 лютага 1918 г. немцы пачалі наступленне па ўсяму фронту і хутка занялі Полацк, Магілёў, Гомель, Ветку.

19 лютага 1918 г. кіраўнікі Аблвыкамзаха пераехалі ў Смаленск. Уладу ў Мінску ўзяў Выканкам Рады Усебеларускага з'езда. 21 лютага ён прыняў 1-ю Устаўную грамату да народаў Беларусі і сфарміраваў урад – Народны Сакратарыят, але беларускую дзяржаўнасць не абвясціў. 22 лютага немцы ўвайшлі ў Мінск, не прызналі Народны Сакратарыят. Толькі ў чэрвені паміж нямецкай акупацыйнай уладаю і ўрадам БНР была дасягнута пэўная згода [25, с. 385].

3 сакавіка 1918 г. сепаратны мірны дагавор быў падпісаны, 15 сакавіка ратыфікаваны надзвычайным IV Усерасійскім з’ездам Саветаў, 22 сакавіка адобраны германскім рэйхстагам і 26 сакавіка ратыфікаваны Вільгельмам II. 85% тэрыторыі Беларусі адыходзіла Германіі, 15 % – Савецкай Расіі. Паўночна-заходняя частка Беларусі назайсёды адыходзіла да Германіі з назвай «Новая Усходняя Прусія». У дагаворы ўказвалася, што «Россия отказывается от всякого вмешательства во внутренние дела этих областей» і што «Германия готова, как только будет заключен всеобщий мир и проведена полностью русская демобилизация, очистит территорию, лежащую восточнее» «Новай Усходняй Прусіі» [17, с. 53–54]. Так тэрыторыя беларусаў была падзелена на тры часткі: заходняя з Вільняй непасрэдна далучалася да Германіі, цэнтральная лічылася часова акупіраванай немцамі, усходняя заставалася ў складзе Савецкай Расіі. Германія не была зацікаўлена ў прызнанні незалежнасці Беларусі, бо, з аднаго боку, уключала ў свой склад яе паўночна-заходнія землі, а з другога – разглядала Беларусь як зручны мост для барацьбы з бальшавізмам. У адрозненне ад цывільнай улады нямецкае ваеннае камандаванне не было зацікаўлена ў перадачы беларускай тэрыторыі бальшавікам, бо апошнія ў ваенна-стратэгічным плане атрымлівалі зручны выступ. 23 сакавіка 1918 г. Вільгельм II выдаў дэкларацыю аб прызнанні незалежнасці Літоўскай дзяржавы, у склад якой былі ўключаны і беларускія землі (Віленшчына, Гродзеншчына, Беласточчына).

Толькі пасля ратыфікацыі бакамі Брэст-Літоўскага дагавора 18 сакавіка 1918 г. Рада Усебеларускага з’езда была пераўтворана ў Раду БНР, шэсць членаў Віленскай Беларускай рады былі кааптаваны ў склад рады БНР. 25 сакавіка 1918 г. яна выдала 3-ю Устаўную грамату аб дзяржаўнай незалежнасці БНР [20, с. 213]. У ёй заяўлялася, што ўрад БНР «мае ўвайсьці ў зносіны з зацікаўленымі старанамі, прапануючы ім перагледзець тую часьціну Берасьцейскага трактату, якая датычыць Беларусі, і падпісаць мірную ўмову з усімі ваяваўшымі дзяржавамі» [3, с. 213]. Пры ажыццяўленні гэтай прапановы Беларусь стала б суб’ектам міжнароднага права, БНР была б прызнана як дзяржава. Аднак па віне Савецкай Расіі і Германіі гэтага не адбылося. РСФСР, па-першае, па-ранейшаму разглядала Беларусь як сваю складаную частку і як плацдарм для экспарту сацыялістычнай рэвалюцыі на

Захад. Па-другое, яна была занепакоена тым, што цэнтральныя дзяржавы могуць прызнаць дэ-юрэ БНР як незалежную дзяржаву. Менавіта пад ціскам урада РСФСР 27 жніўня 1918 г. у Берліне быў падпісаны “Русско-Германский добавочный договор к мирному договору между Россией с одной стороны и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой”. У адпаведнасці з ім Германія павінна была перадаць РСФСР тэрыторыю Беларусі на ўсход ад ракі Бярэзіны за пэўны выкуп. Землі на захад ад гэтай ракі перадаваліся ёй па меры выканання «остальных финансовых обязательств, взятых на себя Россией». Германія абавязвалася, што «никоим образом не будет вмешиваться в отношения между Русским государством и его отдельными областями, и, следовательно, она в особенности не будет ни вызывать, ни поддерживать образование самостоятельных государственных организаций в этих областях» [23, с. 77].

Заручыўшыся падтрымкай Германіі, 29 жніўня 1918 г. СНК РСФСР выдаў Дэкрэт, якім абвясціў, што «ўсе дагаворы і акты, якія былі заключаны ўрадам былой Расійскай імперыі з урадамі Каралеўства Прускага і Аўстра-Венгерскай імперыі, што тычыліся падзелаў Польшчы, у сувязі з іх супярэчнасцю прынцыпу самавызначэння нацый і рэвалюцыйнай правасвядомасці рускага народа, прызнаўшага за польскім народам неад’емнае права на самавызначэнне і адзінства, – адмяняюцца гэтым беспаваротна» [5, с. 250]. Значыць, юрыдычна магла аднавіцца Рэч Паспалітая. У рэальнасці гэты акт быў фікцыяй, разлічанай на знешні прапагандысцкі эффект, бо існаваў дагавор з Германіяй ад 27 жніўня 1918 г.

Зразумела, што абвясчэнне Радаю БНР дзяржаўнай незалежнасці Беларусі 25 сакавіка 1918 г. ва ўмовах нямецкай акупацыі хутчэй насіла дэкларатыўны характар, бо рэальная ўлада належала нямецкаму камандаванню 10-й арміі. Акупацыйныя ўлады, як у свой час Часовы ўрад, затым бальшавікі, забаранілі ўраду БНР ствараць беларускія ўзброеныя сілы, фарміраваць мясцовыя органы ўлады. Але калі ў чэрвені 1918 г. урад БНР абвясціў аб тым, што на тэрыторыі Беларусі не дзейнічалі дэкрэты і пастановы ўрада РСФСР, акупацыйныя ўлады перадалі ў веданне ўрада БНР гандаль, прамысловасць, сацыяльную апеку, асвету і культуру.

11 кастрычніка 1918 г. Рада зацвердзіла Часовую Канстытуцыю БНР. Народны Сакратарыят быў перайменаваны ў Раду народных

міністраў [25, с. 386]. Урад імкнуўся актывізаваць знешнепалітычную дзейнасць з мэтай прызнання дзяржаўнай незалежнасці Беларусі і яе непадзельнасці. Аднак у суседніх дзяржаў, а таксама Германіі былі свае стратэгічныя і тактычныя мэты, якія ў многім, больш за ўсё у тэрытарыяльных пытаннях, не супадалі з мэтамі БНР. Калі ў Германіі ў 1918 г. адбылася Лістападаўская рэвалюцыя, Вільгельм II адрокся ад прастола, а Расія дэнансавала Брэст-Літоўскі мірны дагавор, урад БНР звярнуўся да краін Антанты з просьбаю ўвесці на яе тэрыторыю міжнародныя войскі, але адказу не атрымаў.

Засталося адно: ісці на перамовы з Літоўскай Тарыбай. У выніку ва ўрадзе Літвы было ўтворана Міністэрства беларускіх спраў Літвы, пад кантроль якога перайшлі беларускія землі, раней перададзеныя Германіяй Літве. 3 снежня 1918 г. Рада і ўрад БНР пераехалі ў Вільню, а з наступленнем Чырвонай Арміі 27 снежня пераехалі ў Гродна [25, с. 387].

Такім чынам, у складаных ваенна-палітычных умовах, калі аслабла Расія, беларускі нацыянальна-дэмакратычны рух дасягнуў свайго апагея – абвясціў утварэнне беларускай дзяржаўнасці ў асобе Беларускай Народнай Рэспублікі. Аднак з-за пазіцыі РСФСР, Германіі і Польшчы БНР не змагла ў поўнай меры спраўдзіцца як незалежная дзяржава. Але яна аказала істотны ўплыў на далейшы лёс беларускага этнасу.

Не маючы значнай сацыяльнай апоры ўнутры Расіі, яе большавікі з-за тактычных меркаванняў вымушаны былі дзеля ўтрымання сваёй улады на першым часе падтрымліваць былыя нацыянальныя ўскраіны дзяржавы. Не выпадкова СНК РСФСР ужо 2 лістапада 1917 г. у Дэкларацыі правоў народаў Расіі абвясціў роўнасць і суверэннасць усіх народаў Расіі; іх права на самавызначэнне аж да аддзялення і ўтварэння самастойных дзяржаў [4, с. 40]. Аднак Ленін заяўляў, што права нацыяў на самавызначэнне аж да аддзялення і ўтварэння самастойных дзяржаў будзе прадастаўляцца толькі тады, калі гэта будзе выгадна інтарэсам сацыялістычнай рэвалюцыі.

Лістападаўская 1918 г. рэвалюцыя ў Германіі і яе капітуляцыя перад краінамі Антанты падштурхнулі большавікоў Расіі перамяніць свае погляды адносна заходніх земляў былой імперыі. 29 лістапада была абвешчана Эстонская ССР, 17 снежня –

Латвійская ССР, а 8 снежня – Літоўская ССР у межах, вызначаных раней Літоўскай Тарыбай. Таму ў пастанове Усерасійскага Цэнтральнага Выканаўчага Камітэта (УЦВК) «Аб абласных аб'яднаннях» ад 23 снежня 1918 г. Заходняя вобласць РСФСР зацвярджалася ў складзе пяці губерняў: Віцебскай, Смаленскай, Магілёўскай, Мінскай і Гродзенскай. Віленская ўключалася ў склад Літоўскай ССР, хоць літоўцы ў ёй складалі не больш як 15-18 % насельніцтва, а ў самой Вільні – менш за 1 % [29, с. 8]. Як бачна, на заходніх межах былой імперыі бальшавікі ўтварылі нацыянальныя рэспублікі (УССР была абвешчана 12 (25) снежня 1917 г.), апроча Беларусі. Не ўпамінаецца яна і ў актах цэнтра. У пастанове УЦВК ад 13 лістапада 1918 г. аб ануляванні Брэст-Літоўскага дагавора ўказвалася, што працоўныя масы Расіі, Ліфляндзі, Эстляндзі, Польшчы, Літвы, Фінляндзі, Крыма і Каўказа, вызваленыя германскай рэвалюцыяй ад прыгнёту грабежніцкага дагавора, «прізваны ныве самі рэшаць сваю судьбу» [26, с. 679–680]. У тэлеграме І.І. Вацэцісу ад 29 лістапада 1918 г. Ленін тлумачыў: «С продвижением наших войск на запад и на Украину создаются обласные временные Советские правительства, призванные укрепить Советы на местах. Это обстоятельство имеет ту хорошую сторону, что отнимает возможность у шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстляндии рассматривать движение наших частей как оккупацию и создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск» (выдзелена мной. – *І.С.*) [12, с. 234].

«Забыліся» пра Беларусь кіраўнікі Савецкай Расіі не выпадкова, тым больш што пасля таго, як Чырвоная Армія 10 снежня 1918 г. увайшла ў Мінск, старшыня Мінскага губрэўкама І.І. Рэйнгольд 13 снежня накіраваў тэлеграмы ў Паўночна-Заходні абласны камітэт РКП(б) і УЦВК аб неабходнасці ўтварэння Беларускай савецкай рэспублікі [8, с. 171]. Палітбюро ЦК РКП(б) і СНК РСФСР былі вядомы і розныя падыходы да праблемы беларускай дзяржаўнасці. Кіраўнікі Заходняй вобласці наогул не прызнавалі права беларускага народа на дзяржаўнае самавызначэнне. Сакратар Паўночна-Заходняга абкама РКП(б) В. Кнорын лічыў, што «белорусы не являются нацией и что те этнографические особенности, которые их отделяют от остальных русских, должны быть изжиты. Нашей задачей является не создание новых наций, а уничтожение старых национальных рогаatok» [7]. Кіраўнікі

Віцебскай, Смаленскай, Магілёўскай губерняў былі супраць як існавання Заходняй вобласці, так і ўтварэння Савецкай Беларусі. Кожная губерня, на іх погляд, павінна была самастойна выходзіць на цэнтр. Беларускі нацыянальны камітэт пры Народным камісарыяце нацыянальнасцей РСФСР і беларускія камуністычныя секцыі Масквы і Петраграда выступалі за ўтварэнне Беларускай савецкай рэспублікі як складанай часткі Расійскай Федэрацыі. Пытанне аб утварэнні Савецкай Беларусі разглядалася 21–23 снежня 1918 г. на канферэнцыі беларускіх секцый РКП(б) у Маскве [8, с. 173]. Тым не менш кіраўніцтва РСФСР не спяшалася прымаць канчатковае рашэнне з-за змянення ваенна-палітычнага становішча. З аднаго боку, з пачаткам Лістападаўскай 1918 г. рэвалюцыі ў Германіі ў яго была надзея калі не на сусветную, то хаця б на еўрапейскую сацыялістычную рэвалюцыю. 9 лістапада 1918 г. Я. Свядлоў, выступаючы на VIII Усерасійскім з’ездзе Саветаў гаварыў: «Я ніколі не сумняваюся ў тым, што праз паўгода мы будзем мець моцную Савецкую ўладу. Не толькі ў краінах Аўстрыі, Венгрыі і Германіі, але і ў краінах згоды – у Францыі, Англіі і Італіі». А на I Усебеларускім з’ездзе Саветаў у лютым 1919 г. ён быў яшчэ больш у гэтым перакананы: «Мы напярэдадні паўстання ў Англіі, Францыі і Амерыцы» [цыт. па: 11, с. 30]. Зразумела, што для Савецкай Расіі патрэбна было «акно» на Захад для экспарту сацыялістычнай рэвалюцыі і яе ваеннай, матэрыяльнай падтрымкі. Такім «акном» і павінна была стаць Беларусь. Таму яна і не абвешчалася як савецкая рэспубліка.

З другога боку, заходнія краіны выношвалі планы ўтварэння ўздоўж мяжы з РСФСР ад Балтыйскага да Чорнага мора шэрагу дэмакратычных дзяржаў, своеасаблівага «санітарнага кардона». Яны павінны былі не прапусіць на Захад «бальшавіцкую заразу» і весці з ёю барацьбу. Адным з першых такую ідэю выказаў 8 снежня 1918 г. англійскі пасол у Францыі лорд Берці [8, с. 160]. Тады савецкі бок з мэтай захавання сацыялістычнай рэвалюцыі ў Расіі ўтварыў на заходняй мяжы шэраг буферных савецкіх рэспублік, якія аддзялялі РСФСР ад заходніх дзяржаў, не дазвалялі ім мець мяжу непасрэдна з Савецкай Расіяй. Яе кіраўнікі гатовы былі ісці на ўсё, каб толькі выратаваць рэвалюцыю. Ленін яшчэ 8 лютага 1918 г. пісаў: «Что выше – право наций на самоопределение или социализм? Социализм выше» [13, с. 352].

Або такая заява Леніна 18 лютага 1918 г. на пасяджэнні ЦК РСДРП(б): «Здесь говорили, что они (немцы. – *Л.С.*) возьмут Лифляндию и Эстляндию, но мы можем их отдать во имя революции. Если они потребуют вывода войск из Финляндии – пожалуйста, пусть они возьмут революционную Финляндию. Если мы отдадим Финляндию, Лифляндию, Эстляндию – революция не потеряна» [14, с. 337].

Становішча зноў рэзка змянілася, калі ў адноўленай Польшчы былы член Польскай партыі сацыялістычнай Ю. Пілсудскі абвясціў аб адраджэнні Рэчы Паспалітай у межах 1772 г. Менавіта гэта акалічнасць прымусіла Палітбюро ЦК РКП(б) і СНК Савецкай Расіі прыняць рашэнне аб утварэнні Беларускай сацыялістычнай рэспублікі і тым самым ёю, як заслонаю, закрыць РСФСР ад Польшчы. На такое рашэнне паўплывала і тое, што кіраўніцтва РСФСР баялася прызнання БНР заходнімі краінамі.

У выніку 30 снежня 1918 г. Паўночна-Заходняя канферэнцыя РКП(б) у Смаленску па загаду цэнтра прыняла рашэнне абвясціць Сацыялістычную Савецкую Рэспубліку Беларусі (ССРБ), а саму сябе – I з’ездам Камуністычнай партыі (бальшавікоў) Беларусі. У склад ССРБ з’езд уключыў Віцебскую, Гродзенскую, Мінскую, Магілёўскую, Смаленскую губерні, а таксама часткі Ковенскай, Віленскай і Чарнігаўскай губерняў [20, с. 347–348]. У пераліку адсутнічала значная частка Віленскай губерні, далучанай бальшавікамі да Літоўскай ССР. 1 студзеня 1919 г. быў падпісаны Маніфест Часовага рабоча-сялянскага савецкага ўрада Беларусі, якім абвясчалася Беларускае савецкае незалежнае рэспубліка [3, с. 219–220].

Зразумела, што дзяржаўная незалежнасць Беларусі не была поўнай. Не паспеў урад Беларусі разгарнуць працу, як 16 студзеня 1919 г. ЦК РКП(б) прыняў рашэнне выдзеліць з Беларускай рэспублікі Віцебскую, Магілёўскую і Смаленскую губерні, пакінуўшы ў яе складзе Мінскую і Гродзенскую [8, с. 182–183]. ЦБ КП(б)Б не пагадзілася з гэтым рашэннем. Ленін, азнаёміўшыся з яго пазіцыяй, зазначыў: «Республика – буферная и нужна постольку, поскольку граничит с другими странами. Поскольку Смоленская, Витебская и Могилевская губерни не граничат с другими странами – постольку их можно исключить» [21, с. 92].

Гістарычная практыка паказвае, што ў вялікай палітыцы ніколі не бывае сяброў, паколькі кожны бок мае на мэце свае ўнутраныя і знешнія інтарэсы. Пад уздзеяннем знешніх фактараў, асабліва зацікаўленасці бальшавікоў Савецкай Расіі, на значнай частцы этнічнай тэрыторыі беларусаў быў сфарміраваны прывід беларускай дзяржаўнасці на савецкай аснове. Пры гэтым не трэба прыніжаць значэнне гэтага факта для беларусаў, бо ні Германія, ні Польшча ў канчатковым выніку не пайшлі нават на такі крок. У той жа час нельга ўзвялічваць гэту падзею, таму што Савецкая Расія пры ўтварэнні ССРБ кіравалася сваімі стратэгічнымі і тактычнымі інтарэсамі і ніколі не была зацікаўлена ў сапраўднай незалежнасці Беларусі, нават на савецкай аснове.

Выкарыстаная літаратура

1. Багалеіша, С.В. Беларуска-літоўскія ўзаемаадносіны ў 1915 – 1924 гг. / С.В. Багалеіша. – Мінск: БДАТУ, 2014. – 232 с.
2. Беларусь: Энцыклапедычны даведнік. – Мінск: БелЭн, 1995. – 800 с.
3. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо. – Мінск: Акадэмія МУС Рэсп. Беларусь, 1998. – 311 с.
4. Декреты Советской власти: В 13 т. Т. 1. – М.: Политиздат, 1957. – 640 с.
5. Декреты Советской власти: в 13 т. Т. 3. – М.: Политиздат, 1964. – 664 с.
6. Запруднік, Я. Справа аўтаноміі Беларусі ў першай Думе і «Наша ніва» / Я. Запруднік // 3 гісторыяў на «Вы»: Арт., дак., успаміны. Вып. 3. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1994. – 351 с.
7. Звезда. – 1918. – 6 октября.
8. Игнатенко, И.М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии / И.М. Игнатенко. – Минск: Навука і тэхніка, 1992. – 254 с.
9. Игнаценка, I. Месца БНР у гісторыі Беларусі / I. Игнаценка // Матэрыялы па гісторыі Беларусі. – Мінск: Нацыянальны інстытут адукацыі Міністэрства адукацыі Рэсп. Беларусь, 1997. – 223 с.
10. История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12 т. Т. 7. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в СССР. 1917 – 1920 гг. – М.: Наука, 1967. – 751 с.

11. Круталевіч, В.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917–1945 гг.) / В.А. Круталевіч, І.А. Юхо. – Мінск: Беларус. навука, 1998. – 238 с.
12. Ленин, В.И. Телеграмма Главкому И.И. Вацетису / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 37. – С. 234.
13. Ленин, В.И. О революционной фразе / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 35. – С. 343 – 353.
14. Ленин, В.И. Речи на заседании ЦК РСДРП(б) 18 февраля 1918 г. (вечером) / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 35. – С. 336 – 338.
15. Літаратура і мастацтва. – 1990. – 13 снежня
16. Макар Краўцоў пра Ўсебеларускі з’езд // Спадчына. – 1996. – № 1.
17. Мирный договор между Россией с одной стороны и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой // Спадчына. – 1993. – № 2.
18. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. Ч. 1. – Мінск: Беларусь, 1994. – 527 с.
19. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. Ч. 2. – Мінск: Беларусь, 1995. – 560 с.
20. Образование СССР. Сб. документов. 1917–1924 гг.: сб. док. – М.: Изд. АН СССР, 1949. – 471 с.
21. 1 января 1919 года: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии: док. и материалы / сост. В.Д. Селеменов (рук.) [и др.]; науч. ред. М.Ф. Шумейко. – Минск: Лимариус, 2005. – 304 с.
22. Плеханов, Г.В. Открытое письмо к петроградским рабочим / Г.В. Плеханов // Вопр. истории. – 1989. – № 12.
23. Русско-германский добавочный договор к мирному договору между Россией с одной стороны и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой от 27 августа 1918 г. // Спадчына. – 1993. – № 3.
24. Саракавік, І. А. Гісторыя Беларусі ў кантэксте сусветнай гісторыі / І. А. Саракавік. – Мінск: Современная школа, 2009. – 456 с.
25. Сідарэвіч, А.М. Беларуская Народная Рэспубліка / А.М. Сідарэвіч // Энцыкл. гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 1. – Мінск: БелЭн, 1993. – 494 с.

26. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сборник документов: в 2 т. – М.: Политиздат, 1968-71. – Т. 1 (1917-1918 гг.) – М.: Политиздат, 1968. – 758 с.

27. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак. – Мінск: Беларусь, 1993. – 236 с.

28. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 1. – Мінск: БелЭн, 1993. – 494 с.

29. Юхо, Я. Фармаванне тэрыторыі беларусаў / Я. Юхо // Спадчына. – 1991. – № 6.

1917 ГОД В АНГЛО-РУССКОЙ ДУЭЛИ

Семёнова Л.Н.

г. Минск, БНТУ

Если для исследования революций выбирается короткий период времени, например, «десять дней, которые потрясли мир» в соответствии с метафорой Джона Рида, то в поле зрения оказывается вихрь политических событий: борьба партий, течений, группировок, заговоры, выступления народных масс и смена власти, которые составляют сущность всякой политической революции. Раздвигая хронологические рамки, можно уловить биение социально-экономических тенденций, смену экономических укладов, общественного устройства, те глубинные долговременные процессы, которые с неизбежностью повышают градус и напор политического давления. На таких же глубинах формируются геополитические процессы, международный расклад сил, которые, исходя из интересов господствующих стран и их правящих групп, или усиливают, или гасят революционные трансформации. Собственно революционные волны вздымаются вполне целенаправленно именно с этих глубин, но в видимом ярком калейдоскопе политических событий, в глубину, как правило, не всматриваются. Глубинные процессы с очевидностью обнажаются в долговременной перспективе.

По прошествии ста лет становится понятным, что Русская революция 1917 г. стала драматической кульминацией в противостоянии мировой капиталистической и Русской систем в «длинном XIX» и «коротком XX» вв.

В XIX в. мировая капиталистическая система была уже настоящему мировой: и с точки зрения охвата стран и народов, подчинив их ядру системы, и с точки зрения распространения капиталистических принципов внутри системы. В. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» привел позицию экономиста Р. Кальвера, который выделил пять «главных хозяйственных областей»: среднеевропейскую (вся Европа кроме России и Англии), британскую, американскую, российскую и восточноазиатскую, «включая колонии в “области” тех государств, которым они принадлежат». Три первые из этого перечня явно входили в мировую капиталистическую систему [4, с. 392].

В XIX в. безоговорочным лидером системы, переживавшей с точки зрения Дж. Арриги, третий системный цикл капиталистического накопления – британский, была Великобритания. Pax Britannica характеризовался, по словам Дж. Арриги, «беспрецедентной централизацией мировой власти в руках одного государства – Великобритании», «... только Великобритания одновременно принимала участие в политике всех регионов мира и – что более важно – занимала ведущие позиции в большинстве из них. Впервые цель всех предыдущих капиталистических государств стать хозяином, а не слугой глобального баланса сил, была в полной мере, хотя и ненадолго, достигнута ведущим капиталистическим государством эпохи» [1, с. 97]. Достигнуто это было за счет сочетания сетевой капиталистической и традиционной территориалистской имперской структуры, обеспечения мировой торгово-финансовой и промышленной монополии. Под руководством Великобритании налаживались международные коммуникации через железные дороги и морские перевозки, с помощью которых происходила невиданная политико-экономическая и переселенческая колонизация незападного мира. Разностороннее могущество Великобритании позволило ей в одностороннем порядке следовать идеологии и практике свободной торговли, выкачивая из мира прибыли и ресурсы для себя и глобальной финансовой олигархии, сосредоточенной в Лондоне.

Лишь две области оставались зонами «слабого развития капитализма»: российская и восточноазиатская [4, с. 393]. Это были самодостаточные общественные системы или цивилизации, развивавшиеся вполне независимо по своим путям. В середине XIX в. капита-

лизм, характеризующий экспансионистской природой, достиг такого уровня собственной мощи и организации, чтобы приступить к их освоению. «Опиумными войнами» Великобритания решительно приоткрыла двери Китая и повела своих младших партнеров на борьбу за сферы влияния в нем.

С Россией у Англии была долгая история взаимоотношений, начиная со времен Ивана Грозного. Россия выступала в них как надежный и незаменимый торговый партнер, поставлявший Англии стратегические материалы для морского флота. При этом Европа научилась втягивать Россию в свои военные разборки, при которых морской Англии удавалось заполучать ее в качестве союзной «шпаги» на сухопутных театрах военных действий. Достаточно вспомнить Семилетнюю войну (1756–1763) и борьбу с наполеоновской Францией в начале XIX в., повергнув которую Англия и взобралась на свой мировой пьедестал.

В первой половине XIX в. для Англии – «фабрики мира» – Россия стала «фабрикой по производству зерна», «житницей Европы», имея в торговле с ней положительный баланс, чего Англия допустить не могла. Более того, выстраивая практически на всех континентах крупнейшую в мире империю, Англия столкнулась с принципиально иной, закрытой для проникновения западных капиталов, пространственной системой – Россией. Как пишет А. Фурсов: «После наполеоновских войн ключевой чертой, осью евразийского и мирового развития становится борьба между двумя типами и логиками геоисторического развития, воплощаемыми североатлантическим, англосаксонским (англо-американским) миром, капитализмом, с одной стороны, и евразийским, русским (русско-советским) миром, представленным самодержавием, а затем коммунизмом, – с другой» [9, с. 114].

Как опытный дуэлянт, сопровождаемый зависимыми секундантами, Англия рванулась в наступление, развязав Крымскую войну (1853–1856). Поражение в Крымской войне означало для России открытие ее рынка для экспансии западных капиталов, упразднение промышленного протекционизма, и таким образом постепенное включение в мировую капиталистическую систему в качестве аграрной и сырьевой периферии. Прежде всего, этим воспользовался французский капитал, но Франция, повторив путь Голландии, из соперника превратилась в младшего бизнес-партнера Великобрита-

нии. Недаром 1850–60-е гг. стали «золотыми годами» британского процветания. Однако с 1870-х гг. Великобритания начала утрачивать свою торгово-промышленную монополию. Ее главными конкурентами стали США и Германская империя.

Борьба между ними в первой половине XX в. определила движение к новому американскому системному циклу капиталистического накопления, став пульсирующим нервом переломной эпохи. Однако это противостояние было по сути дела борьбой «со своими» – «младшими партнерами» возглавляемой Британией капиталистической системы Запада. С США после войны 1812 г. боролись преимущественно политическими интригами, пока, в конце концов, уже в середине XX в. не уступили им партию первой скрипки. Германию пришлось сокрушать в ходе двух мировых войн. В воронку этой борьбы, так или иначе, втягивались практически все страны мира, в том числе и Россия. План сохранения своего мирового могущества Британия выстраивала как хитроумный бильярдист, стремясь загнать несколько шаров в одну лузу, сталкивая Германию и Россию, и по ходу дела уничтожая несовместимые с логикой капиталистического развития традиционные империи. В конце XIX в. в одной из британских газет был опубликован памфлет «Сон кайзера». Приснилось будто бы германскому императору, что в результате войны Германия и Австро-Венгрия потерпели поражение, и на их территориях возникли мелкие республики, созданные по национальному принципу. На месте же России образовалась политическая пустыня, возможно намек на установление прямого контроля над ней [11, с. 177].

Направить Россию против Германии можно было, как и прежде, через союзнические отношения с ней. Так Англия стала выстраивать два враждебных блока – Тройственный союз и Антанту, разрывая союз трех императоров (1873 г. России, Германии и Австро-Венгрии), который был для нее смертельно опасным. Тем самым неизбежно разогнался маховик Первой мировой войны. И кайзер Вильгельм II, и царь Николай II не смогли ему противостоять, направив точно в соответствии с планами Британии, свои армии друг против друга в 1914 г. Англии важно было удерживать две страны в войне как можно дольше, чтобы они изматывали и ослабляли друг друга. По свидетельству британского разведчика в России Р. Локкарта, в петербургских салонах тогда острили о «решении Англии сражаться до последней капли русской крови» [5, с. 100].

Война же в то время была чревата революциями. В феврале 1914 г. один из царских сановников, бывший министром внутренних дел в 1905–1906 гг., П. Дурново направил императору «Записку», в которой выступал за создание континентального блока против англосаксов, подчеркивая, что война может привести к тяжелым социальным потрясениям. «Особенно благоприятную почву для социальных потрясений, – писал Дурново, – представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма... Война с Германией создаст исключительно благоприятные условия для... агитации. Война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться триумфальным шествием в Берлин. При исключительной нервности нашего общества, этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение, а при оппозиционности этого общества все будет поставлено в вину правительству» [11, с. 181].

Очередным метким выстрелом Англия поразила Россию в феврале 1917 г. Недовольные массы вышли на улицы Петрограда, и в верхах организованно и четко, как по единой команде, произошла смена власти. Упразднение самодержавия готовилось по линии нескольких верхушечных политических заговоров: царского двора, армейского генералитета, масонских организаций и участвовавших в них членов Государственной думы, британцев. Невозможно сказать какая из линий оказалась максимально успешной. Революция стала результатом синергии множества факторов, стечения разнообразных обстоятельств и огромной роли случайностей. Конечно, британский фактор в Февральской революции был не определяющим, но весьма значительным, сыграв возможно роль «контрольного выстрела», как в убийстве Г. Распутина, которого согласно недавно обнародованным документам английской разведки, убил именно британский снайпер [2]

Английского посла в России в 1910–1918 гг. сэра Дж. Бьюкенена немцы вполне обоснованно называли «некоронованным королем России». Возглавляемое им британское посольство было важнейшим политическим центром, своего рода «теневым кабинетом» Петербурга, где, не таясь, встречались и обсуждали самые деликатные проблемы чиновники высокого ранга, представители царского двора, лидеры думских партий. По словам Бьюкенена, он «имел связи,

как того требует долг, с членами всех партий» [3, с. 325]. Бьюкенен вспоминал: «Дворцовый переворот обсуждался открыто, и за обедом в посольстве один из моих русских друзей, занимавший высокое положение в правительстве, сообщил мне, что вопрос заключается лишь в том, будут ли убиты и император и императрица или только последняя...» [3, с. 191].

После отречения Николая II Великобритания стремительно признала власть Временного правительства. Ей не нужно было времени для ознакомления, изучения, все было известно заранее. Впоследствии Бьюкенен всегда старался приуменьшить свою роль в Февральской революции. Как бы он не оправдывался, когда писал: «Тем не менее многие все еще думают, что я был ее основной пружиной, что именно я дергал за веревку и пустил ее в ход» [3, с. 226], он достаточно верно определил свою миссию – быть «пружиной» важных для Великобритании политических изменений в России – ликвидации Российской империи. Французский посол в России в то время М. Палеолог также отмечал, что на его родине во Франции «в кулуарах палаты депутатов, в салонах, в редакциях сэру Дж. Бьюкенену приписывают честь, будто он вызвал революцию, чтобы положить конец немецким интригам» [6, с. 779].

Многие участники Февральской революции осознавали роль иностранного вмешательства и на уровне геополитических и военных целей стран, и на уровне деятельности конкретных агентов влияния. В июле 1917 г. министр юстиции П. Переверзев заявил, что «только служба контрразведки может спасти Россию» [7, с. 41]. Не были секретом и цели по отношению к России не только воюющей с ней Германии, но и союзников по Антанте. Меньшевик Ю. Мартов, выступая за немедленное заключение мира, подчеркивал, что в случае продолжения войны Россия «станет предметом торга между империалистическими группами» [8, с. 36]. Даже А. Керенский, по сути, сам проводник англо-американского влияния, разуверился в союзниках. В одном из интервью американскому издательству он откровенно заявил: «Вы спрашиваете, почему русские перестали сражаться, а русские спрашивают, где находится британский флот, когда по Рижскому заливу ходят германские броненосцы?» [8, с. 275]. Действительно не только большевики, но и министры Временного правительства считали, что британский флот покинул Балтийское море с определенным умыслом. По свидетель-

ству Дж. Рида, это было выражение четкой британской позиции, которая открыто излагалась в прессе и высказывалась английскими политиками: «С Россией кончено, с ней больше не стоит возиться...» [8, с. 267]. Княгиня Палей, вдова великого князя Павла Александровича свидетельствовала в своих воспоминаниях, что английский премьер-министр Д. Ллойд Джордж, узнав о падении царизма в России, потирая руки, воскликнул: «Одна из английских целей войны достигнута» [3, с. 228].

Казалось бы, английская правящая верхушка может праздновать победу в решении русского вопроса и планировать открытие торговли или с богатейшей теперь уже демократической страной в Европе, или с образовавшимися на ее территориях национальными автономиями. Но тревожила неопределенность. Офицер британской разведки Р. Локкарт представил посольству обстоятельный анализ революционного движения в России, в котором предупреждал: «Положение настолько неясно и неопределенно, что трудно даже пытаться что-либо предугадать. Кажется немислимой возможность прекращения борьбы между буржуазией и пролетариатом без дальнейшего кровопролития. Когда она начнется, никто не знает, но перспективы войны представляются мрачными» [5, с. 180]. Поток народной революции уже пробивал себе дорогу и остановить его было невозможно. Как писал Локкарт: «Можно было искусно ввести его в менее опасное русло. Но этот метод был чужд союзникам, встретившим революцию сначала с притворным энтузиазмом, а затем с быстро возрастающей тревогой. Им хотелось – и для военных кругов это желание было естественно – вернуть все на прежнее место. Но, к несчастью, ни во времени, ни в революции не бывает возврата» [5, с. 181]. Показательно, что уехавший из России за шесть недель до Октябрьской революции Локкарт, был назначен экспертом в министерство внешней торговли Великобритании. Однако, торговать с Россией было еще рано.

В отличие от Февральской революции официальный Лондон не признал Октябрьскую революцию. В Англии господствовало мнение, что большевистская власть не продержится и нескольких недель и что Россия вернется к царизму, или же в ней утвердится военная диктатура. В английском истеблишменте прочно укоренилось мнение, что Ленин и Троцкий, по словам Локкарта, были «переодетыми офицерами германского штаба или, по крайней мере,

немецкими агентами». Чуть ли не один Локкарт убеждал британскую элиту «войти в сношения с людьми, державшими в своих руках судьбу России» [5, с. 205]. Но враждебная позиция Англии оставалась непреклонной. Она всячески вредила молодой советской власти. Первоначально это были мелкие пакости. Например, Совет Народных Комиссаров обещал опубликовать секретные дипломатические документы, но они исчезли, и как небезосновательно полагали, были спрятаны в английском посольстве. Когда забастовали банки, включая Государственный банк, тоже подозревали, что банковские служащие подкуплены англичанами [8, с. 177]. Затем началась вооруженная интервенция.

Уже бывший посол в России Дж. Бьюкенен на протяжении 1918–1921 гг. горячо защищал политику вооруженной интервенции. Он утверждал, что «русский вопрос является доминирующим фактором интернационального положения, и до тех пор, пока он остается не решенным, не может быть устойчивого мира в Европе. Сверх того, предоставление России ее собственной участи могло бы привести к тому, что Германия могла бы в один прекрасный день обеспечить за собой распоряжение огромной людской силой России и ее неслыханными минеральными богатствами» [3, с. 333]. Когда стало ясно, что победить новую Россию вооруженным путем не удастся, Англия первой из капиталистических стран в 1921 г. заключила с Советской Россией торговый договор. Нэповская Россия, после жесткой политики «военного коммунизма» введившая капиталистические принципы и открывавшая свою истощенную войной экономику иностранному капиталу, а также выступавшая за мировую революцию и Европейскую федеративную республику без границ, вполне отвечала интересам Великобритании.

Но в 1930-е гг. произошло непредвиденное. Команда И.В. Сталина, одолев и правую и левую оппозиции, приступила к проведению индустриализации и коллективизации на собственной экономической основе, что позволило Советскому Союзу выйти из международного процесса накопления капитала, из мировой финансовой системы, и таким образом отсоединиться от капиталистической миросистемы. Как подчеркивает А.И. Фурсов: «Команда Сталина свернула проект “мировая революция”, который в лучшем случае сохранял Россию в качестве сырьевого придатка “передового Запада”, в худшем – превращал ее просто в хворост, в расходный

материал, и начала строить “социализм в одной, отдельно взятой стране” красную империю – четвертый Рим как системный антикапитализм» [10]. Советский Союз нарушил правила игры мирового капитализма и соскочил с определенной для него мировым капитализмом периферийной орбиты. То, что ему удалось создать надежную и адекватную индустриально-производственную базу, подтвердила Победа во Второй мировой войне. Несмотря ни на что, на первых порах практически в одиночку Советский Союз сломил военную машину гитлеровской Германии и всех ее союзников, возвращенную мировым капиталом. Это была самая честная и бескомпромиссная проверка мощи советской системы. После войны СССР на равных теперь уже с новым лидером капиталистической системы организовал биполярную Ялтинско-Потсдамскую систему международных отношений.

Все это стало прямым следствием Октябрьской социалистической революции. Именно эта революция подвела черту не просто самодержавной России, но России как периферии мировой системы капитализма. Также она подвела черту и лидерству Британии в капиталистической миросистеме, да и собственно Британской империи, которая могла функционировать лишь в качестве ее гегемона, да еще и имея при этом в качестве баланса такой антипод как Российская империя.

Использованная литература

1. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги; пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – 472 с.

2. Безрукова, Т. Распутина убили английские спецслужбы / Т. Безрукова [Электронный ресурс] // Международный клуб друзей. – Режим доступа: <http://clubdruzey.ru/meet/index.php>. – Дата доступа: 17.05.2017.

3. Бьюкенен, Дж. Мемуары дипломата / Дж. Бьюкенен. – М.: Международные отношения, 1991. – 344 с.

4. Ленин, В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 27. – С. 299–426.

5. Локкарт, Р.Б. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки / Р.Б. Локкарт; пер. с англ. В.Н. Карпова. – М.: Алгоритм, 2016. – 368 с.

6. Палеолог, М. Дневник посла / М. Палеолог. – М.: Захаров, 2003. – 829 с.
7. Рабинович, А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: пер. с англ / А. Рабинович. – М.: Прогресс, 1989. – 416 с.
8. Рид, Дж. Десять дней, которые потрясли мир / Дж. Рид; пер. с англ. А. Ромма. – М.: Художественная литература, 1987. – 351 с.
9. Фурсов, А.И. Русская власть, Россия и Евразия / А.И. Фурсов // Русский интерес. – М.: Тов-во научных изд. КМК, 2015. – С. 98-181.
10. Фурсов, А. Большая война XX века / А. Фурсов [Электронный ресурс] // Андрей Фурсов: видео, пресса, работы, форум, поиск. – Режим доступа: http://andreyfursov.ru/news/bolshaja_vojna_khkh_veka/. – Дата доступа: 30.05.2016.
11. Фурсов, А. «По-над пропастью, по самому краю». Февральский переворот в русской и мировой истории / А. Фурсов // Наш современник. – 2017. – № 2. – С. 160–182.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕТРОГРАД И МОГИЛЕВ В ОКТЯБРЕ-НОЯБРЕ 1917 ГОДА: СМОЛЬНЫЙ ПРОТИВ СТАВКИ

Сидоренко Б.И.

г. Могилев, БИП

После октябрьского переворота 25.10.1917 г. в Петрограде большевики, осознавая непрочность своих позиций и озабоченные проблемой собственной легитимности, получили возможность претворения в жизнь своих программных документов, принятых на II Всероссийском съезде Советов. Основные положения этих документов в области внешней политики озвученные еще в «апрельских тезисах» и затем воплощенные в «Декрете о мире» помогли большевикам завоевать определенные позиции в армии и на флоте и были внешне привлекательными для широких народных масс. Помимо этого, в число первоочередных задач, обозначившихся после переворота, стала ликвидация, либо большевизация и силовое подчинение тех государственных и общественных структур, которые были способны организовать реальное сопротивление, и вокруг которых могла произойти широкая консолидация антибольшевистских сил в полосе Западного и Северного фронтов и прифронтовой зоне оперативного тыла.

Наиболее последовательной, влиятельной и организованной структурой, стоявшей на пути реализации большевистской внешне-политической программы по выходу России из войны и заключению сепаратного мира с Германией, выступала Ставка Верховного главнокомандующего. О том, как выстраивались взаимоотношения Смольного и Ставки в первые недели после переворота в Петрограде и, какая роль при этом отводилась Могилеву и пойдет речь в этой статье.

Ставка Верховного главнокомандующего, как орган высшего армейского полевого управления и места пребывания главнокомандующего вооруженными силами России, с 21.8. 1915 г. обосновавшаяся в губернском Могилеве, выступала естественным противником заключения сепаратного мира с Германией. В современной российской, [8, с. 984-989] белорусской [9, с. 24-26; 6, с.26-27] и западной [16, с. 78] историографии, для которой характерен взгляд на события 1917 г. в истощенной войной России как на «революцию вообще», Ставке отводится совсем немного места, хотя это была первая по времени высшая военная структура, сразу же ставшая на путь открытого активного антибольшевистского сопротивления. Внешнеполитический аспект событий, предшествовавший заключению Брестского мирного договора, и роль и место в них Ставки Верховного главнокомандующего также рассмотрен недостаточно полно [13, с.79-80]. Тенденциозно подобранные документы из известных сборников [3; 5; 7] и справочных юбилейных изданий [4] прошлого века, на которых выстраивалась источниковая база исследований посвященных Октябрю, отводили Ставке в тех событиях сугубо негативную, хотя и незначительную роль.

На 1.11.1917 г. в состав Ставки входило 15 управлений, 3 канцелярии, 2 комитета и более 2 тыс. военнослужащих [14, с.421-422]. Ставка имела реальный политический вес, в то время как власть большевиков легализовал пока еще только II Всероссийский съезд Советов, но не Учредительное собрание и сами большевики по тактическим соображениям делали первые шаги под знаменем демократии, а не малопонятного для народа «социализма» [8, с. 985-986]. Ставка могла рассчитывать на пока еще верные ей воинские части, власть же большевиков распространялась на столицу, и их влияние в армии не было подавляющим. Иными словами, власть была в центре, на местах же – самовластие и произвол, но в

Могилеве Ставка, все же, исполняла роль стабилизирующего фактора и вместе с Могилевским Советом не позволяла ситуации в городе окончательно скатиться к самоуправству. В небольшой период между II и III Всероссийскими съездами Советов реальной власти в стране не существовало. Совершенно естественно, что в тех конкретных условиях именно голодная, разъяренная солдатская масса, лишь в незначительной степени направляемая большевиками и анархистами задавала тон на Западном фронте [2, с.46]. Наконец, при Ставке действовали военные миссии и находились представители стран-союзниц Антанты, т.е. имелся постоянный канал связи с правительствами ряда союзных европейских государств, прежде всего Великобритании и Франции, на дипломатическую помощь и антибольшевистский демарш которых можно было надеяться с полной уверенностью. Кроме того, в непосредственной близости со Ставкой, в Быхове, находились под арестом популярные в офицерской среде генералы Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, А.С. Лукомский, И.П. Романовский, С.Л. Марков, И.Г. Эрдели – будущие организаторы и зачинатели «белого движения». Все это свидетельствует, что в первые дни после переворота Ставка выступала естественным очагом антибольшевистского сопротивления и главной угрозой первым внешнеполитическим начинаниям двухпартийного ВЦИК и большевистского СНК.

Хотя народ не разглядел в падении кабинета А.Ф. Керенского особой катастрофы, в Могилеве известие о большевистском перевороте было встречено откровенно враждебно. Прибывший из Петрограда председатель Могилевского Совета крестьянских депутатов Гольман на заседании Совета 27 октября охарактеризовал события в северной столице, как «авантюру большевиков». Направленный лично Лениным в Могилев с большевистской литературой уроженец Могилевской губернии Кирилл Новиков 29 октября явился в Могилевский Совет, но вместо теплого приема встретил предложение «удалиться из города». На вокзале ленинского представителя задержала полиция, и только заступничество солдат спасло его от ареста и конфискации литературы [15, с. 26-28].

На состоявшемся 28.10. (10.11) 1917 г. в городе чрезвычайном совещании общественных и политических организаций и.д. губернского комиссара ГИ. Певзнер заявил: «События приняли определенный характер: сообщения гласят, что временное правительство

арестовано, и все правительственные учреждения в Петрограде заняты большевиками. Создалось невероятное положение, на которое все граждане обязаны реагировать, ибо мы имеем дело здесь с преступным замыслом, могущим иметь своим последствием гибель всей революции, причем, если события эти получат логическое завершение, то и цельность России как государства... Нам необходимо сейчас определить линию своего поведения, причем органы революционной демократии должны сказать свое слово, должны сказать его те, кто пользуется авторитетом в рядах армии – советы рабочих и солдатских депутатов и советы крестьянских депутатов. Их отношение к событиям, безусловно, отрицательное, что они и высказали уже, причем Могилевский совет рабочих и солдатских депутатов сегодня же подтвердил эту резолюцию, приняв при этом ряд мер к тому, чтобы течение жизни в городе не нарушалось ни справа, ни слева» [12, с. 177]. Могилевский Совет от переворота в Петрограде дистанцировался, а центральное должностное лицо Ставки – начальник Штаба Верховного главнокомандующего (9.(22).09 – 3.(16).11.1917), а затем Верховный главнокомандующий (3 – 9(16 – 22) 11. 1917) Н.Н. Духонин, по одним данным заявил о своем нейтралитете, [8, с. 985] а по другим – уже 26.10.(8.11.) 1917 г. вместе с комиссаром Временного правительства при Ставке В.Б. Станкевичем призвал армию выступить против большевиков [14, с. 422].

К концу октября – началу ноября 1917г. в Могилеве обосновался цвет российского истеблишмента – бывшие члены Временного правительства: министр иностранных дел П.Н. Миллюков, военный министр А.И. Верховский, министр труда М.И. Скобелев, меньшевистские и эсеровские лидеры В.М. Чернов, И.Г. Церетелли, А.Р. Гоц, Б.О. Богданов, Н.Д. Авксентьев, активизировались действующие при Ставке Общеармейский комитет и Комитет спасения Родины. 7 ноября В.Б. Станкевич созвал в Могилеве совещание представителей буржуазных и мелкобуржуазных партий, земских и городских дум и управ, генералитета, офицерства и бывших членов Временного правительства, на котором было принято решение о создании нового правительственного органа во главе с эсеровским лидером В.М. Черновым [12, с.166-167].

Однако, центральной фигурой тех драматических событий оказался Верховный главнокомандующий русской армии генерал

Н.Н. Духонин. Его политическая ориентация не вызывала сомнений, хотя находятся историки, которые искренне считают, что Советская власть «давала Духонину последний шанс послужить родине и народу» [10, с.27]. Тем временем, еще 5.11.1917 г. «Декрет о мире» был переведен на немецкий язык, доставлен на линию Северного и Западного фронта и начал распространяться среди солдат противника. В той сложной исторической обстановке это был главный выигрышный политический лозунг большевиков. В конце жизни Ленин еще раз подчеркивал: «В 1917 г. в чем был весь гвоздь? В выходе из войны... и это покрывало все» [8, с. 975]. В ночь с 7 на 8.11 (с 20 на 21) 1917 г. Духонину от имени председателя СНК Ленина, наркома иностранных дел Троцкого и наркома по военным и морским делам Н.В. Крыленко по прямому проводу поступило предписание о немедленном начале переговоров с немецким командованием о заключении перемирия и информировании СНК о их ходе и продвижении. При этом подчеркивалось, что Верховный главнокомандующий мог подписать акт перемирия только с предварительного согласия Советского правительства [10, с. 27; 4, с. 42-43]. Прошли сутки, но ответа из Ставки не последовало.

9(22).11. в 2 часа ночи теперь уже Ленин, Сталин и Крыленко вновь пытаются вызвать Ставку. На этот раз разговор по прямому проводу с главкомверхом Духониным состоялся. Имеет смысл привести его основное содержание полностью. «— Если можете, то скажите: получена вами радиограмма Совета Народных Комиссаров, посланная в 4 часа, и что сделано во исполнении предписания Совета Народных Комиссаров?

Ставка отвечает: Была получена телеграмма государственной важности без номера и без даты, почему генерал Духонин запросил генерала Маниковского о необходимых гарантиях подтверждающих подлинность телеграммы» [5, № 6, с. 17]. На требование немедленного и безоговорочного налаживания переговоров Духонин отвечал: «Я могу только понять, что непосредственные переговоры с державами для вас невозможны. Тем менее они возможны для меня от вашего имени. Только центральная правительственная власть, поддержанная армией и страной, может иметь достаточный вес и значение для противников, чтобы придать этим переговорам нужную авторитетность, для достижения результатов. Я также считаю, что в интересах России заключение скорейшего всеобщего мира. —

Отказываетесь ли вы категорически дать нам точный ответ и исполнить нами данное предписание? – Точный ответ о причинах невозможности для меня исполнить вашу телеграмму я дал и еще раз повторяю, что необходимый для России мир может быть дан только центральным правительством. Духонин» [3, № 104, с. 128].

Разговор со Ставкой полностью прояснял позиции Духонина и уже на следующий день на заседании ВЦИК Ленин заявил: «Для нас было ясно, что мы имеем дело с противником народной воли и врагом революции. Со стороны Духонина были разные увертки и уловки с целью затянуть дело. Выражали сомнение в подлинности нашей телеграммы, и с запросом о ее подлинности обращались не к Крыленко, а к генералу Маниковскому. Таким образом генералы украли, по крайней мере, сутки в таком важном и насущном вопросе, как вопрос о мире» [11, № 64, с. 87].

Союзники, в свою очередь, прилагали все усилия для того, чтобы Россия не смогла выйти из войны. Они в частности через начальников военных миссий при Ставке продолжали считать Духонина, уже смещенного Советским правительством, главкомверхом и 10(23).11. обратились к нему с протестом по поводу нарушения договора от 23.08(5.09) 1914 г. по которому союзные державы обязались не заключать сепаратного мира или перемирия с противником. Страны союзной Антанты, их дипломатические и военные представители в Петрограде, при Ставке русских войск в Могилеве, в штабах армий Северного и Западного фронта знали о многочисленных мирных предложениях петроградского правительства, но делали вид, будто это их не касается. Официальные лица союзных государств продолжали считать Духонина Верховным главнокомандующим русской армии, а тот в свою очередь 15(28).11. вновь заявил, что перемирие или мир может заключить только «полномочная центральная власть».

17(30).11. Троцкий вторично предложил союзным державам присоединиться к мирным переговорам, а на следующий день от имени внешнеполитического ведомства СНК опубликовал заявление по поводу обращения М. Керта и Ж. Лаверня с официальными документами к, смещенному за неповиновение Советскому правительству, Духонину. Авторы обращения позволили себе призвать Духонина вести политику, прямо противоположную той, какую ведет Совнарком в полном соответствии с решениями || Всероссий-

ского съезда Советов [5, № 12. с. 33; 10, с. 48]. 18.11 (1.12) Троцкого в Смольном посетил американский генерал У.В. Джедсон, предупредивший наркома иностранных дел, что союзники не смогут присоединиться к переговорам и не разделяют антивоенной позиции большевиков.

Пока дипломаты Антанты в Петрограде пикировались с большевистским СНК, в Могилеве происходила постепенная поляризация политических сил. 11(24).11. Общеармейский комитет при Ставке принял резолюцию: 1) власти СНК не признавать; 2) с большевистской властью вести жестокую борьбу; 3) как оперативно-технический орган Ставка остается нейтральной, а ее захват большевиками недопустим; 4) нейтралитет Ставки Общеармейский комитет будет отстаивать вооруженной силой. Солдаты же Северного и Западного фронта и гарнизона Могилева тяготели к большевикам, как выразителям идеи всеобщего справедливого мира и скорейшего окончания войны. Могилевский Совет рабочих и солдатских депутатов, состоящий преимущественно из меньшевиков, эсеров и бундовцев, возобновивший свою деятельность после корниловского мятежа, вначале заявил о поддержке Временного правительства, а затем занял выжидательную позицию.

Тем временем в Смольном решили покончить со Ставкой вооруженным путем. Для этого из Петрограда и со стороны Западного Фронта на Могилев направлялся отряд матросов и солдат. Отряд поступал под командование Крыленко, который 19.11 (2.12) находился в Орше. Отсюда в Могилев для переговоров наркомом Крыленко был направлен генерал С.И. Одинцов, который сумел убедить гарнизон города и охрану Ставки не оказывать вооруженного сопротивления. В свою очередь, Могилевский Совет под влиянием большевиков и левых эсеров, решил признать Советское правительство. 18.11. (1.12.) исполком Совета сформировал Могилевский ВРК, который взял власть в свои руки в городе и уезде. 20.11 (3.12) в Могилев прибыл Крыленко со своим личным штабом и немедленно направился в Ставку для вступления в должность.

Вскоре выяснилось, что еще утром 19.11 по распоряжению Духонина, пересланному в Быхов, полковником Кусонским были освобождены из-под охраны генералы Корнилов, Деникин, Марков, Лукомский, Романовский, Эрдели. При содействии начальника охраны Гришина и коменданта Быхова полковника Эдгарта, пере-

одетые генералы бежали на юг, где немедленно занялись организацией похода против Советской власти [15, с. 34]. Известие о бегстве генералов быстро распространилось по Могилеву и стало причиной самосуда солдатской толпы над Духониным. «После этого вдруг, – вспоминала могилевчанка М.Я. Белевская, – как по мановению волшебного жезла, сразу все смолкло, попряталось и город, живший шумной жизнью, замер. Все увидели, что пришла страшная сила, сила нечеловеческая и что нельзя жить так, как жили до сих пор. Могилевцы заперлись по квартирам, закрыв ставни и опустив шторы. Даже в домах стали говорить шепотом. А разъяренные матросы и красногвардейцы из петербургских рабочих ходили по городу, стреляли по окнам и наводя ужас на и без того уже перепуганного обывателя» [1, с. 42].

Революция в России неумолимо развивалась в сторону единовластия победивших радикальных сил [9, с. 20]. На первых порах эти силы определяла солдатская масса. Думается, правы те историки, которые утверждают, что «Гнев солдат постепенно разрастался до иррационального ожесточения и направлялся на тех представителей старого мира, в которых они видели причины своих бед, – помещиков и буржуазию, «буржуазную» интеллигенцию, соглашателей и более всего тех, кто гнал их на бойню, – генералов и офицеров» [2, с. 46].

В противостоянии Смольного и Ставки победил Смольный, но эта победа стала прологом к долгой кровопролитной гражданской войне, в которой в России по неполным данным погибло более 5 млн. человек. Что же касается Могилева, то отныне он фигурировал в солдатской среде как «Ставка Духонина». Отправить в «Ставку Духонина» означало в этой среде лишить жизни путем зверской расправы. Уже в эпоху социализма на всех исторических картах «Триумфальное шествие Советской власти» Могилев на красном фоне территорий, где в октябре 1917–марте 1918 г. возобладала власть большевиков, выделялся черным флажком, как центр контрреволюции, что означало для города недобрую славу.

Использованная литература

1. Белевская (Летягина), М.Я. Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве 1915 – 1918. Личные воспоминания. Факсимильное издание. / М.Я. Белевская – Координатор проекта Н.А. Яцков «Справа», 2012. – 48 с.

2. Булдаков, В.П. На повороте. 1917 год: революции, партии, власть. История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства / Сост. В.А. Козлов, В.П.Булдаков – М.: Политиздат, 1991. – С. 5–48.
3. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. (Ред. кол.: Т.С. Горбунов, Ф.А. Новиков, И.С. Кравченко, Н. М. Мешков. А.И. Азаров) Сборник документов: в 2 т. Т. 2. – Минск: Государственное издательство БССР. Редакция политической литературы, 1957. – 1067 с.
4. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника в 12 т. – Т. 5. – М.: Политиздат, 1974. – 740 с.
5. Документы внешней политики СССР / Комиссия по изданию дипломатических документов: А.А. Громыко и др. – Т I. – М.: Госполитиздат, 1957. – 771 с.
6. Ігнаценка, І.М. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі / І.М. Ігнаценка // Беларускі гістарычны часопіс – 1997 – № 4 – С. 25–33.
7. Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР. Документы и материалы по истории Белоруссии: в 5 т. Т. IV. – Минск: Изд-во АН БССР, 1954. – 513 с.
8. История России. С древнейших времен до начала XXI века. / А.Н. Сахаров, Л.Е. Морозова, М.А. Рахматуллин и др.; под ред. А.Н. Сахарова. – М.: АСТ: Астрель, 2011 – 1263 с.
9. История Беларуси: учебн. пособие для студентов, обеспечивающих получение высш. Образования: в 2 ч. Ч. 2 / Я.И. Трещенок, Н.М. Пурьшева, М.И. Матюшевская; под редакцией Я.И. Трещенка. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2005. – 310 с.
10. Ксенофонтов, И.Н. Мир, которого хотели и который ненавидели: Документальный репортаж. / А.Н. Ксенофонтов – М.: Политиздат, 1991. – 416 с.
11. Октябрьская революция и армия 25 октября 1917–март 1918: Сборник документов / под ред. Л.С. Гапоненко – М.: Наука, 1973. – 453 с.
12. Памяць: гіст. – дакум. хроніка Магілёва / Беларус. энцыкл. – Мінск: БелЭн, 1998. – 496 с.
13. Снапкоўскі, У.Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: Вучэб. дапам. для студ. фак. міжнар. адносін: У 2 ч. Ч. 2. Ад канца XVIII да пачатку XXI ст. / У.Е.Снапкоўскі. – Мінск: БДУ, 2004 – 303 с.

14. Стаўка Вярхоўнага галоўнакамандуючага. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т.– Мінск: БелЭн, – Т. 6. – Кн. 1. – 2001. – 591 с.

15. Филиппович, И.И. Могилев: Хроника событий 1917-1918 (по архивным и печатным материалам) – Могилев, 1995 – 132 с.

16. Эктон, Э. Новый взгляд на русскую революцию / Э. Эктон // Отечественная история. – 1997. – №. 5 – С. 68–89.

БЕЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА КАК СУБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Стрелец М. В.

г. Брест, БрГТУ

Вопрос о международном статусе Белорусской Народной Республики (БНР) важно рассматривать в контексте дискуссий о данном государственном образовании. Советская историография однозначно утверждала, что БНР не могла быть опытом белорусской государственности и поэтому не видела оснований для того, чтобы вести речь о дипломатии БНР. В постсоветской историографии представлены как сторонники такой точки зрения, так и их оппоненты. По мнению автора, аргументы последних представляются убедительными.

По логике вещей, власть в Беларуси должна была принадлежать силам, которые уполномочивал белорусский народ. После февральской революции 1917 г. в России представители белорусского национального движения пришли к выводу о том, что возник исторический шанс для решения белорусского вопроса на действительно демократических началах. Об этом свидетельствовал съезд белорусских национальных организаций в Минске, который начал свою работу 25 марта 1917 г. Итоговая точка в истории данного форума была поставлена 27 марта 1917 г. Именно благодаря решению этого съезда начал отсчет своего существования Белорусский национальный комитет (БНК). Члены БНК были едины в том, что Беларусь должна иметь автономию в составе Российской демократической федеративной республики. Согласно решениям съезда БНК должен был найти единый знаменатель позиций по данному вопросу с Временным правительством. Был определен

круг деятелей, в задачу которых входило изложение аргументов БНК официально Петрограду (П. Алексюк, Э. Будько, Я. Канчер, И. Косяк, М. Коханович, И. Красковский, Р. Скирмунт). В компетенции БНК существенное место занимали организационно-правовой, концептуальный и практический аспекты избирательной кампании, которая имела целью придать реальные очертания Белорусской краевой раде (БКР).

Ключевым результатом работы съезда белорусских национальных организаций и партий (Минск, 8-10 июля 1917 г.) явилось преобразование БНК в Центральную раду белорусских организаций (ЦРБО). Через три месяца вместо ЦРБО начала отсчет своей истории Великая белорусская рада (ВБР). Именно ВБР и белорусский областной комитет при Всероссийском Совете крестьянских депутатов (БОК) на действительно демократических началах организовали выборы делегатов на первый Всебелорусский конгресс.

Конгресс начал работу 5 декабря 1917 г. На форуме впервые прозвучал лозунг БНР. Как только конгресс подошел к голосованию по вопросу о власти и о будущем статусе Беларуси, он тут же был разогнан большевиками. Они совершили этот противоправный акт 18 декабря 1917 г. Специально отметим, что после форума в подполье стал действовать Исполнительный комитет Рады Всебелорусского конгресса [1].

18 февраля 1918 года немцы впервые с октября 1915г. стали двигаться дальше линии Двинск - Постава - Барановичи - Пинск - Луцк. Большевики вместо того, чтобы защищать Минск, из него убежали, прихватив с собой все авуары государственного банка. 20 февраля 1918 г. Исполнительный комитет Рады Всебелорусского конгресса выходит из подполья и заявляет о начале деятельности Народного Секретариата (правительства) Беларуси, о чем сообщает в первой Уставной грамоте к народам Беларуси. После того как 25 февраля 1918 г. Минск стал объектом немецкой оккупации, для Народного Секретариата (НС) четко обозначилась главная задача: выстраивание оптимальных отношений с германской стороной.

Во время пребывания немцев на территории Беларуси в качестве оккупантов развитие взаимоотношений между НС и Германией прошло 2 этапа:

1. От 25 февраля до середины апреля 1918 г.
2. От середины апреля до конца декабря 1918 г.

Заметим, что и на первом, и на втором этапах дело не дошло до дипломатического признания страны, которую представлял НС, с германской стороны.

Первый этап – этап полного игнорирования НС и официальным Берлином, и оккупационными властями. Немцы не вели никаких переговоров или консультаций с НС в процессе разработки мирного соглашения, которое будет подписано в Брест-Литовске 3 марта 1918 г. между Советской Россией с одной стороны и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией – с другой. В Берлине не придали какого-либо серьезного значения Второй Уставной грамоте к народам Беларуси, изданной Исполкомом Рады Всебелорусского конгресса 9 марта 1918 г. В ней, во-первых, была провозглашена БНР и, во-вторых, разоблачался Брестский мирный договор. Немцы никак не брали в расчет появление 18 марта 1918 г. такой структуры как Рада БНР. Именно Рада БНР 25 марта 1918 г. издает Третью Уставную грамоту, в которой провозглашалась независимость этой республики. Германская сторона не воспринимала серьезно БНР и, естественно, ее ключевых с точки зрения выполнения внешнеполитических функций лиц: Председателя Рады, Председателя Народного Секретариата, Народного секретаря по иностранным делам.

На первом этапе сфера международной деятельности БНР была незначительной. Только в некоторых странах можно было встретить деятелей БНР, которые выступали в качестве дипломатов. Однако содержание их отношений с этими странами было таким, что, во-первых, не было потребности в постоянных дипломатических представительствах и, во-вторых, с их именами никак не могли быть связаны переговорные марафоны.

На первом этапе политику БНР определяли силы, которых нет оснований характеризовать как прогерманские. Однако политические деятели, сгруппировавшиеся в рамках «Минского белорусского представительства» (П.П. Алексюк, Р.А. Скирмунт, А.М. Власов и др.) сумели 12 апреля 1918 г. войти в состав Рады БНР. Именно под их влиянием в политике руководства БНР стал преобладать германский вектор. С целью достижения кардинальных изменений в отношениях по линии Германия — БНР руководство последней пыталось использовать в качестве посредника посла Германии при Центральной Украинской Раде, а также напрямую выходить на официальный Берлин [2].

Рубежным между первым и вторым этапами ходом Рады БНР явилась ее телеграмма на имя кайзера Германии. Судя по содержанию телеграммы, это был далеко не лучший вариант политического поведения. Особенно компрометировало авторитет членов Рады их согласие быть под «опекой германской державы». Вместе с тем данный факт положительно повлиял на отношение оккупационных властей к руководящим структурам БНР. Перестала быть объектом жесткого отторжения со стороны этих властей внешнеполитическая составляющая деятельности правительства БНР. Прослеживались какие-то положительные сдвиги в международном положении БНР. Впервые в своей истории республика стала субъектом консульских связей. Ее соответствующие учреждения могли посещать в своих городах киевляне, одесситы. Один из консульских округов БНР находился в Литве. Москвичи обращались к А.А. Бурбису как к лицу, которое потенциально оказывало объем услуг, адресованных клиентам консульских учреждений. Из архивов БНР можно узнать о том, что ее уполномоченные представители выполняли внешнеполитические функции данного государства на российском, украинском, польском, германском, швейцарском, датском направлениях, посещая соответствующие страны. На анализируемом этапе были введены дипломатические паспорта БНР [3].

Ключевые принципы внешней политики БНР нашли отражение в ее Временной Конституции, которая датируется 11 октября 1918 г. Согласно этому основополагающему документу, высшим исполнительным органом республики являлась Рада Народных Министров, которая по содержанию своей деятельности, включая дипломатический аспект, ничем не отличалась от ее предшественника – Народного Секретариата. Неизменным осталось и функциональное назначение внешнеполитического ведомства, которое стало входить в дипломатическую историю БНР как Народное Министерство иностранных дел.

Истоки третьего этапа в отношениях БНР и Германии, в истории дипломатии БНР нужно искать в начале Ноябрьской революции в Германии. Используя благоприятный момент, Советская Россия аннулировала Брестский мирный договор. На территорию Беларуси вступили войска Красной Армии, которые имели целью экспорт социалистической революции, установление Советской власти. Начался отход 10-й немецкой армии с отечественной территории.

Старт третьего этапа совпал с переездом руководящих органов БНР в Вильнюс. С 27 декабря 1918 г. они стали работать в Гродно. Гродненский период дипломатической истории БНР примечателен тем, что в его хронологические рамки вместились появление первых в истории республики учреждений, которые имели все признаки дипломатических представительств, которые на постоянной основе функционируют в стране пребывания. Начало этого периода совпало с провозглашением Советской Социалистической Республики Белоруссии (ССРБ). Однако, несмотря на данный факт, руководство БНР по-прежнему считало себя единственной законной высшей властной структурой в Беларуси. Позиция Рады и Рады Народных министров БНР в этом вопросе осталась неизменной и после того, как они на финише третьего квартала 1919 г. начали берлинский период своей деятельности.

Наиболее громкое событие в дипломатической истории БНР на анализируемом этапе – присутствие ее представителей на Парижской мирной конференции, которая начала свою работу 18 января 1919 г. Конечно, официального статуса у этих представителей не было. Однако делегаты БНР во главе с главой правительства, Народным Министром иностранных дел А. Луцкевичем стремились максимально использовать свой неофициальный статус для того, чтобы довести до сведения участников конференции подходы республики в отношении определяющих с точки зрения ее интересов внешнеполитических вопросов [4]. К сожалению, конференция показала, что ключевые игроки на международной политической сцене не желали видеть в БНР полноценного субъект международных отношений и международного права.

Четвертый этап дипломатической истории БНР берет отсчет в первой декаде сентября 1919 г. Именно тогда закончился берлинский период в деятельности ее руководящих органов и снова началась минский. Специфика нового этапа - деятельность ее органов в условиях польской оккупации. Понятно, стержневым вектором внешней политики БНР становится польский. Усилия ее дипломатии были, направлены на то, чтобы приобрела реальные очертания федерация между Польшей и БНР. Однако эти усилия оказались напрасными.

Существенным достижением правительства республики явилось создание ее военно-дипломатической миссии, которая получила

аккредитацию со стороны высших органов исполнительной власти Латвии и Эстонии. Точка отсчета в истории миссии – сентябрь 1919 г. Она просуществует до 1 февраля 1921 г. Миссия занималась как военными, так и консульскими вопросами. Перед миссией была поставлена задача: сделать все возможное с тем, чтобы Эстония стала местом первоначального базирования ключевых элементов военной структуры БНР: войск и вооружений.

Очевидная дипломатическая активность БНР прослеживалась до 13 декабря 1919 г., то есть до того дня, когда в республике было установлено двоевластие. Рада БНР приказала долго жить. Одна бывшая часть ее членов провозгласила Наивысшую Раду БНР, а другая – Народную раду БНР. Причем каждая из Рад работала с собственным правительством. Указанное обстоятельство предопределило редкое сужение маневра во внешнеполитической области для БНР [5].

Пятый этап дипломатической истории БНР начинается в июле 1920 года. Именно тогда Народная рада и правительство Ластовского переехали в Ригу. В ноябре того же года рижский период их деятельности сменяется каунасским. Главная внешнеполитическая задача БНР на данном этапе заключалась в недопущении раздела белорусских земель между Польшей и Советской Россией. Важно отметить, что когда между Варшавой и Москвой заработал соответствующий переговорный механизм, обе указанные Рады стали забывать о былых разногласиях, с октября 1920 г. была только одна Рада – Рада БНР. Двоевластие закончилось [1].

Во время переговоров российская и польская стороны полностью игнорировали правительство БНР. И это в то время, когда к БНР относились как к субъекту международного права правительства прибалтийских государств, официальные Прага, Берлин, Париж, царская Болгария, Королевство Сербов, Хорватов, Словенцев, важный игрок на международной политической сцене Северной Европы – Дания. Принципиально важно отметить, что на момент переезда правительства Ластовского в Каунас руководство этих государств не ставило под вопрос факт нахождения на подвластных им территориях дипломатических представительств БНР, которые работали здесь на постоянной основе.

Многие государства стали адресатами меморандумов, деклараций со стороны правительства БНР. Смысл данных документов (их

было 26) заключался в том, чтобы международное сообщество воздействовало на Варшаву и Москву с тем, чтобы они не договаривались в Риге за спиной БНР. К сожалению, озабоченность правительства БНР о судьбе своего Отечества не нашла поддержки в мире. 18 марта 1921 года стал фактом Рижский мирный договор, согласно которому Западная Беларусь и Западная Украина вошли в состав Польши.

Указанный договор означал начало шестого, последнего этапа дипломатической истории БНР, который продолжался до 1925 г., то есть до Второй Всебелорусской конференции. К 1923 г., до переезда правительства БНР в Прагу, республиканские лидеры активно ставили перед влиятельными международными форумами вопрос о том, что БНР нужно придать статус общепризнанного субъекта международных отношений и международного права. Реальная политика советских властей на Беларуси с 1923 г. во многом предопределила резкое ослабление дипломатической активности и крах БНР в 1925 г. [2].

Таким образом, анализ внутрибелорусских и международных реалий даёт основание утверждать, что нужно избегать двух крайностей касательно оценки дипломатии БНР. БНР не была ни фантомом, ни полноценным субъектом в системе международных отношений. Наше Отечество впервые стало полноценным субъектом международных отношений только с провозглашением независимой Республики Беларусь.

Использованная литература

1. Белорусская Народная Республика – Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/.../Белорусская народная республика](https://ru.wikipedia.org/.../Белорусская_народная_республика). – Дата доступа: 06.03.2017.
2. Тихомиров, А. В. Дипломатия БНР в период послевоенного обустройства Европы и польско-советской войны (ноябрь 1918 – март 1921 гг.) / А.В. Тихомиров // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: library.by/portalus/.../readme.php?...id. – Дата доступа: 02.03.2017.
3. 25 вопросов и ответов из истории БНР / euroradio.fm [Электронный ресурс]. – Режим доступа: euroradio.fm/ru/25-voprosov-i-otvetov-iz-istorii-bnr. – Дата доступа: 09.03.2017.

4. Белорусская Народная Республика – Краткая история Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: history-belarus.by/pages/terms/bnr.php. – Дата доступа: 04.03.2017.

5. Слуцкая, В.Н. Провозглашение и дипломатическая деятельность Белорусской Народной Республики в 1918–1925 гг. / В.Н. Слуцкая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: elib.bsu.by/bitstream/.../slutskaya_Sbornik9_tom1.pdf. – Дата доступа: 03.03.2017.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ФАКТОР В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 ГОДА

Харламова Ю.А.

г. Москва, МГУ

Русский историк и социолог В.О. Ключевский писал: «Когда исчезает из глаз тропа, по которой мы шли, прежде всего, мы оглядываемся назад, чтобы по направлению пройденного угадать, куда идти дальше» [7, с. 123]. Взгляд в прошлое, анализ и оценка исторического опыта в поисках ответов на возникающие вопросы – достаточно верный методологический подход, поскольку то, что выдержало испытание временем и создало необходимые предпосылки для выхода из сложных ситуаций, должно получить продолжение, конечно, с учетом новых условий и новых ожиданий.

Интеграция истории и политологии в условиях современного глобального социального кризиса, распада прежних общественных связей и институтов особенно стимулирует интерес к преемственности, неразрывности исторического и социально-политического процесса, поиску определенных универсальных смыслов и ментальных составляющих, которые двигают людьми в выборе оптимального обустройства жизни, в том числе и в политической сфере.

Применение исторического подхода к анализу политической роли российского железнодорожного комплекса оправдывает и то, что он превратился в «часть бытия человека». История культуры человека, общества будет неполной без транспортной составляющей. Кроме того, железнодорожный транспорт, являясь одним из величайших изобретений человечества, оказывал определяющее воздействие на развитие не только российской, но и общемировой цивилизации на протяжении XIX и XX веков.

Железнодорожный комплекс был и остается важнейшей техно-общественной инфраструктурой российского государства, входящей в число приоритетных в процессах обеспечения жизнедеятельности населения. Он не только выполнял и выполняет системообразующую хозяйственную функцию, но и охватывает большую часть России через профессиональную сеть и территорию деятельности железнодорожной инфраструктуры. Сложившись в зависимости от природной среды, культуры данного общества и доступности ресурсов, большие технические системы, в свою очередь, становятся матрицами, на которых воспроизводится данное общество. Они соединяют народ буквально – своими технологическими сетями, например, единая сеть железных дорог, сеть жилищно-коммунального хозяйства или единая энергетическая сеть, а «объективно присущая производственной среде России коммунальность, обусловленная данными нам природно-географическими и геополитическими условиями, возрастает и вызывает к жизни определенные технологии, как инженерные, так и институциональные, а также задает способы организации государственной жизни» [6, с. 230].

Данное положение в свое время признавал даже С.Ю. Витте, который отстаивал, прежде всего, частные принципы в организации хозяйственной жизни Российской империи. Он утверждал: «Казенная эксплуатация русских железных дорог принципиально желательна... железные дороги в руках правительства бессословного царя не могут, и никогда окончательно не будут служить орудием сословных или имущественных привилегий, сознательного поддержания или водворения имущественного неравенства, - одним словом, они могут служить лишь интересам русского народа» [3, с. 52]. Железнодорожный комплекс российского государства всегда имел коммунальный характер, т.е. требовал коллективных усилий и общих правил для своего использования, был основан на общей (государственной) собственности и едином централизованном управлении. Железнодорожный комплекс России – это особая самостоятельная субкультура со своими традициями, лексикой, укладом и даже профессиональной этикой.

Появление железнодорожных коммуникаций как важного элемента модернизационных изменений и стержня развития многих отраслей экономики страны способствовали сохранению культурного ядра России, а именно: коллективизма, соборности, синтеза

различных типов жизни, мягкого поглощения нерусских пространств. В сложных модернизационных экономических и социально-политических процессах, когда часто вставала дилемма между жизненной потребностью в модернизации и одновременно – в сохранении культурной исторической связи, развитие железнодорожного комплекса под патронажем государства наиболее полно соответствовало принципам коллективной, соборной (совместной) идеологии.

В архетипе русского народа пространство как социокультурный феномен и желание его преодоления занимали и занимают одно из ведущих мест. Связанная с природой инстинктивная тяга к коллективизму, у русских получила культурное, даже священное, обоснование в православии, на основе чего и возникла особая российская цивилизация, которая была открыта всему народу. Поэтому, на наш взгляд, он и освоил (в том числе в транспортном отношении) землю до Тихого океана, в отличие от западной цивилизации, которая, благодаря мягкому климату и компактному расселению, имела гораздо меньшие транспортные издержки и энергозатраты, чем российская. Климат России обуславливал и обуславливает в 1,5–2 раза повышенную энергоемкость промышленных производств и самого жизнеобеспечения, что сразу же, вместе с протяженными сухопутными и морскими пространственно-ледово-транспортными условиями, дает широкие возможности для спекуляции на нерентабельности (в европонимании) российских производств и самой российской жизни. Однако нация имеет право на историческое бытие, если она может себя прокормить и сохранить как историческую целостность, что на протяжении более тысячи лет и демонстрировал русский этнос.

Железнодорожный фактор проявил себя в качестве действенного политического инструмента в революционных событиях 1917 г. Исследователь В.И. Старцев [15], рассматривая обстоятельства, предопределившие относительную легкость свержения царской власти в феврале 1917 г., убедительно доказал, что в момент кризиса Государственная Дума сумела перехватить рычаги государственного управления, во многом благодаря использованию телеграфной сети МПС. Именно контроль над аппаратом МПС позволил Временному комитету Государственной Думы сразу быть в курсе всех передвижений грузов и войск.

Кроме того, центральный телеграф МПС связывал новую власть со всей страной. По нему рассылались важнейшие распоряжения Временного комитета Государственной Думы, контролировалось движение императорских поездов, эшелонов с войсками, подавались распоряжения на доставку продовольствия в столицу. Знаковым событием является и то, что в типографии министерства был напечатан акт об отречении Николая II от престола и Манифест великого князя Михаила Александровича о его отказе принять верховную власть, манифест Временного правительства.

Именно, железнодорожники не пропустили в Петроград верные императору Николаю II отряды под командованием генерала от инфантерии Н.И. Иванова. Между Гатчиной и Семрино им удалось заблокировать движение. Таким образом, данные события во многом предопределили падение власти династии Романовых.

Профсоюз железнодорожников (Викжель) был активным социальным агентом в событиях октября 1917 года. Первый серьезный кризис в послеоктябрьском правительстве был вызван не наступлением войск Краснова и Керенского на Петроград, не противодействием влиятельных еще на тот момент политических партий, а так называемым ультиматумом Викжеля. Избранный Всероссийским учредительным съездом железнодорожников Всероссийский исполнительный комитет профсоюза железнодорожников (Викжель) принимал активное участие в политической борьбе за власть при подготовке Октябрьской революции и сразу после ее победы. Представительная, влиятельная, достаточно многочисленная, одна из наиболее образованных профессиональных социальных групп – железнодорожники, являлись на тот момент активным политическим субъектом, который обладал существенным политическим весом, уверенно позиционировал себя во властном пространстве и в процессе принятия важных политических решений.

Данные исторические обстоятельства в свою пользу попытались использовать представители эсеро-меньшевистских партий, которые вошли в руководство Викжеля и в виде политического вызова правящей большевистской партии потребовали создать правительство из представителей всех, действовавших на тот момент, социалистических партий, убрав из него В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого. Радикальный лидер большевиков Л.Д. Троцкий незамедлительно дал оценку этим событиям, отметив, что «вся эта мещанская сво-

лочь, что сейчас не в состоянии встать ни на ту, ни на другую сторону, когда узнает, что наша власть сильна, будет с нами, в том числе и Викжель... Мелкобуржуазная масса ищет силы, которой она должна подчиниться. Кто не понимает этого – тот не понимает ничего в мире, еще меньше – в государственном аппарате» [17, с. 121]. Однако одним из средств выхода из этого кризиса был вынужденный переход большевиков к коалиционной стратегии, закладывающей возможность совершенно особых измерений политического процесса в стране.

Политические лидеры Викжеля отказались признать правомочность съезда Советов и Совнаркома, но так и не смогли привести в действие угрозу всеобщей забастовки. Это позволяет говорить о коалиционном звучании политики, а также о железнодорожниках как о субъекте политики с высоким уровнем самосознания. В конечном итоге власть осталась у большевиков, которые вооружились важным политическим опытом в социальных процессах взаимодействия с железнодорожниками, что, впоследствии, сыграло немаловажную роль в политике национализации всего железнодорожного хозяйства страны. Очевидным становится и то, что не случайно в числе руководителей железнодорожным ведомством той эпохи оказались известные большевистские политические лидеры, а именно: Л.Д. Троцкий, Ф.Э. Дзержинский, Л.М. Каганович. Их деятельность вышла за пределы осуществления транспортной политики в советском государстве, однако ее важность подчеркивалась и учитывалась ими в реальных политических процессах, непосредственными участниками которых они являлись.

Роль железнодорожных коммуникаций достаточно концептуально была оценена именно В.И. Лениным как создателем Страны Советов, предложившим к тому же новую, обогащенную идеями русского анархизма теорию государства. В.И. Ленин являлся родоначальником теории империализма (глобализации) с обдуманно им процессами и возможностями преодоления свободного капиталистического рынка при безраздельном господстве мирового финансового капитала.

В.И. Ленин одним из первых указал на политические аспекты неравномерного международного экономического развития и значения, которое приобрели железные дороги в этих процессах. В работе «Империализм как высшая стадия капитализма» применительно к железнодорожному транспорту он отмечал: «Возможность вывоза

капитала создается тем, что ряд отсталых стран втянут уже в оборот мирового капитализма, проведены или начаты главные линии железных дорог, обеспечены элементарные условия развития промышленности...» [8, с. 360]. Позднее, в предисловии к французскому и немецкому изданиям этой работы, В.И. Ленин дополнил: «Постройка железных дорог кажется простым, естественным... предприятием... На деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства, вообще превратили эту постройку в орудие угнетения миллиарда людей (колонии плюс полуколонии)» [8, с. 304-305]. Подтверждение указанной позиции содержится и в иностранном издании, подробно рассматривающем сущность политики железнодорожного империализма по всему миру, включая Россию [21]. Прямым следствием проявления империалистической политики в конце XIX–начале XX века явилось то, что металлургическая промышленность стала играть большую роль во внешней политике государств и диктовать свою волю королям и президентам. Согласимся, что к началу XX столетия можно было считать аксиомой, что «когда происходило столкновение между интересами металлургической промышленности и интересами других отраслей национальной индустрии, победа всегда оставалась за стальными королями». [9, с. xiiii]

В крайне тяжелой обстановке переходного периода от одного типа хозяйствования к другому, проводящейся национализации, ликвидации военной разрухи, когда многие процессы значительно усложнились, а вызовы требовали своевременных ответов руководителей страны и управленческого аппарата железнодорожного комплекса, были найдены и проведены своевременные и правильные организационно-технические мероприятия, позволившие в дальнейшем решать масштабные национально-политические задачи. Тревога за состояние железнодорожного транспорта вышла за пределы транспортного ведомства и стала предметом повседневного обсуждения государственных и общественных органов.

Адекватная социально-политическая роль железнодорожного комплекса в виде объективных потребностей общества, которые аккумулировались советским руководством и оказывались во многом национальными интересами большинства, активно начала проявляться после гражданской войны, а ее правильность определил итог Второй мировой войны.

Железнодорожный транспорт, бурный рост которого в XIX веке был вызван расцветом промышленности и торговли, совместно с созданием качественно новых средств вооруженной борьбы, произвел подлинную революцию в военном деле, на практике обеспечил возможность создания, снабжения и управления многомиллионными армиями, которые нередко выступали важнейшими акторами мировых политических процессов.

Возможность быстро осуществить мобилизацию, неожиданно для противника сосредоточить в нужном районе значительную группировку войск, организовать ее надежное материальное обеспечение, эвакуацию раненых, доставку пополнения, и тем самым, существенно уменьшить зависимость армии от особенностей театра военных действий со второй половины XIX века превратила российские железные дороги в фактор стратегического значения. Быстрота, надежность и относительно невысокие по сравнению с другими видами транспорта затраты, огромное влияние, которое железнодорожный транспорт оказывал на сроки мобилизации и сосредоточения вооруженных сил, их материально-техническое обеспечение, позволили увидеть в нем «орудие войны, ... новый и притом незаменимый род оружия против неприятеля» [10, с. 5]. К трем факторам, а именно армии, флоту и развитой системе крепостей, которые обеспечивали оборонный потенциал государства, прибавился четвертый – железные дороги.

Железнодорожная инфраструктура с середины XIX до середины XX веков были индикатором уровня военно-стратегического развития государств и их внешнеполитического могущества, что подтверждается рядом исследований [19; 18; 20]. К примеру, всевозможные проблемы вокруг Трансперсидской магистрали являлись ярким барометром англо-российских отношений в начале XX века [18, р. 136]. При осуществлении анализа политических процессов, которые привели к революционным событиям в России в 1917 г. и оценки степени влияния железнодорожного фактора на их ход целесообразно обратиться к историческому опыту Первой мировой войны.

Приходится констатировать, что царская Россия вступила в эту войну неподготовленной в транспортном отношении, именно состояние и работа железнодорожного транспорта были одним из слабых звеньев в военно-стратегической компоненте государства.

Отсталость транспортной системы значительно осложнила обстановку на фронтах для русской армии и вызвала крупные сбои в экономике страны, вынужденной перестраиваться на военный лад. Так, северо-западное и юго-западное направления, где России противостояли Германия и Австро-Венгрия, имели соответственно 17 и 8 сквозных железнодорожных линий, способных пропускать к российской границе 812 поездов ежедневно. Тогда как российские возможности в этих направлениях ограничивались 7 железными дорогами с максимальной пропускной способностью 167 поездов в сутки. [1, с.158] В 1914 году к российской границе подходили 32 железнодорожные линии, в том числе 14 двухпутных, тогда как из России к ней вели только 13 линий, из которых лишь 8 были двухпутными. Железные дороги за пределами территории военных действий также были слабо развиты [16, с. 197]. Таким образом, провозные и пропускные способности железных дорог Российской империи на европейском театре военных действий были гораздо ниже транспортных возможностей противника. Это преимущество позволило противнику сосредоточить свои войска на границе через 13-15 дней после начала мобилизации. России для этого потребовалось в два раза больше времени. Кроме того, более развитая сеть железных дорог, созданная в предвоенный период в Германии, признается большинством специалистов в качестве одной из главных причин (наряду с фактором тяжелой артиллерии) успехов немецких армий в периоды крупных сражений.

Кроме того, накануне боевых действий генеральный штаб допустил ряд серьезных просчетов в организации железнодорожных войск. В начале военных действий проявилась острая нехватка железнодорожных батальонов. Отрицательное воздействие оказала борьба главного штаба и главного инженерного управления за право иметь в своем ведении железнодорожные войска [14, с. 233]. Военным командованием не был также предусмотрен порядок действия железнодорожных войск в случае отступления русских армий и не было проведено заграждение магистралей на направлениях отхода войск.

Ситуацию усугубляли и причины объективного характера, связанные с направлениями строительства железнодорожной сети в 60-70-х гг. XIX века. Так, с запада к Волге подходило десять железных дорог, с востока – всего четыре, центральные губернии соеди-

нялись с Уралом и Сибирью только двумя мостами через Волгу. К Архангельску, северному порту страны, от Вологды шла железная дорога узкой колеи. С незамерзающей Мурманской бухтой железнодорожной связи не существовало, впоследствии именно Первая мировая война подтолкнула царское правительство к решению этой задачи, что позволило получить надежный выход к незамерзающим бухтам Баренцева моря, к Северному Ледовитому океану. Важно отметить то, что эксплуатация дорог, построенных еще в XIX веке, была связана с их изношенностью и необходимостью обновления всего путевого хозяйства. Техническое оснащение практически всех железных дорог империи было слабым. Длина грузового поезда составляла всего 80 осей, средний вес – 573 тонны [4, с. 80], что существенно отставало от европейских показателей. Кроме того, по настоянию Антанты для быстреей доставки грузов в России снижали веса поездов, что ещё более увеличивало интенсивность эксплуатации паровозов и локомотивных бригад.

Анализ провала воинских перевозок в Первой мировой войне также показал, что главной причиной железнодорожного кризиса в этот период явилась неспособность военно-бюрократического монархического режима организовать управление и взаимодействие всех железнодорожных подразделений [12]. Военные события показали слабость отечественного транспортного машиностроения, отраслей национального хозяйства, которые не могли обеспечить возросшие потребности в вагонах, рельсах, средствах связи и в другом оборудовании. России приходилось закупать очень многое, от вооружения и паровозов до лопат и мешков. Зависимость от зарубежных поставок, от зарубежных кредитов в годы Первой мировой войны выявилась с полной очевидностью и стала приобретать необратимый, фатальный характер. Николай II и Временное правительство шли на новые уступки союзникам, зависели от них в финансовом и материально-техническом отношении.

В свое время в записке к Николаю II от 1914 г. (до начала Первой мировой войны) статс-секретарь, министр внутренних дел, активный член Государственного совета П.Н. Дурново предупреждал, что «жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются..», «в области экономических интересов русские пользы и нужды не противоречат германским..», «борьба между

Россией и Германией глубоко нежелательна для обеих сторон, как сводящая к ослаблению монархического начала...», «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой трудно предвидеть». В этой же записке он обращал внимание и на то, что «сеть стратегических железных дорог недостаточна, и железные дороги обладают подвижным составом, быть может, достаточным для нормального движения, но несоответствующим тем колоссальным требованиям, которые будут предъявлены к нам в случае европейской войны. Наконец не следует упускать из вида, что в предстоящей войне будут бороться наиболее культурные, технически развитые нации. Всякая война неизменно сопровождалась доселе новым словом в области военной техники, а техническая отсталость нашей промышленности не создает благоприятных условий для усвоения нами новых изобретений» [5]. Разумные доводы этого государственного деятеля не были услышаны теми, кто принимал важные политические решения.

Провальной можно считать и кадровую политику, связанную с деятельностью железнодорожного ведомства. Находившийся на посту министра путей сообщения с 1909 г. С.В. Рухлов в октябре 1915 г. был уволен, фактически, за развал военно-транспортной логистики. Однако последствия его руководства ещё долго сказывались. Заместитель наркома путей сообщения РСФСР В.В. Фомин в 1922 г. справедливо отмечал: «Рухловская политика в области подбора личного состава из тогдашних черносотенных организаций довершила ту чудовищную узость и близорукость подхода, которую культивировало царское правительство в области транспорта». В этой связи любопытно будет обратиться к личности другого руководителя железнодорожного ведомства, который эффективно руководил им до С.В. Рухлова – М.И. Хилкова. Вот, например, что писала во время Русско-Японской войны 1905-1907 гг. о нем английская газета «Таймс»: «...князь М.И. Хилков является для Японии более опасным противником, чем военный министр А.Н. Куропаткин. Он знает что делать, а самое главное – как делать. При нем Сибирская магистраль стала работать очень эффективно, а ее служащие демонстрируют высокий профессионализм. Если и есть человек в России, способный более чем кто-либо другой помочь своей стране избежать военной катастрофы, то это именно князь Хилков...». Кстати сказать, с началом революции 1905 г. на железных

дорогах начались забастовки, и Хилкова под этим предлогом отправили в отставку. Оставшись не у дел, он скончался в марте 1909 г. в Петербурге. После С.В. Рухлова, ушедшего со своего поста, до осени 1917 г. в этой должности побывало шесть человек, четверо из которых входили в разные составы Временного правительства.

Итак, в качестве итога отметим, что бедная железнодорожная сеть, недостаточное количество подвижного состава, отсутствие рокадных линий и выгрузочных платформ ограничивали маневренность войск, существенно снижали боевую мощь вооруженных сил и крайне осложняли обеспечение войск, чем в значительной мере был обусловлен целый ряд поражений русской армии. В условиях войны перестройка такой огромной технической системы как российский железнодорожный комплекс представлялась слишком затруднительной и практически невозможной. В случае успешной организации работы и создания железнодорожных магистралей многие негативные последствия, связанные с военными действиями, на наш взгляд, удалось бы значительно сгладить, прежде всего, в плане снижения человеческих потерь с русской стороны.

В свое время, анализируя результаты Первой мировой войны, В.П. Семенов–Тян-Шанский отмечал: «Последняя европейская война, приобретая мировой характер, поставила, несомненно, на очередь вопрос о сети мировых путей в ближайшем будущем. Это один из животрепещущих вопросов политической географии» [11, с. 191]. Исследуя основы империалистической политики, современник В.П. Семенова–Тян-Шанского большевик М.П. Павлович [9] пришел к схожим выводам относительно причин Первой мировой войны. Он доказал прямую зависимость между ростом и усилением значения металлургической промышленности в мировых экономических процессах и причинами Первой мировой войны. К данному выводу он пришел на основе анализа политической борьбы за Трансперсидский путь, трансафриканские магистрали, а также за Панамский канал между империалистическими державами тогдашней эпохи (Россией, Англией, Францией, Германией, США).

В итоге можно отметить, что те противоречия, которые не были сняты между мировыми державами в ходе Первой мировой войны, потребовали разрешения во Второй мировой. Первая война закончилась для России революцией, разрухой, гражданской войной,

вторая – сокрушительной победой над противником и утверждением авторитета советской власти на мировой политической арене.

Использованная литература

1. Алексеева И.В., Зеленов Е.И., Якунин В.И. Геополитика в России. Между Востоком и Западом (конец XVIII – начало XX в.). – СПб.: С-Петербург. ун-та, 2001.
2. Верт А. Россия в войне 1941–1945. – М.: Политиздат, 1967.
3. Витте С.Ю. Воспоминания: в 3 т. / С.Ю. Витте. – М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 1.
4. Железнодорожный войска с 1851 по 1941 год: Материалы к истории железнодорожных войск Советской Армии. – М.: Воениздат, 1957.
5. Записка Петра Николаевича Дурново Николаю II //URL: http://znatech.ru/proekty/geoekonomika/zapiska_petra_nikolaevicha_durnovo_nikolayu_ii/
6. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.
7. Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. – Т. IX. – М.: Мысль, 1990.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27.
9. Павлович М.П. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. (К вопросу о причинах мировой войны). – М.: Книгоиздательство «Коммунист», 1919.
10. Рыкачев В. Железные дороги – новый вид оружия против неприятеля. – Харбин, 1909.
11. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. – М. –Л., 1928.
12. Сидоров А.Л. Железнодорожный транспорт России в Первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране // Исторические записки. Т. 26. – М.: Наука, 1948.
13. Сотников Е.А. Железные дороги мира из XIX в XXI век. – М.: Транспорт, 1993.
14. Старостенков Н.В. Железнодорожные войска России. На службе Российской империи: 1851-1917. / Под ред. Г.И. Когатько. – М.: Евросервис – СВ, 2001.
15. Старцев В.И. 27 февраля 1917. – М.: Молодая гвардия, 1984.
16. Транспортные коммуникации Российской империи в годы Первой мировой войны: материалы круглого стола, 28 января

2014 г. / Составители А.С. Сенин, Л.Д. Шаповалова. – М.: СПб.: Нестор-История, 2014.

17. Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций // Вопросы истории, 1989. – №10.

18. Fisher J. Lord Curzon and British strategic railways in Central Asia before, during and after the First World War // Neilson K., Otte T. Railways and International Politics: Paths of Empire, 1848-1945. – Raitledge, 2006.

19. Heywood A. Railway development and military strategy in late imperial Russia // Neilson K., Otte T. Railways and International Politics: Paths of Empire, 1848-1945. – Raitledge, 2006.

20 Railway Imperialism / Ed. Clarence B. Davis, Kenneth E. Wilburn. – N.Y.: Greenwood Press, 1991.

СПОР О ЗАКОНОМЕРНОСТИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ЕЩЕ НЕ ЗАКОНЧЕН

Шибалко В.В., Александренков Ю.В.

Минск, БНТУ

Великая Октябрьская Социалистическая революция – новая эра в истории человечества, поворот мировой истории, важнейшие события XX века. Великая Октябрьская Социалистическая революция – зигзаг истории, случайность, большевистский заговор, верхушечный переворот. И, наконец, Великая Октябрьская Социалистическая революция – трагическая ошибка XX века. Такими эпитетами характеризуется вот уже 100 лет революция 1917 г. Эти утверждения друзей и недругов, дискуссии ученых и лжеучёных, развернувшиеся спор вокруг этого исторического события сами по себе говорят о его значимости в политической истории XX века. Сегодня, когда многими переосмысливается наше прошлое, обсуждается будущее, с особой остротой говорится об октябрьских событиях 1917 г.

В большом количестве литературы об этом времени можно найти несколько концептуальных оценок. Одни авторы прославляют Октябрьскую революцию как историческую веху на пути освобождения человечества, считают октябрь 1917 года неизбежным итогом развития капитализма, началом его гибели и победы коммунизма во всемирном масштабе. Другие проклинают как преступление и катастрофу. Суще-

стает точка зрения, согласно которой октябрь 1917 года оценивается как контрреволюция – в результате октябрьского переворота были свернуты демократические преобразования, заложенные Февральской революцией. В современной публицистической литературе обозначилась тенденция рассматривать Октябрьскую революцию как явление случайное, не имеющее национальных корней в русской истории. При этом, если публицисты западной ориентации считают революцию «нонсенсом», тупиком истории, то авторы так называемого национал-патриотического направления рассматривают октябрь 1917 года как «заговор темных сил», явление, навязанное русскому народу.

Некоторые исследователи отвергают как тезис о фатальной неизбежности социалистической революции в России, так и утверждение о ее случайном характере. Они полагают, что Октябрь 1917 года была закономерным явлением, рожденным конкретно-историческими внутренними и внешними условиями. Трудно признать Октябрьскую революцию закономерной – она представляла собой молниеносный скачок через целый исторический этап, что, само по себе, есть нарушение общеисторической закономерности, которая предполагает переход к новому общественному устройству тогда, когда старый экономический уклад и соответствующий ему политический строй себя полностью исчерпали. Россия не прошла этапа капитализма и вследствие особой исторической ситуации, переход к туманно понимаемому социализму означал игнорирование вообще исторических законов.

В официальную советскую историографию октябрьские события 1917 г. вошли как Великая Октябрьская Социалистическая революция, разрешившая противоречия развития России и открывшая дорогу к социалистическим преобразованиям общества и государства.

Исходя из вышеизложенных оценочных определений закономерности и характера русской революции октября 1917 г., зададимся следующим вопросом – возможен ли был тогда, в 1917 г., не революционный, а реформистский путь развития российского общества? Была ли альтернатива? Среди обществоведов, в том числе историков, единого мнения нет. Одни считают, что ее не существовало и не могло существовать, так как Октябрьская революция и переход к социализму были исторической неизбежностью, порожденной всем ходом общественно-исторического развития. Другие полагают, что альтернативы не возникло из-за реального соотношения общественных сил: осенью

1917 г. решающий перевес был на стороне Советов, большевиков. Третьи исходят из того, что только свержение буржуазии и переход к социализму открывали выход из глухого тупика, в котором оказалась Россия в 1917 г. вследствие отсталости, войны и разрухи, и позволяли разрешить в интересах большинства народа острейшие проблемы – о мире, о земле, о национальном освобождении.

Если первая точка зрения воспроизводит, в сущности, прежние догматические стереотипы о «железной» непреложности действия общественных закономерностей, исключая иные варианты, кроме революционной развязки кризиса, то две последние кажутся основанными на различном понимании исторической альтернативы. Они, во всяком случае, не должны были бы вести к однозначному выводу об отсутствии в 1917 году альтернативы Октябрю.

Глубинное понимание событий 1917 года приводит к выводу, что альтернатива Октябрьской революции действительно была. Возьмем в наших размышлениях исходный пункт - Февральскую буржуазную демократическую революцию. Свергнув царизм, она превратила Россию по политическому строю в одну из передовых демократических стран мира, но не разрешила давно назревших задач. Продолжалась тяжелейшая, ненавистная народу война. Оставался нерешенным вопрос о земле, обостряя вековой конфликт между многомиллионным крестьянством и горсткой помещиков. Рабочий класс подвергался эксплуатации, а его требования выполнялись правительством и капиталистами только при давлении «снизу». День ото дня усиливалась хозяйственная разруха. Крайне острыми были и противоречия между чаяниями народов национальных районов России и великодержавно-шовинистической политикой русской буржуазии. Народные массы, организовавшись вокруг возникших по всей стране Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, стремились к удовлетворению своих требований и установлению подлинного народовластия. Буржуазия, напротив, жаждала скорейшего восстановления «порядка» и «твердой власти».

Придя к власти, буржуазия хотела либо оттянуть разрешение неотложных задач, либо пойти на реформы, но такие, которые не затрагивали бы коренных интересов и привилегий капиталистов и помещиков. Точно также правящая буржуазия не хотела отказаться и от продолжения войны, в сущности, из-за химерических планов империалистических захватов. Временное правительство, называв-

шеяся временным именно потому, что управляло страной до Учредительного собрания, всячески саботировало его созыв: буржуазия резонно опасалась, что в обстановке демократической революции это собрание окажется слишком левым.

До осени 1917 г. в народном движении главенствовали демократические партии – меньшевики и эсеры, с 5 мая они входили во Временное правительство. Их целью было решить назревшие задачи реформистскими методами, вывести страну из кризиса и обеспечить ее развитие по буржуазно-демократическому пути. В то же время ситуация, сложившаяся в 1917 г., особенно в июне-октябре, после мирного периода развития революции, оставляла мало места для реформистских решений основных проблем. Во-первых, крайняя острота классовых противоречий затрудняла наведение реформистских мостов и достижения консенсуса между имущими классами и трудящимися. Во-вторых, узел многочисленных и сложных проблем был затянут так туго, что его реформистская «развязка» требовала большого искусства и времени. В-третьих, практика показала крайнюю слабость буржуазии и мелкобуржуазных демократов, их неспособность реализовать реформистские возможности.

Меньшевики и эсеры возлагали надежды на опыт, знания и организационные способности русской буржуазии. Но она не оправдала и не могла оправдать их надежд. Сформировавшаяся в условиях царского абсолютизма и, потому, политически малоопытная, консервативная, экономически исключительно узкокорыстная, лишенная, в отличие от западноевропейской, какого-либо престижа в глазах народных масс, предрасположенная не к уступкам народу, а к авторитарным методам правления - такая буржуазия менее всего была пригодна стать носителем реформизма.

В конечном счете, лидерам меньшевиков и эсеров пришлось, по сути, отказаться от программ социальных реформ, принеся их в жертву политике сотрудничества с буржуазией. А ведь массы, особенно крестьяне и солдаты, в первые месяцы революции доверяли эсерам и меньшевикам, надеялись, что можно будет все вопросы разрешить ко всеобщему благу посредством реформ и соглашения с буржуазией. За восемь месяцев пребывания буржуазии и соглашателей у власти ни земли, ни мира, ни хлеба, ни закона о 8-часовом рабочем дне, ни ослабления хозяйственной разрухи народные мас-

сы не получили. Как видим, причин для роста народного недовольства было больше, чем достаточно. Добавим, что из-за военных поражений и внутривосточной нестабильности резко ослабли международные позиции России.

Большевистская партия трезво оценила катастрофическое положение страны осенью 1917 г. и указала на революционный выход из тупика как верный путь национального спасения. Если меньшевики и эсеры, хотя и считали себя революционерами, испытывали страх перед «революционными потрясениями» и «взбунтовавшейся чернью», то большевики, напротив, открыто провозгласили неотложную необходимость социалистической революции. Ленин и большевики рассматривали переход к социализму не как некий сверхъестественный «прыжок в неведомое», а как практический выход из кризиса буржуазно-помещичьего строя, то есть как конкретный ответ на конкретные проблемы общественного развития.

В самый канун Октября произошла резкая поляризация классовых и политических сил на два противостоящих друг другу фронта: революция и контрреволюция. Такова, как показывает опыт истории, логика революционных кризисов в буржуазном обществе - они подводят все классы и партии к альтернативной формуле: либо диктатура контрреволюционной военщины, либо диктатура пролетариата. В таких случаях открытой конфронтации революционных и контрреволюционных сил у средних элементов, сторонников реформистского пути, шансы на промежуточное решение падают до нуля. На повестку дня выдвигаются новые альтернативы.

Русская буржуазия давно уже жаждавшая военной диктатуры, осенью 1917 г. окончательно отказывается от буржуазной демократии и, следовательно, от всяких реформистских идей. Теперь народным массам приходилось выбирать не между властью Советов и буржуазной демократией, как в первые четыре месяца революции, а между властью Советов и диктатурой контрреволюционной военщины. Исторически бесспорно, что если бы большевики промедлили со взятием власти и не упредили контрреволюцию, то слабое правительство Керенского сменила бы военная клика. Одновременно осенью 1917 г. грозные очертания приобрела и новая альтернатива: возможность анархистского бунта - «бессмысленного и беспощадного», говоря словами А.С. Пушкина. Стихийный бунт был чреват гибелью культуры и в конечном счете также обернулся

бы иностранным вмешательством и торжеством контрреволюционной диктатуры. Императив истории оказался таким: Россия, чтобы остаться Россией, должна была стать социалистической.

Великая российская революция навсегда остается одним из важнейших событий XX века. При всём расхождении взглядов на события столетней давности невозможно отрицать тот факт, что попытка построения на Земле нового справедливого общества решающим образом изменила пути исторического развития России и оказала громадное влияние на развитие народов планеты. Революционная трансформация России положила начало новому глобальному проекту цивилизационного масштаба. Россия стала как бы полигоном широкомасштабных социальных экспериментов, поучительна для всего мира своими последствиями и уроками.

Споры о причинах и последствиях тех событий эпохального значения идут до сих пор, и пока нет основания утверждать, что произошло полное осмысление случившегося и истина постигнута. Видимо, ближе к истине подойдут наши потомки. Пока разногласия спора в оценке революционных событий 1917 г. только увеличивается.

Вновь предлагается предать суду саму революцию, её вдохновителей, её героев, её жертвы. Но как человек не может отказаться от своей биографии, так народ не может отречься от своей истории. Хотя и нужны новые подходы к оценке значимости Октябрьской революции, оценочным стержнем должна быть ПРАВДА. Следует познать это историческое явление во всей его совокупности, противоречивости, извлечь уроки из послеоктябрьского развития.

Использованная литература

1. Волобуев, П. Октябрьская революция главное событие XX века или трагическая ошибка? / Волобуев, П., Поляков П. // Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа? / под ред. П.В. Волобуева – М.: 1991. – С. 65–85.

2. Волобуев, П. В. Октябрьская революция: новые подходы к изучению / П. В. Волобуев, В. П. Булдаков // Вопросы истории – 1996. – № 5-6. – С. 28–39.

3. Шубин, А. Могла ли Россия обойтись без Революции? [Электронный ресурс] / А. Шубин // История РФ : Федер. портал. – Режим доступа: <http://histrf.ru/biblioteka/book/moghla-li-rossiia-oboitis-biez-rievoliutsii>. – Дата доступа: 21.06.2017.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
<i>Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р.</i> Революция как фактор русской и мировой истории.....	4
<i>Космач В.А.</i> Причины, основные этапы и их характер Великой Российской (русской) революции 1917 года.....	16
<i>Хромченко Д.Н.</i> Революция 1917 г. и установление советской власти в регионах Беларуси.....	26
<i>Багалейша С.В.</i> Перадумовы, прычыны і этапы стварэння Літоўска-Беларускай ССР.....	39
<i>Богданович А.И.</i> Солдатское движение – движущая сила Февральской и Октябрьской революций на территории Беларуси.....	51
<i>Щавлинский Н.Б.</i> Октябрьская революция 1917 г. и выбор пути реализации белорусской национальной идеи.....	57
<i>Божанов В.А.</i> Ленин на крутых поворотах Революции.....	76
<i>Грищенко И.А.</i> Коммунизм и христианство: сравнительный анализ учений.....	86
<i>Давидович А.В., Киселёва С.А.</i> Н.И. Бухарин – теоретик и практик революции.....	107
<i>Довнар Л.А.</i> Жизнь и деятельность организатора Революции.....	116
<i>Дубовик А.К.</i> Профсоюзы Беларуси в революционных событиях 1917 г.: историография проблемы.....	133
<i>Кедрик Т.В.</i> Идеи революции и строительство новой реальности в искусстве конструктивизма.....	142
<i>Куракевич Н.І.</i> Школа, народжаная рэвалюцыяй.....	149
<i>Курилович Н.В.</i> Питирим Сорокин о революции 1917 г.....	153
<i>Лепеш А.В.</i> Паслярэвалюцыйнае нацыянальна-культурнае адраджэнне Беларусі і беларусаў: палітыка беларусізацыі і яе вынікі.....	159
<i>Литвиновская Ю.И.</i> Беларусь – Украина: на пути к независимости.....	163
<i>Лойко А.И.</i> Революция 1917 г. в творческих биографиях уроженцев Беларуси: эстетика изобразительного искусства и дизайна.....	172

<i>Лугвин С.Б.</i> Влияние Октябрьской революции на формирование патримониальных черт советской государственной бюрократии.....	180
<i>Мікалаева Л.В.</i> Новыя метадалагічныя падыходы да вывучэння Кастрычніцкіх рэвалюцыйных падзей 1917 г.....	187
<i>Мушинский Н.И.</i> Октябрьская революция как фактор справедливости в технократическом мире и белорусской истории	194
<i>Панченко А.В.</i> Теория революции К. Маркса и Ф. Энгельса как западно-европейский проект	201
<i>Саракавік І.А.</i> Станаўленне беларускай дзяржаўнасці пад уздзеяннем рэвалюцыі 1917 г. і адносіны да яе Германіі і Савецкай Расіі.....	210
<i>Семёнова Л.Н.</i> 1917 г. в Англо-Русской дуэли.....	223
<i>Сидоренко Б.И</i> Революционный Петроград и Могилёв в октябре-ноябре 1917 г.: Смольный против Ставки	232
<i>Стрелец М.В.</i> Белорусская Народная Республика как субъект международных отношений: ключевые аспекты современного осмысления.....	241
<i>Харламова Ю.А.</i> Железнодорожный фактор в революционных событиях 1917 г.....	248
<i>Шибалко В.В., Александренков Ю.В.</i> Спор о закономерности Октябрьской революции еще не закончен.....	260

Научное издание

**ОКтябрьская РЕволюция
В СУДЬБАХ НАРОДОВ МИРА И БЕЛАРУСИ**

Сборник научных статей по итогам
Международной научно-теоретической конференции

Минск, 7 декабря 2017 г.

Подписано в печать 10.11.2017. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 15,58. Уч.-изд. л. 12,18. Тираж 60. Заказ 874.

Издатель и полиграфическое исполнение: Белорусский национальный технический университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/173 от 12.02.2014. Пр. Независимости, 65. 220013, г. Минск.